1 экз.
Разгон, И
Мельчин, А.
Борьба за власть советов в Дагестане ... (1917-1921)
Махач-Кала
1945

ГК625
Р 206

Проф. И. РАЗГОН
А. МЕЛЬЧИН.

FM625
P206

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В ДАГЕСТАНЕ

(1917—1921 г.г.)

ДАГГИЗ—1965—МАХАЧКАЛА

ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Проф. И. РАЗГОН
А. МЕЛЬЧИН.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В ДАГЕСТАНЕ

(1917—1921 г.г.).

ДАГГИЗ—1945—МАХАЧКАЛА

1 экз.

1986

ГК625
Р206

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)
600983

ГЛАВА I

ДАГЕСТАН В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ.

Дагестан—„Страна гор"—учеными древности был назван „горой языков". На территории до 40 тысяч кв. километров—кумыкской степи, узкой прикаспийской прибрежной полосы и горной части живет 36 народностей, говорящих почти на 70 наречиях.

Политика царского правительства, в течение десятилетий покорявшего свободолюбивые народы Дагестана, загнала основные национальности страны—аварцев, даргинцев, лаков, лезгин—в глушь ущелий и гор Кавказского хребта. Плоскостные земли, населенные кумыками и полукочевым племенем ногайцев, были захвачены местной феодальной знатью или русскими колонизаторами. Здесь паслись многотысячные отары овец, на берегах Каспия зарождались рыбные промыслы, возле железной дороги—первые промышленные предприятия, фабрика („Каспийская мануфактура", в Порт-Петровске).

Рабочие Петровска, Дербента к 1917 году имели уже крупный опыт классовых боев. Годы первой русской революции, годы нового революционного подъема накануне первой мировой войны были годами экономических и политических забастовок. Связанные с революционным Баку, Грозным, Астраханью, рабочие Дагестана имели в своем составе большевиков, стоявших во главе революционной борьбы.

В горах трудовая масса горцев на клочках собранной по горсточке, бережно охраняемой земли, тщетно пыталась прокормиться полосками кукурузы, „террасами" фруктовых садов. Урожая с этих клочков нехватало и на половину года.

Поэтому широкое распространение имел кустарный промысел. Андийская бурка, балхарские гончарные изделия, лакские кинжалы, унцукульская инкрустация—славились далеко за пределами Дагестана. А кубачинские изделия из золота и серебра высоко ценились и на заграничных рынках. Не ограничиваясь

кустарной работой на дому, массы горцев пускались в отходничество: на нефтяных промыслах Баку, Грозного, Майкопа, в русских губерниях—везде можно было встретить дагестанца. В 1914 году таких „отходников" было 93 тысячи из 712 654 человек населения. Иллюстрировать положение основного земледельческого и скотоводческого населения могут следующие цифры:

В 1916 г. пахотных земель в Дагестане (с плоскостью) было 216 332 десятины. Из них 57 989—поливных. Из всей этой земли только половина была под пашней, вторая половина „под залогом". Урожай был 4 млн. пудов, т. е. половина того, что требовалось для полуголодного существования дагестанцев.

Засуха 1917 г. еще более ухудшила экономическое положение горцев. Несмотря на почти поголовную неграмотность, приниженность, реакционное влияние мусульманского духовенства, сохранение феодально-крепостнических пережитков, горская беднота Дагестана к 1917 году также прошла большой путь борьбы. Огромный след на горской бедноте оставили революционные 1905—1907 годы. Немаловажное влияние на развитие крестьянского движения в Дагестане за эти годы оказали восстания крестьян в соседней Дагестану Грузии, организованные и руководимые товарищами Сталиным и Орджоникидзе. В 1905—1907 годы по Дагестану прокатилась волна крестьянских выступлений. Горец, боровшийся за полуголодную жизнь, мечтал о земле, находившейся в руках местных помещиков и баранов дов.

Февральская революция почти никаких изменений в жизнь Дагестана не внесла. Бывшее царское чиновничество, местная националистическая буржуазия, клерикальная и помещичья верхушка горского населения без особого труда прибрала власть в свои руки.

Шестого марта 1917 г. в базарный день на площади г. Темир-Хан-Шуры—центре Дагестана—состоялся большой митинг, на котором был избран „Временный Дагестанский областной исполнительный комитет". В комитет вошли представители дагестанской буржуазии и помещиков, духовенства, буржуазно-националистической интеллигенции, в числе которых были: инженер Зубаир Темирханов (председатель), крупнейший барановод Аварии и ученый арабист Нажмуддин Гоцинский, помещик князь Тарковский. В областной исполнительный комитет был избран единственный в его составе дагестанский революционер, принимавший активное участие в революционных со-

бытиях 1905—1907 гг. в Дагестане, инженер-путеец Махач Дахадаев.

В созданных вскоре Советах рабочих и солдатских депутатов верховодили меньшевики и эсеры. Так, в Петровском Совете рабочих и солдатских депутатов было только лишь несколько большевиков (тт. Селентьев, Кондратенко), а остальные меньшевики и эсеры.

Большевистской организации ни в Петровске, ни в Темир-Хан-Шуре еще не было. Только летом 1917 г., с приездом в Дагестан большевика—студента юридического факультета Московского университета Уллубия Буйнакского насчитывающиеся единицами местные большевики, рабочие бондарного завода и солдаты 220 полка, всего 7-8 чел. организовали первую большевистскую группу и начали борьбу с петровским исполкомом и городской думой.

В Темир-Хан-Шуре в июне 1917 г. группа дагестанских интеллигентов различных политических направлений, враждебных большевизму, создала „социалистическую группу" с неопределенной программой „социалистических" преобразований в Дагестане, отдававшей явным буржуазным национализмом. В нее входили анархист Коркмасов, меньшевик Ковалев, буржуазный националист, прикрывавшийся социализмом, близкий к меньшевикам Тахо-Годи и др. В эту группу вошел и Махач Дахадаев, резко отличавшийся от всего состава группы своей революционной устремленностью, близостью к горской бедноте, знанием ее интересов. Махач уже в 1917 г. понимал общность судьбы дагестанской бедноты с судьбой пролетарской революции в России и с самого начала держал связь с большевиками Петровска, боролся за идеи большевиков. Небольшая группа большевиков образовалась в городе Дербенте.

В то время, когда большевики только сколачивали свои силы, Нажмуддин Гоцинский и его „векиль"[1], фанатичный карлик Узун-Гаджи, неустанно вели подготовку к борьбе с революцией. В борьбе с революцией им помогали многочисленные враждебные ей силы всего Северного Кавказа и Закавказья.

Уже с первых дней после свержения царизма Нажмуддин Гоцинский стал организатором наиболее реакционных элементов Дагестана в борьбе с революцией.

Нажмуддин Гоцинский родился в селении Гоцо. Отец его Доного Могома был одним из тех наибов Шамиля, которые сыграли немалую роль в гибели имамата. Нарушая указания Шамиля, они превращались в настоящих феодальных власти-

[1] Поверенный

телей в своем округе. Грабя население, Доного Могома овладел огромным богатством. Затем он предал Шамиля и оказал содействие царским войскам в его разгроме и пленении, за что получил от царя награду и звание наиба Аварского округа.

Сыну своему Нажмуддину он дал образование и он стал одним из крупных арабистов в Дагестане. От отца Нажмуддин наследовал десятки тысяч голов скота, богатые кутаны, став крупнейшим барановодом Дагестана.

Самовлюбленный, честолюбивый, мечтавший стать властителем всего Дагестана, Нажмуддин Гоцинский, опираясь на реакционное мусульманское духовенство в горах, связался еще до свержения царизма с некоторыми деятелями султанской Турции, став их агентом в Дагестане. Гоцинский надеялся с помощью турок захватить власть в Дагестане, а воинственные турецкие империалисты из клики Энвер-паши—вождя младотурок мечтали с помощью Гоцинского присоединить Дагестан к Турции, которая по их мысли должна была стать создателем огромной мусульманской империи во главе с Турцией.

Свержение царизма в феврале 1917 г. активизировало пантюркистские элементы в Дагестане, еще более сблизило их с буржуазно-националистическими и феодальными элементами, боявшимися дальнейшего развития революции. Не имея опоры в горах, боясь усиления влияния большевиков и революционного роста горской бедноты, буржуазные националисты и помещики Дагестана всячески поддерживали клику Гоцинского, идя навстречу его честолюбивым замыслам стать имамом Дагестана, а затем и всего Северного Кавказа.

Гоцинский объединил все контрреволюционные элементы в горах, пользуясь тем, что горская беднота еще не сумела разобраться в новой обстановке, и, опираясь на духовенство, собрал силы для борьбы с революцией. Ближайшим помощником его был шейх Узун-Гаджи.

17 марта в Дагестан приехал комиссар Временного правительства, бывший член социал-демократической фракции 3-й Государственной думы (исключенный из этой фракции) Гайдаров.

Этот буржуазный националист, выступая 17 апреля на Всекавказском съезде мусульман в Баку, подпевая русской контрреволюционной буржуазии, заявил, что ...„с возвращением из Германии Ленина увеличивается опасность для революции. Большевики ведут революцию к анархии, от анархии к реставрации монархии только один шаг. Надо энергичнее

взяться за организацию своего народа, чтобы уберечь его от надвигающейся русской анархии"[1].

Нарастание революционного движения в Дагестане находилось в прямой связи с революционными событиями в соседних Северном Кавказе и Баку.

После приезда В. И. Ленина и опубликования им своих „апрельских тезисов", после апрельской конференции, работа большевиков резко усилилась. Усилилось влияние большевиков и на Северном Кавказе. Руководитель большевиков на Северном Кавказе С. М. Киров, прекрасно знавший местные условия, вел борьбу за организацию горской, крестьянской и казачьей бедноты вокруг большевиков. Этого больше всего боялись контрреволюционные элементы терского казачества и горских народов Северного Кавказа и Дагестана. В ответ на растущее влияние большевиков на горские массы контрреволюционные верхи горских народов объединяются и вступают в блок с контрреволюционным казачьим офицерством Терека.

Первого мая 1917 г. во Владикавказе открылся первый съезд горских народов. Съезд от лица казачьего офицерства приветствовал атаман Терского казачьего войска Караулов.

Съезд во Владикавказе избрал „Временный Центральный комитет объединенных горцев" во главе с кумыкским князем Каплановым, грозненским нефтепромышленником Чермоевым, кабардинским коннозаводчиком Коцевым, потомком дагестанских шамхалов князем Тарковским и другими. Вошел в этот комитет и Гоцинский.

Гоцинский был на съезде избран муфтием—религиозным главой Северного Кавказа и Дагестана. Таким образом, Гоцинский получил огромные возможности усилить свое влияние на горские массы. Местные национальные исполнительные комитеты, в том числе и Дагестанский областной исполнительный комитет, должны были стать местными органами „Центрального комитета объединенных горцев".

Вполне понятно, что съезд горских народов, представленный контрреволюционной верхушкой, полностью решил поддерживать Временное правительство. Разрешение аграрного вопроса отложили до Учредительного собрания. Таким образом, дагестанская беднота не могла ожидать ни от областного исполнительного комитета, ни от так называемого „социалистического

---

1. Материалы Секретариата Главной редакции „История гражданской войны в СССР", Документальный фонд IV тома, дело № 1617 А, л. 13.

блока", созданного на съезде горскими-меньшевиками и эсерами, удовлетворения своих чаяний и прежде всего разрешения аграрного вопроса.

Взоры их все больше устремлялись к большевикам.

В самом Дагестане на двух съездах „дагестанских представителей" буржуазия и помещики принимают ряд мер, чтобы сохранить свое господствующее положение и не допустить развития революции. Они все решают под знаком шариата: суды по шариату; обучение—не на родных языках, а на тюркском, собственность—ее по шариату трогать нельзя.

Но трудовые массы, несмотря на свою темноту и неорганизованность, несколько иначе понимали шариат. Так, 21 мая плоскостное селение Хасав-Юртовского округа—Эндери на общем собрании постановило сменить старшину, отобрать княжеские земли и присоединиться к Дагестану (Хасав-Юртовский округ был в составе казачьих отделов Терской области). 26 мая на втором собрании этого аула была создана народная власть. Бедняки и середняки соседних с Темир-Хан-Шурой аулов Дургели и Кадар, вооружившись чем попало, совершили поход по окружающим аулам, хуторам и отобрали землю и мельницы у 50 кулаков. Рабочие городов Петровска и Дербента организовали профсоюзы, а в Темир-Хан-Шуре Махач Дахадаев создал „Совет рабочих и земледельческих депутатов" и отряд в 500 вооруженных горцев и жителей города.

Еще до приезда Буйнакского дербентские большевики 22 апреля в „Известиях Дербентского Совета" напечатали статью, в которой разъясняли, что рабочий вопрос может разрешить не Учредительное собрание, а только диктатура пролетариата. 22 июля Петровский Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию о выражении недоверия областному исполнительному комитету как контрреволюционному органу, враждебному революции. Но всего этого было слишком мало, чтобы противопоставить распыленные силы революции сплотившимся силам контрреволюции. К этому еще надо добавить, что „социалистическая группа" не только не вела последовательной политики борьбы с областным исполнительным комитетом, но стояла на платформе поддержки буржуазного Временного правительства и доведения несправедливой империалистической войны „до победного конца". Так один из руководителей этой группы Джелал Коркмасов 2 августа на заседании областного исполнительного комитета говорил:

„На первом месте стоит земельный вопрос. Социалисты провозгласили принцип—земля трудовому народу. Временное правительство принимает меры к этому. Такой мерой является уч-

реждение земельных комитетов и созыв съезда крестьянских депутатов. Во имя достижения светлых идеалов социализма мы должны выйти победителями с врагом внешним—Германией и внутренним—скрытой контрреволюцией".[1]

Если неутомимый Махач Дахадаев, не покладая рук боролся с Гоцинским, Гайдаровым и К⁰, на заседаниях областного исполнительного комитета, на собраниях аульской бедноты, в Совете рабочих и земледельческих депутатов—всюду страстной речью, личным примером, призывая горцев сплотиться, готовить оружие для борьбы, которая неминуемо разгорится в ближайшем будущем, то другие члены „социалистической группы" или расшаркивались перед Временным правительством или тащились на поводу у националистов.

По инициативе „социалистической группы" 6 августа в Темир-Хан-Шуре состоялся съезд бедноты, но на решениях его лежала печать той же политики полумер. Съезд постановил отобрать землю у помещиков, но высказался против отчуждения кулацких земель. В это же время представители „социалистической группы" вошли в состав областного исполнительного комитета.

Трудящиеся Дагестана боролись за противоположное разрешение аграрного вопроса. Они продолжали захватывать помещичьи земли и сады, готовясь с оружием в руках добыть себе свободу.

ГЛАВА 2.

БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ДАГЕСТАНЕ

В положении готовности обоих лагерей в любой момент начать вооруженную борьбу, застала Дагестан весть о победе пролетарской революции в Петрограде. Еще в августе собравшиеся в ауле Анди наиболее реакционные элементы Северного Кавказа и Дагестана решили избрать имамом Гоцинского, передав ему, таким образом, не только духовную, но и светскую власть. Правда, съезд не прошел так, как он был задуман. Многие делегаты отказались в нем участвовать. Но процесс объединения всех контрреволюционных сил против надвигавшейся пролетарской революции усиленно продолжался. В

---

[1] Газета „Время" № 15, от 2 августа 1917 г. Темир-Хан-Шура

сентябре в Темир-Хан-Шуре создается областной „Милли"-комитет. Эта ярко-националистическая организация, объединившая буржуазных националистов и помещичье-духовные элементы, объявила себя 30 октября 1917 г., когда стало известно о победе Октябрьской социалистической революции, верховным органом власти. Дагестанский областной исполнительный комитет послал в состав его президиума своих представителей, став лишь его исполнительным органом. Так завершилось объединение всех контрреволюционных сил Дагестана от „имама" Гоцинского до „социалиста" Тахо-Годи для борьбы с приближавшейся пролетарской революцией. Одновременно горская контрреволюция объединялась с верхушкой контрреволюционного казачества. За несколько дней до октябрьского переворота, 20 октября 1917 г. во Владикавказе был созван „юго-восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей". Этим пышным названием прикрывалось объединение контрреволюционных верхов донского, кубанского, терского и астраханского казачества, горцев Северного Кавказа и Дагестана, калмыков Астраханской и Ставропольской губернии.

„Юго-восточный союз" был одной из плотин, созданных на окраинах буржуазно-националистическими и буржуазными областными правительствами, дабы приостановить у своих границ победный ход пролетарской революции. Но росли и силы революции в Дагестане.

Группа петровских большевиков, во главе с Уллубием Буйнакским, к этому времени сумела вытеснить меньшевиков и эсеров из „народного мусульманского комитета" и Совета рабочих и солдатских депутатов, возглавлявшегося большевиком рабочим бондарем Ермошкиным. В этой работе ей много помогали указания бакинского комитета партии большевиков, его руководителя товарища Шаумяна и присланные им Измаилов и другие. Несколько ранее от т. Шаумяна приезжали большевики, проведшие разоружение гарнизонов в горах Дагестана, находившихся под командой контрреволюционного офицерства. Часть оружия осталась в руках большевиков. Его решили использовать. По предложению Буйнакского несколько человек выехали в ближайшие к Петровску аулы: Тарки, Кяхулай и из революционной молодежи создали конный отряд. Дагестанские полки из состава „дикой дивизии", только что вернувшиеся с фронта, стояли в это время в Темир-Хан-Шуре и Кизляре и были под влиянием контрреволюционного областного комитета. Через Петровск беспрестанно шли на север эшелоны солдат Кавказского фронта. Большевикам стоило большого труда тушить вызываемые провокационными действиями буржуазии инциден-

ты. Поэтому создание своей вооруженной силы было необходимо.

Днем 25 октября Порт-Петровский Совет собрался на очередное заседание. Присутствовали на заседании представители демократических организаций города и области. Председательствовавший объявил, что из Владикавказа получена телеграмма о том, что власть в Петрограде, после вооруженного свержения Временного правительства, перешла в руки большевиков. Гром аплодисментов покрыл последние слова председательствовавшего.

Затем была зачитана телеграфная лента переговора по прямому проводу, состоявшегося между представителем Терского областного совета эсером Мамуловым и представителем Порт-Петровского Совета 25-го октября, в 11 часов 30 минут дня.

Мамулов—руководитель терских эсеров—ярый враг большевиков, сообщив о „захвате власти в Петрограде большевиками", предложил:„немедленно созвать исполком совета, комитеты партии эсеров и меньшевиков и обсудить создавшееся положение".

„Примите меры к спокойствию гарнизона, дабы не вызвать гражданской войны",—рекомендовал Порт-Петровскому совету Мамулов.

...„Всякий захват власти грозит полным падением революционной демократии в областях"...[1]

Далее он сообщил, что на Тереке решено бороться против власти Советов и рекомендовал немедленно занять телеграф военными частями.

Таким образом, стало ясным, что руководители контрреволюции на Тереке ищут союзников в Дагестане для совместной борьбы против победившей Великой Октябрьской социалистической революции. Оглашение сообщения Мамулова внесло бурю радости по поводу победы пролетарской революции и резкий протест против тех, кто призывал на борьбу с ней.

Во время прений была получена еще одна телеграмма из Грузии.

Известный грузинский меньшевик, впоследствии министр иностранных дел меньшевистского правительства Грузии Евгений Гегечкори также сообщал из Тифлиса о победе большевиков и потребовал принять меры против возможного их выступления в Дагестане[1]

---

[1] Архив Октябрьской революции Грузинской ССР, фонд 1, дело 108, л. 48
[2] Там же

Телеграмма Гегечкори еще более накалила атмосферу. Меньшевикам и эсерам, предлагавшим создать „Комитет спасения революции",—большевики—члены Совета дали резкий отпор.

Перед концом заседания была получена из Тифлиса новая телеграмма военного комиссара Временного правительства при Кавказском военном округе Гобечиа.

Достойный ставленник Керенского, Гобечиа назвал большевиков „безумными и бесчестными людьми", обвинив их в организации „мятежа против революции и Временного правительства". Призывая к смертельной борьбе против них,он заверил, что войска Кавказского военного округа останутся верными Временному правительству и с оружием в руках встанут на защиту революционных завоеваний.[1]

Телеграмма Гобечиа подлила масло в огонь.

Заседание закрылось, не приняв никакого решения.

На другой день в Порт-Петровске состоялся митинг, посвященный событиям в Петрограде.

Петровские большевики заслушали доклад т. Уллубия Буйнакского о значении совершившегося переворота. Затем на митинге, куда пришло много горцев из соседних аулов, выступали большевики—Буйнакский и Захарочкин. Все речи переводились на несколько языков. Слушатели жадно ловили каждое слово ораторов. Здесь же был избран Военно-Революционный комитет г. Петровска, под председательством т. Буйнакского. В состав его, кроме Буйнакского, вошли т. т. Ермошкин, Захарочкин, Котров—солдат, студент—большевик Магомедов Джамалудин, Батырмурзаев Зейналабид, Лагода, Джемалудин Атаев и др.

7-го ноября в Порт-Петровск прибыл делегированный Грозненским Советом депутат—большевик Николай Анисимов. Анисимов был делегатом от Грозного на II съезде Советов в Петрограде, очевидцем и участником вооруженного восстания в Петрограде—25 октября 1917 года. Из Петрограда в Грозный он приехал 2 ноября. На заседании Петровского Совета он рассказал о событиях в Петрограде и сообщил, что Грозненский Совет на объединенном заседании с участием представителей гарнизона Грозного принял резолюцию о признании власти Советов, приветствовал решения 2-го Всероссийского съезда Советов и призвал всех трудящихся встать на защиту этих решений. Петровский Совет, заслушав сообщение Анисимова, принял решение о признании советской власти.

---

[1] Архив Октябрьской революции Грузинской ССР, фонд 1, дело 108. л. 49.

„Вся власть отныне должна принадлежать трудовому народу. Пусть у власти теперь стоит тот, кто своими руками кует железо, сеет хлеб и защищает родную землю"[1].

Совет избрал двух представителей для поездки с представителями Грозненского Совета в Баку и Тифлис для связи с местными органами Советов.

Победа Октябрьской Социалистической революции и декреты 2-го Всероссийского съезда Советов о мире и земле, быстро распространившиеся и в Дагестане, усилили влияние большевиков на дагестанскую бедноту.

В ноябре 1917 г. по инициативе Буйнакского в Темир-Хан-Шуре была создана большевистская группа. В нее входили т.т. Гоголев, Батырмурзаев, Хизроев, Казбеков, Саидов, Габиев и др. Вместе с большевиками работал и Махач Дахадаев.

Не дремала и горская контрреволюция. Объединившись с казачьей контрреволюционной верхушкой на Северном Кавказе, она решила выступить на борьбу против победившей в центре страны Октябрьской социалистической революции, против власти Советов.

Казачьи верхи все время поддерживали связь с буржуазно-националистическими элементами горских народов, группировавшимися вокруг так называемых „национальных советов". В борьбе против пролетарской революции казачья контрреволюция имела в их лице верных союзников.

„Право наций на самоопределение толковалось как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать Февральскую революцию для образования „своего" национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов"[2],—писал товарищ Сталин об „общенациональных институтах", созданных националистической буржуазией на окраинах и в бывших колониях царской России. Такими „общенациональными институтами" на Северном Кавказе были „национальные советы", объединившиеся в „Центральном комитете союза горцев Северного Кавказа".

„Национальные советы" были образованы во всех национальных районах Северного Кавказа. В Дагестане этим „национальным советом" был „Милли"-комитет. Во главе его стояла буржуазно-националистическая интеллигенция, национальная буржуазия и помещики.

---

[1] Архив Октябрьской революции Грузинской ССР, фонд. 1, дело 18, л. 88

[2] И. Сталин—Марксизм и национально-колониальный вопрос—Партиздат. 1936 г. стр. 51.

Пролетарскую революцию „национальные советы“ на Северном Кавказе встретили враждебно. Иначе и быть не могло.

„Буржуазные по природе, они вовсе не хотели разрушать старый буржуазный мир,—наоборот, они считали своим долгом сохранять и укреплять его всеми силами. Империалистические по существу, они вовсе не хотели рвать с империализмом,—наоборот, они никогда не были прочь захватить и подчинить себе куски и кусочки „чужих“ национальностей, если представлялась к тому возможность. Неудивительно, что „национальные правительства“ на окраинах объявили войну социалистическому правительству в центре.“[1]

„Национальные советы“ на Северном Кавказе и в Дагестане живая иллюстрация того, что писал об „общенациональных“ институтах товарищ Сталин.

6 ноября объединенное заседание Терского казачьего войскового правительства и центрального комитета союза горцев Северного Кавказа приняло следующее постановление:

„Вся полнота государственной власти на территории союза горцев Северного Кавказа переходит в руки центрального комитета союза горцев. На территории Терского казачьего войска —войсковому кругу и войсковому правительству“.

Таким образом, во Владикавказе были созданы две власти: одна для горцев и другая—для казаков. Многотысячное „иногороднее“ крестьянство было отдано на съедение контрреволюционной казачьей верхушке.

Ни войсковое правительство в казачьих районах, ни горское правительство в горских не могли предотвратить растущее революционное движение в области. Борьба вспыхивала то в одном, то в другом пункте. Организаторами этой борьбы были местные большевики и солдаты Кавказского фронта, возвращавшиеся через Дагестан и Терек домой. Обе власти—казачья и горская—хотя и были объединены общей борьбой против большевизма, но не доверяли друг другу, открыто друг с другом боролись. Но общая смертельная опасность толкала их к объединению. Для более успешной борьбы с революцией было решено, кроме существующих двух властей, создать в области еще и третью власть—„объединенную“. 1 декабря 1917 г. войсковое правительство, центральный комитет союза горцев Северного Кавказа и т. п., „объединенная демократия“, т. е. эсеры и меньшевики, создали „Временное терско-дагестанское правительство“, к которому должна была перейти вся власть в Терской области и в Дагестане. Создание объединенного прави-

[1] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос—Партиздат. 1936 г. стр. 53—54.

тельства не изменило положения. Новое правительство не пользовалось авторитетом. Не только рабочие, горская и крестьянская беднота, шедшие за большевиками, но даже казачья и горская контрреволюция игнорировали „объединенную" власть.

Военно-Революционный комитет г. Петровска сразу же приступил к действиям. На содержание вооруженных отрядов Красной гвардии требовались средства. Обратились к городской думе. Она после долгих колебаний отпустила...15 тысяч рублей. Тогда Военно-Революционный комитет решил взять необходимые средства у буржуазии. Наложили 400 тысяч рублей контрибуции. Буржуазия подняла вопль. Но Военно-Революционный комитет действовал решительно. Вооруженные отряды ходили по домам буржуазии и собирали деньги. Злостных неплательщиков сажали в тюрьму. Деньги были собраны. Это мероприятие Военно-Революционного комитета испугало городскую думу Петровска и областной исполнительный комитет, но приступить к решительной борьбе с Петровским Военно-Революционным комитетом, в декабре 1917—январе 1918 г. областному исполкому мешали события в Темир-Хан-Шуре и горах Дагестана. Разосланные в округа комиссары осаждали исполком жалобами на население. Население не только не подчинялось распоряжениям комиссаров, но в некоторых округах пыталось вооруженным путем освободиться от их забот о себе.

В декабре 1917 г. Военно-Революционный комитет Петровска стал полным хозяином в городе и в его окрестностях. Уллубий Буйнакский торжественно объявил об установлении советской власти в Дагестане.

„Отныне судьбу жителей ущелий и скал, судьбу всех трудящихся Дагестана будут решать не царские чиновники, не министры Временного правительства, не шейхи и богачи, а вы сами,—говорил Уллубий Буйнакский.—Объявляя вам о создании Петровского Военно-Революционного комитета, о создании Советской власти в Дагестане, я призываю сплотиться вокруг него и дать дружный отпор всем попыткам врагов Советской власти помешать трудящимся строить свою жизнь как они захотят".[1]

Используя в своей агитации за власть Советов обращение Совета Народных Комиссаров за подписями Председателя Совнаркома В. И. Ленина и Народного комиссара по национальным делам И. В. Сталина „Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока", провозглашавшее свободу верований, неприкосновенность национальных, культурных учреждений, свободу ре-

[1] Военно-исторический журнал № 2 1939 г. стр 116.

лигии и призывавшее мусульман поддерживать завоевания Октябрьской Социалистической революции и советское правительство, большевики Петровска достигли больших успехов.

Для укрепления своего положения, на 10 января 1918 г. областной исполнительный комитет созвал 3-й съезд дагестанских представителей. Но тут возникла новая опасность. Небезызвестный Нажмуддин Гоцинский, недовольный ростом революционного движения в горах и городах Дагестана и считая борьбу, которую вел исполком с этим движением, недостаточной, решил продемонстрировать перед горцами и перед исполнительным комитетом свои силы. За несколько дней до открытия съезда в Темир-Хан-Шуре стало известно, что Гоцинский и Узун-Гаджи ведут на город многотысячную массу чалмоносных фанатиков. Население города заволновалось, но членам исполнительного комитета это волнение не передалось. Они знали, что им нечего бояться. Выступление Гоцинского против революционных сил полностью совпадало с их интересами. „Социалистическая группа“ вместе с исполкомом послала навстречу Гоцинскому делегацию. Членом этой делегации был и „социалист“ Тахо-Годи. Гоцинский пообещал делегации не вводить свои „войска“ в город, но сдержать это обещание и не подумал

Утром 10 января 1918 г. столица Дагестана город Темир-Хан-Шура пережила нашествие многотысячной орды Нажмуддина Гоцинского. Гоцинский, чтобы устранить небольшую горсточку революционеров Дагестана, привел в город тысячи вооруженных, обманутых им горцев и под их прикрытием пытался вместе со своим „векилем“, фанатичным шейхом Узун-Гаджи навязать свою волю съезду народных представителей Дагестана.

Тихий обычно городок переполнился толпами вооруженных людей, лихо скачущих на конях, горцами, распевающими на улицах священные песни мусульман, любопытными и напуганными жителями. В окружении трехсот живописно разодетых в горские одежды телохранителей, Нажмуддин важно проследовал на съезд. В своем выступлении он призывал правоверных к спокойствию и объяснял приход своего войска интересами защиты мирных жителей от большевиков.

Приветственный шум, устроенный сторонниками Гоцинского, был заглушен ропотом возмущения делегатов съезда. Даже привыкшие ко всякой подлости руководители областного комитета Темирханов, Дебиров и др. были несколько удивлены наглой ложью имама. Но не в их интересах было ссориться с

ним. Они пытались успокоить съезд соглашательскими речами, в то время, как на улицах города карлик Узун-Гаджи спешно готовил вооруженные силы на случай столкновения и с пеной у рта запугивал народ:

— Кто не подчинится имаму, тому отрубим голову.

Обстановка на съезде все накалялась и накалялась. Когда немногочисленная группа революционной молодежи во главе с Махачем, возглавлявшим борьбу с контрреволюцией, увидела, что руководители съезда не думают одергивать Гоцинского, она решила предъявить ему требование об уводе войск. От имени группы выступил ее руководитель Махач Дахадаев. Он заявил, что до тех пор, пока в городе будут войска имама, революционная часть съезда отказывается принимать участие в его работах. Дагестанского революционера поддержал русский представитель портового города Дагестана Петровска. От имени Совета солдатских и рабочих депутатов он заявил:

— Мы, солдаты, не верим, что наши дагестанцы станут против... свободы, которую мы и дагестанцы, положив такие тяжелые жертвы, пролив столько крови, добыли себе...

В некоторых местах пытаются отобрать оружие у солдат. Солдаты свое оружие никому не отдадут. Солдаты это оружие держат для защиты свободы и революции... Если нашей свободе угрожает опасность—скажите. Наши пушки и винтовки готовы. Давайте вместе будем воевать, вместе умрем за свободу[1].

Эти слова вызвали взрыв энтузиазма среди делегатов-горцев. Руководители съезда поняли, что открыто бороться с представителями рабочих и солдат им нельзя. Тогда они попытались подействовать на „патриотические" чувства дагестанцев. На словах благодаря за помощь, председатель областного комитета Темирханов заявил:

— Вмешательство солдатского комитета в наши внутренние дела, с точки зрения самоопределения каждой народности, нам несколько обидно[2].

Чтобы разбить гнусную клевету на дагестанский народ, который несмотря на провокации Темирханова и его компании понимал, какую неоценимую услугу ему оказывает русский народ в борьбе с контрреволюцией, слово взял руководитель дагестанских большевиков, представитель трудящихся мусульман г. Петровска Уллубий Буйнакский.

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Документальный фонд IV тома, дело № 1826, л. 53.

[2] То же

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

— Солдаты сюда прибыли не для того, чтобы вмешиваться во внутренние дела Дагестана. Они совместно с Петровским комитетом трудящихся мусульман должны работать в тесной спайке. Они слышали, что с гор пришли во главе с Нажмуддином Гоцинским и Узун-Гаджи 15 тысяч вооруженных горцев с целью изгнания дагестанского областного Совета. Они пришли помочь областному совету, если только он нуждается в помощи[1].

Последняя фраза Уллубия Буйнакского раскрывала смысл разыгравшейся борьбы. Когда несколько дней тому назад, 10 января 1918 г. в Темир-Хан-Шуре стало известно о приближении Гоцинского, Махач Дахадаев, ближайший помощник т. Буйнакского, поднял на ноги созданный им в июле 1917 г. „Совет рабочих и земледельческих депутатов", созвал преданных революции горцев из соседних аулов, вооружил их и с отрядом в 600 человек стал у входа в город.

Стойкостью этой горсти бойцов он думал задержать войска имама, и задержал бы—так как большая часть „войска" были такие же бедняки горцы, как и сторонники Махача, но деятели областного совета предали Дахадаева. Они заверили его, что Гоцинский согласился войти в город без войска и заставили убрать охрану. А как только это было сделано, то город оказался во власти Гоцинского и Узун-Гаджи.

Буйнакский понимал, что в защите от имама областной комитет не нуждается, ибо имам пришел сюда по приглашению этого же комитета. Поэтому, отколов часть съезда, Буйнакский и Дахадаев покинули съезд и попытались изнутри разложить армию Гоцинского. Им это вполне удалось. В течение нескольких дней многотысячное войско растаяло... Одни уходили под влиянием слов Махача и Уллубия, которых все в Дагестане знали и любили, другие—те, что пришли с целью совсем особого рода—пограбить, заполнив свои хунджуры[2] награбленным у городских жителей, также сочли за лучшее убраться по добру по здорову. Третьи просто увидели, что они обмануты и в городе совсем не видно людей, которые по словам Узун-Гаджи отбирают у каждого правоверного дом, жену и заставляют его изменить своей вере. Вся затея Гоцинского кончилась полным крахом. Вслед за войском и он сам уехал к себе в Аварию продолжать сколачивать более надежные силы. В городе с отрядом вооруженных конников остался Узун-Гаджи.

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Документальный фонд IV тома. дело № 1826, лл. 53—54.

[2] Хунджур—горский двухсторонний мешок.

Уллубий Буйнакский, видя, что в Темир-Хан-Шуре несколько успокоилось, уехал в Петровск, где его ждала большая работа среди солдат и рабочих города. Уезжая, он посоветовал Махачу быть готовым к любой подлости со стороны Гоцинского и вооружить как можно больше преданных горцев. Махач энергично принялся за это дело. Он послал гонцов в аулы,— Кадар, Дургели и др. Не прошло и двух дней, как в Темир-Хан-Шуру стеклось больше тысячи его преданных сторонников. Но удивительное дело: в городе было снова полно вооруженных людей, но порядок не нарушался. Наоборот, город ожил и на улицах, освещенных не по зимнему теплым солнцем, засверкали яркие полотнища кумачевых знамен.

Помощник имама карлик, прозванный Узун—что значит длинный—Гаджи, притих, затерялся в этой массе.

Чтобы окончательно рассеять страх, наведенный нашествием Гоцинского, чтобы рассказать жителям города и близлежащих аулов смысл последних событий, Махач собрал митинг. По Аргутинской улице, к площади у губернаторского дома потянулись нестройные колонны. Крики: „Да здравствует свобода! Да здравствует революционный Дагестан!" на кумыкском, аварском, русском, даргинском и др. языках потрясали площадь.

У каменного постамента памятника кн. Аргутинскому, убранного несколько месяцев тому назад, произносил речь, верхом на лошади, поворачиваясь в седле то в одну, то в другую сторону и энергично жестикулируя, небольшой человек в тужурке инженера, с продолговатым лицом, с черными усиками и чуть выпуклым открытым лбом. Это был Махач Дахадаев. Он говорил вначале на кумыкском языке, затем сам переводил на аварский.

— Братья!—вытянув руку, обращался Махач к народу. Вот уже 9-10 месяцев как мы получили свободу. После получения этой свободы в России была разруха, анархия... Главной причиной этого была великая мировая война. Теперь, когда власть перешла в руки большевиков, то правительство заявило, что воевать больше не будет.

Братья!... Весь дагестанский народ говорит и мы говорим: пусть будет шариат, но мы говорим—пусть шариатисты от имени шариата не угнетают народ, не порабощают его. Мы против этого всегда будем бороться... Мы узнали, что Нажмуддин и Узун-Гаджи склонили на свою сторону горцев выгнать комиссаров, разогнать советы, они делают все что угодно.., Вам, собравшимся на площади, объявили Нажмуддина имамом. Мы до сих пор говорили и теперь говорим: это насилие. Мы всегда будем бороться против насилия. Последние 10 лет в

России пали жертвой за свободу народа от руки царских палачей 30 тысяч социалистов. Мы смерти не боимся. Пока живы — будем бороться против насильников, против тиранов.[1]

Грохот приветственных криков и выстрелов разнесся по площади. Восторгу горцев не было предела. Долго не успокаивался народ, зажженный страстной речью Махача. Много усилий пришлось затратить Узун-Гаджи, чтобы заставить выслушать свою речь. Он сейчас уже никому не обещал снести головы, а смиренно пытался улизнуть от ответственности за привод войска.

—Мы от чеченцев получили письмо с просьбой прибыть к ним. Мы здесь остановились по пути,—хитрил старик[2].

Обращаясь к Узун-Гаджи, Махач гневно оборвал его:

— Тот народ, который к нам пришел, мы не приглашали. Они сами пришли недовольные здешними делами. И теперь этот народ заявляет, что не уйдет отсюда до тех пор, пока не увидит спины тех, которые пришли с Нажмуддином[3].

Долго еще продолжался митинг у губернаторского дома. Много было ораторов. Члены „социалистической группы", выступавшие на митинге, не сделали попытки поднять народ до уровня понимания задач классовой борьбы, а пошли на поводу у традиций. В противовес Гоцинскому они провели избрание шейх-уль-исламом Дагестана Али-Гаджи Акушинского. Хотя это был наиболее демократический и популярный шейх в Дагестане, но Махач считал возможным уже на данном этапе революции не прибегать к помощи шейхов.

Все последние дни Махач был занят организацией вооруженных сил. У здания реального училища все время шло обучение отрядов. Такого рода деятельность Махача вызвала протест со стороны буржуазно-националистического областного совета. На заседании последнего, 19 февраля, Махачу пришлось бороться уже не с Узун-Гаджи, а с членами совета. На протест против вооружения и военного обучения отрядов Махач ответил своим протестом против всей деятельности областного совета.

— А почему не выразили вы протест, когда Али-Клыч (цирковой борец) провокатор, продающий турков России, а русских туркам, разграбил винтовки, предназначенные област-

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Документальный фонд IV тома, дело № 1826, л. 54.

[2] Там же, л. 57.

[3] Там же.

ным советом для раздачи дагестанским округам. Тогда вы должны были бы протестовать.[1]

Не только борец Али-Клыч или Рубина, как его звали, во время скитаний по Европе, начальник телохранителей Али-Гаджи, готов был продать и русских и дагестанцев кому угодно. Более видные, облеченные властью люди, с благословения этой власти, занялись такого рода торговлей. Видя, как растет в горах популярность Уллубия Буйнакского и Махача, как увеличиваются их силы, областной исполнительный комитет, зная, что у него за спиной, кроме квалифицированных говорунов и полуразбойничьих шаек Гоцинского и Узун-Гаджи ничего нет, принялся за поиски внешней силы.

С этой целью от имени горского правительства Северного Кавказа и Дагестана в Турцию была послана делегация в составе членов совета Гайдара Бамматова, Темирханова и Дебирова. Одновременно областной комитет решил своими силами захватить Порт-Петровск, где с ноября 1917 г. власть была в руках Военно-Революционного комитета во главе с коммунистом Уллубием Буйнакским.

Петровский ВРК сразу стал на верный путь связи с революционными организациями Баку и Астрахани. Во внутренней политике он также совершенно правильно начал с организации революционных сил. Не ограничиваясь работой среди солдат и рабочих города, ВРК посылал агитаторов во все окружающие аулы. Из горской молодежи создавались отряды Красной гвардии. Средства на содержание этих отрядов брали с буржуазии путем наложения контрибуции. ВРК уже ставил вопрос о национализации фабрик, заводов и банков. Петровская буржуазия подняла вопль На ВРК и Буйнакского посыпались жалобы в областной исполнительный комитет. Тов. Буйнакский видел контрреволюционную сущность не только областного исполнительного комитета,но и Темир-Хан-Шуринской „социалистической группы". Являясь по своему существу организацией буржуазных националистов, „социалистическая группа" не только не была связана с советскими Баку и Астраханью—единственным источником помощи Дагестану, но даже к Петровскому ВРК относилась враждебно. Послушное орудие в руках буржуазного областного совета, „социалистическая группа" в борьбе с Гоцинским ничего не нашла лучшего, как провозгласить шейх-уль-исламом Али-Гаджи Акушинского. Только Махач Дахадаев, входивший формально в состав группы, вел действительную

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Документальный фонд IV тома, дело № 1826, л. 57.

борьбу против всех ее мероприятий за создание революционного фронта и, опираясь на трудовые массы горцев, не отклонял, а наоборот, привлекал помощь Петровского ВРК. По его просьбе Буйнакский сумел выделить ему пять пулеметов и партию винтовок, большего дать не могли.

Махач Дахадаев все больше отходил от „социалистической группы". Фактически он в Темир-Хан-Шуре представлял Петровский Военно-Революционный комитет и активно проводил в жизнь директивы Уллубия Буйнакского. Сейчас, когда петровская и темир-хан-шуринская буржуазия слились воедино в своей борьбе против ВРК, Буйнакский, понимая, что близится новое нашествие Гоцинского и не имея возможности оставить в такое ответственное время Дагестан, предложил Махачу выехать на Северный Кавказ за помощью.

Махач и сам понимал, что без помощи Астрахани, Северного Кавказа и бакинских пролетариев будет трудно справиться с контрреволюцией. Гоцинский снова собрал большие силы и двинулся на Шуру. Это движение шло пока медленно, так как сторонники Махача во всех аулах Темир-Хан-Шуринского округа оказывали большое сопротивление продвижению имама. На „учарах" аулов (вечернее собрание на площади) шли нескончаемые споры пускать или не пускать Гоцинского в Шуру.

В одном из аулов на собрании „джаамата" (общество) агент имама мулла Идрис-Кади начал призывать горцев в армию Гоцинского. Один из бойцов Махача, посланный им для набора горцев, в ответ на такую агитацию заявил:

—Кади, может быть, имам Нажмуддин святой и близкий богу. Мы не спорим. Но его святость и бог нам не нужны. Его бог и его святость служат князьям и его собственному брюху, а не нам. Поэтому без бога и без святости мы нашей силой будем защищать наши аулы и наши земли. Большевики помогут нам лишить князей княжества и земель, мы так верим[1].

Слыша вопли петровской буржуазии и видя, как медленно идет Гоцинский, областной исполнительный комитет формирует новое, по его мнению, более энергичное, правительство во главе с Гайдаровым и шейхом Али-Гаджи. Последнее было сделано для того, чтобы немного обуздать Гоцинского, так как областной исполнительный комитет, почти не имея сил, сам немного побаивался имама, хотя большинство членов комитета

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Рукописный фонд VII тома, дело № 4032, л. 52.

были явными сторонниками последнего и вели бешеную агитацию за его приход. Такую же агитацию вел Узун-Гаджи. Его отряд снова был в городе и готовился присоединиться к силам Гоцинского. Если к этому прибавить провокационную политику „социалистической группы", один из членов которой Тахо-Годи, прозванный за свою соглашательскую политику „Тихо ходит", находясь на посту заместителя председателя исполкома, выполнял любые указания приверженцев Гоцинского, то станет понятней обстановка в Дагестане к марту 1918 г.

В то время, когда рядом с Дагестаном, в Терской области Пятигорский съезд народов Терека, под руководством Сергея Мироновича Кирова, 17 марта объявил признание власти Совнаркома, когда Бакинский Совет, руководимый Шаумяном, Джапаридзе и Микояном, одерживал одну победу за другой,—в Дагестане начинала побеждать контрреволюция. Это объясняется рядом причин. Во-первых, Петровский ВРК. единственная большевистская организация в Дагестане, несмотря на огромную работу, проделанную им, не смог охватить своим влиянием весь Дагестан. Немногочисленный пролетариат Петровска и Дербента и революционные солдаты не успели еще проникнуть в аулы и возглавить там борьбу за власть. „Социалистическая группа" тащилась на поводу у националистов и своей деятельностью объективно способствовала усилению сил контрреволюции. В Темир-Хан-Шуре Махач дни и ночи вел борьбу против областного исполнительного комитета и его пособников из „социалистической группы". Махач добился огромных успехов. Число его сторонников росло. Его имя в горах было символом революционных действий, но собрать воедино, направить в нужное русло эти силы в условиях разбушевавшейся стихии контрреволюции, в условиях предательства „социалистической группы" было не по силам даже такому человеку, как Махач. Единственный выход из создавшегося положения он видел в обращении к помощи бакинских пролетариев, рабочих Астрахани и Грозного. Махач начал готовиться к поездке на Северный Кавказ. Собираясь уехать, Махач 9 марта вызвал бойцов своего отряда и предложил им выехать в аулы для продолжения там работы. Уже под вечер во время беседы Махач вдруг услышал шум на улице. Он послал бойца узнать в чем дело. Вскоре запыхавшийся боец сообщил, что на площади собрался огромный митинг. Шейх Бедави-Кади требовал удаления Махача из города.

Несмотря на протесты товарищей, Махач решил итти на митинг.

Когда толпа фанатичных сторонников Гоцинского увидела

приближающегося Махача, многие схватились за кинжалы. Махач шел спокойно и уверенно, высоко подняв голову. Его сопровождало всего несколько человек. Такая смелость подействовала на толпу. Дагестанцы уважают храброго человека, а горцы расступились перед Махачем, который быстро прошел к постаменту памятника, служившему трибуной.

Бедави-Кади и другие агенты Гоцинского не хотели давать Махачу слова. Тогда Махач, не слушая их, обратился к толпе. Несколько минут в поднявшемся шуме ничего нельзя было понять. Но вот голос Махача, не громкий, но уверенный и так знакомый всем собравшимся, начал заглушать стихающий шум. Махач говорил о великом братстве народов, поднявшихся на борьбу со своими эксплоататорами, о подлости шейхов, беков и мулл, цепляющихся за старое и разжигающих гражданскую войну в стране:

— Если бы вы кричали, чтобы я говорил,—обратился он к тем, кто мешал ему говорить,—я бы рта не открыл, так как не боюсь помещичьих и княжеских лакеев. Вы кричите, чтобы я молчал, тогда я буду говорить. Хотите слушайте, хотите нет.

И он действительно говорил, говорил страстно, убедительно, говорил правду, которая каждого, в ком есть хоть капля совести, заставляла задуматься, посмотреть на себя, на других. Махач кончил. Не слушая ропота ошеломленных врагов, он также уверенно покинул площадь. Ни одна рука не посмела преградить ему путь; ни один взгляд не осмелился встретиться с его гордым взглядом. Махач ушел с митинга победителем и в ту же ночь выехал в Петровск, откуда после совещания с Буйнакским на Северный Кавказ за помощью.

Дезорганизованные предательством членов „социалистической группы", сторонники Махача не смогли отвести удар Гоцинского от Темир-Хан-Шуры и помешать областному комитету начать наступление на Петровск.

Дагестанский областной исполнительный комитет, желая расправиться с Петровским Военно-Революционным комитетом, не мог найти более удобного момента. Отсутствие Махача облегчало выполнение контрреволюционного плана. Близкий подход Гоцинского обеспечивал поддержку в случае неудачи. Хитрые пройдохи из областного комитета решили организовать наступление на Петровск до прихода Гоцинского, так как по их расчетам, если они сами сумеют справиться с этой задачей, то это заставит Гоцинского с ними считаться.

Командиру дагестанского полка полковнику Гальдгар был дан приказ выступать. Вместе с отрядом национальной милиции

Гальдгар 25 марта выгрузился на ст. Петровск-Кавказский и повел наступление на город. Во много раз превосходящие силы противника заставили отряды т. Буйнакского и Захарочкина отступить к вокзалу. Рядом с вокзалом—порт, где всегда наготове стояли пароходы. Видя безуспешность сопротивления, Буйнакский приказал начать погрузку. Часть русских бойцов, конный полк и дружины самообороны он распустил с тем, чтобы бойцы разошлись по аулам и были готовы собраться по его первому зову. Буйнакский решил ехать в Астрахань, так же, как и Махач, за помощью. Сделав последнее распоряжение, он поспешил на вокзал и здесь встал во главе его защитников.

За несколько часов до того, как была закончена погрузка полка, Гальдгару удалось ворваться в здание вокзала и окружить Буйнакского, который в это время по прямому проводу сообщал Бакинскому Совнаркому о катастрофическом положении Петровска.

Весть о пленении Уллубия быстро долетела до порта, где часть красноармейцев была занята погрузкой. Бросив все, они кинулись к вокзалу и дружным натиском освободили тов. Буйнакского.

В 4 часа дня 25 марта 1918 г. члены Петровского Военно-Революционного комитета тт. Буйнакский, Захарочкин и группа русских красноармейцев отплыли на пароходе „Аветик" в Астрахань. В Петровск ворвались войска областного исполнительного комитета. Узнав об этом, Гоцинский также начал спешить. В Темир-Хан-Шуре к нему присоединились отступившие из Владикавказа штаб туземного корпуса во главе с принцем Каджар и нач. штаба полковником Федоровым. Контрреволюционное офицерство, оставшись не у дел, полное ненависти к большевикам предложило свои услуги Гоцинскому.

Армия имама, состоявшая теперь большею частью из авантюристов всего Кавказа, как воронье слетевшихся туда, где можно пограбить, хлынула в Петровск. Началась вакханалия грабежей и истязаний. Для устрашения мирного населения Гоцинский ввел телесные наказания. „Хозяева" разгулялись вовсю. Какой степенью падения нужно обладать, чтобы во время такого открытого разгула реакции, называя себя социалистом, оставаться в кругу разбушевавшихся контрреволюционеров и не только оставаться, как это делал Тахо-Годи, но и принимать участие в „руководстве" областным исполнительным комитетом.

Занятие Гоцинским Петровска ставило в трудное положение Бакинский Совнарком. Единственной артерией, которой

снабжался Баку хлебом, была железная дорога Червленая—Петровск—Баку. Бакинский Совнарком послал несколько экспедиций в Ставрополь и оттуда, пока в Петровске была власть ВРК, шли эшелоны с хлебом. Теперь Гоцинский задерживал их. Но зная, что ему так или иначе придется столкнуться со своими соседями и получив письма от бакинских миллионеров Тагиева, Ассадулаева и др. с просьбой спасти их от притеснений большевиков, Гоцинский послал в Баку делегацию, чтобы узнать отношение бакинцев к событиям в Дагестане.

17 марта от имени Бакинского Совета т. Джапаридзе прислал на имя Дагестанского областного исполнительного комитета телеграмму, в которой писал:

„Мирные договоры недопустимы, если маршрутные продовольственные поезда будут задерживаться. Исполнительный комитет Бакинского Совета настаивает на срочном беспрепятственном пропуске означенных маршрутных продовольственных поездов. Ждем срочного ответа"[1].

Гоцинский и областной исполнительный комитет вместо ответа посылают на Баку полковника Джафарова с задачей, как они сами рекламировали, „спасти братьев тюрков от армян". Эту ложь об армяно-тюркской резне поддерживал и „социалист" Тахо-Годи. Именно он подписал приказ о наступлении контрреволюционных банд на Советский Баку. Поход на Баку был началом конца успехов Гоцинского. Руководимые большевиками бакинские пролетарии нанесли поражение войскам Джафарова, которые разбежались по домам.

Характеризуя положение последних дней, т. Джапаридзе на чрезвычайном заседании Бакинского Совета 26 марта 1918 г. говорил:

— Кольцо контрреволюции затягивалось вокруг Бакинского Совета. Еще когда был занят Петровск, товарищи петровичане сообщали нам о положении дел, о соотношении революционных и контрреволюционных сил. Горсточка социалистов в Дагестане удерживала массы от следования за контрреволюционерами. Одно время социалисты одержали верх и имам Гоцинский, духовный руководитель дагестанской реакции, принужден был итти в горы, но затем с помощью темных элементов, Петровск был занят дагестанской контрреволюцией. Мы не могли отказать им в помощи. Посланный нами отряд принужден был возвратиться... Петровские события вывели нас из пассивного на вид положения. Несмотря на переговоры с Пет-

---

1 „Бакинский рабочий" № 189, 17 марта 1918 г. г. Баку.

ровском с целью наладить отношения, петровские контрреволюционеры все же повели войну против нас. Контрреволюционеры нанесли нам удар тогда, когда мы наладили продовольственное дело на Северном Кавказе[1].

В стремлении к власти Гоцинский и областной исполнительный комитет совершенно не заботились о горах, где жило основное население Дагестана. В горах своего хлеба хватало на 3-4 месяца—все остальное время приходилось жить на привозном хлебе. Его обычно везли из плоскостных районов Чечни и Ставрополя, но сейчас война отрезала эти пути и тысячи горцев были обречены на голодную смерть. Не приходится совершенно говорить о том, что более чем за год правления областного комитета никаких промышленных товаров в горы не поступало. Не лучше было положение и в других областях Северного Кавказа и Закавказья.

Создав Терскую народную республику, С. М. Киров в конце апреля выехал в Москву, чтобы добиться от центральной власти помощи Северному Кавказу. По пути, в газете „Донские известия" он поместил статью „Зарево национального пожара", где в следующих красках рисовал положение Дагестана при власти Гоцинского и областного комитета:

„Известно, что испытывает в отношении продовольствия Закавказье. Но, кажется, в гораздо более безвыходном положении находится Дагестан, который питается исключительно хлебом и кукурузой с Сев. Кавказа. В Дагестане смерть от голода—самое обыкновенное явление. Покойников не в чем хоронить, трупы подолгу лежат в домах, так как по мусульманскому обычаю труп должен быть завернут в коленкор или холст, а дагестанцы не могут получить не только мануфактуры, но и кукурузы"[2].

О таком бедственном положении трудящихся Дагестана знали и Махач Дахадаев и Уллубий Буйнакский. Первый на Северном Кавказе, второй в Астрахани, они деятельно готовились к походу против сил контрреволюции Дагестана. Слухи об этой подготовке достигли Дагестана. Они рождали надежды у трудовых горцев, заставляли ушедших в подполье большевиков деятельнее готовиться к встрече своих товарищей, и приводили в трепет дагестанских контрреволюционеров.

Месяц, проведенный т. Буйнакским в Астрахани, был месяцем большой плодотворной работы. Вместе с членом Петров-

---

1. Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Документальный фонд IV тома, дело № 1919, л. 5.
2. „Донские известия" от 24 (11) апреля 1917 г. Ростов на Дону.

ского ВРК т. Захарочкиным, он выступал на рабочих собраниях Астрахани, делал доклады о положении в Дагестане, о значении Петровска, как стратегического пункта и транзитной базы. С помощью членов Военного совета Астрахани Буйнакский и Захарочкин сформировали отряд из астраханской молодежи, обучили его, достали военное снаряжение. На пароход „Каспий" грузили дальнобойные пушки, пулеметы и когда все приготовления были кончены и был назначен день отъезда, т. Буйнакский получил телеграмму: „Петровск занят Бакинским революционным отрядом". Телеграмма вызвала взрыв энтузиазма. Все с нетерпением ждали дня встречи с бакинцами. По всему Астраханскому порту разносились приветственные гудки стоявших здесь судов, когда пароход „Каспий" отчалил от пристани и взял курс на Петровск. Рабочие и моряки Астрахани тепло проводили отряд Буйнакского, желая ему удачи в борьбе за Советский Дагестан.

Одновременно с подготовкой Астраханского отряда, Степан Шаумян, Алеша Джапаридзе готовили в Баку экспедиционный отряд Бакинского Совета на помощь дагестанским большевикам.

В рапорте командующего этим отрядом т. Ефремова мы читаем:

„4 (17) апреля была произведена посадка на транспорты: 36-й туркестанский полк, Красная гвардия и гидропланы.

Отряд вышел в тот же день в 22 часа на Петровск в составе канонерской лодки „Ардаган"—и транспорты: „Казбек", „Анна Гукасова", „Восток". „Парижьен" и „Дагестанец."[1].

Дагестанская контрреволюция, упоенная своими победами, только в последний момент узнала о готовящемся наступлении большевиков. Она забила тревогу.

На совещании собрались руководители контрреволюции в Дагестане—князь Нухбек Тарковский, Даниил Апашев, полковник Джафаров, вызванный с отрядом из крепости Хунзах, полковник Кайтмас Алиханов, брат известного царского генерала Алиханова—Аварского, громившего революционное движение в Грузии в 1905 году и... „социалист" Тахо-Годи. Наиболее трезвые, как полковник Джафаров, видели, что Петровск удержать нельзя и требовали укрепиться на Атли-Буюнских высотах,—между Петровском и Темир-Хан-Шурой. Но большинство настояло защищать Петровск. Командующим обороной назначили бывшего царского генерала Халилова. Отряд Алиханова послали в Петровск.

---

[1] Газ. „Пятигорское эхо" № 33, от 15 мая 1918 г. г. Пятигорск.

Когда бакинский экспедиционный отряд 19(6) апреля подошел к Петровску, то в городе были следующие силы Гоцинского: — одна сотня 1-го Дагестанского полка, две сотни 2-го Дагестанского полка, горская милиция и дагестанские отряды Гоцинского. Они имели два горных орудия, установленные на возвышенности между маяком и собором и полевое орудие, курсирующее на платформе по железной дороге.

Тов. Ефремов высадил 36-й Туркестанский полк с батареей из двух орудий южнее Петровска, у промысла „Молоканка", а Красную гвардию—в 10 км. севернее города. В час ночи на 20(7) апреля он начал наступление. Незадолго до этого был захвачен паровой катер „Ундина", посланный Гоцинским к острову Чечень, с целью узнать о приближении Астраханского отряда.

В 5 часов утра 36-ой Туркестанский полк занял ст. Тарки и начал окружать город с запада. В это время Красная гвардия, под командованием Попова, с севера двинулась к ст. Петровск-Кавказский, а кононерская лодка „Ардаган", транспорты „Казбек" и „Хорасан", чтобы отвлечь, внимание противника, стали в море на виду у города и начали обстрел противника и казарм.

В 4 часа дня 20 апреля окруженный со всех сторон город сдался. Банды Гоцинского в беспорядке разбежались кто куда. Генерал Халилов и Гоцинский бежали в Кумтор-Кала, где стоял отряд Алиханова. Узун-Гаджи спешил со своим отрядом к Петровску из Чечни, где он опустошал аулы, не признающие имама. Узнав о событиях в Петровске, он в бессильной злобе напал на цветущий степной городок Хасав-Юрт и 22 апреля сжег его дотла.

В Кумтор-Кале, находящейся на полпути от Петровска до Шуры, Гоцинский стал готовиться к новому нападению на Петровск, где уже высадились приведенные Уллубием Буйнакским из Астрахани отряды тт. Бурова и Ляхова численностью в 1000 чел.

4-й съезд „народных" представителей" Дагестана, заседавший в Темир-Хан-Шуре, панически метался в поисках выхода из создавшегося положения Был найден смехотворный компромисс— послать делегации к Гоцинскому и большевикам и договориться с последними о разделе сфер влияния; большевикам— Петровск и побережье моря, областному исполнительному комитету—Темир-Хан-Шура и горы. Долго бились над составом делегации. Никто не хотел ехать к большевикам. Наконец, остановились на „социалисте" Тахо-Годи, дав ему в помощь еще несколько человек из более „левых" членов совета.

В Кумтор-Кале делегацию принял Гоцинский. На предложение отсрочить поход на Петровск он ответил отказом, угрожая тем, что если его армия не пойдет на Петровск, он повернет на Темир-Хан-Шуру и разграбит ее. Угроза эта подействовала на делегатов и, потолкавшись несколько дней в Кумтор-Кале, они ни с чем вернулись в Темир-Хан-Шуру.

Гоцинский, сосредоточив в Кумтор-Кале до 10 тысяч вооруженных горцев, часть которых была в полном неведении о целях похода, другая шла с одной целью—пограбить, 27 апреля бросил эту массу через Атлы-Буюнские высоты на Петровск. Гоцинскому стало известно, что отряд Ефремова собирается двинуться на Северный Кавказ. В Петровске оставался один только отряд Бурова, с которым Гоцинский предполагал успешно справиться. Но расчеты контрреволюции оказались не совсем правильными. Отряд Бурова, красногвардейцы комбата Попова и экспедиционный отряд Ефремова, еще не успевший уйти из Петровска, укрепились в городе и разношерстная фанатичная толпа была встречена стойким отпором. Дальнобойная морская артиллерия быстро расстроила тыл противника и после четырехчасового упорного боя, как по мановению волшебного жезла, вслед за Халиловым и Гоцинским, остатки армии ринулись в паническое бегство.

В этом бою был убит командир Астраханского отряда т. Буров. Командование отрядом принял его заместитель—Ляхов. Уллубий Буйнакский стал готовить отряд Ляхова и Дагестанский полк, бойцы которого быстро стеклись на зов Буйнакского, к походу на Темир-Хан-Шуру.

Областной исполнительный комитет, узнав о разгроме Гоцинского, окончательно растерялся. Агенты его, пытаясь организовать население для обороны Темир-Хан-Шуры, пугали жителей „зверствами" большевиков и этим только еще больше сеяли панику. Князь Нух-Бек Тарковский, потомок шамхалов Тарковских, на которого рассчитывали как на человека, способного собрать распыленные силы, погрузив на арбы свою семью и скарб, вслед за Гоцинским и Халиловым убежал в горы. Тогда исполком назначил полковника Джафарова командующим войсками. С двумя офицерами—поручиком Мищенко и Эмирбековым, Джафаров на паровозе выехал в Кумтор-Кала с целью задержать бегство „чалмоносцев" и организовать отпор большевикам. Каково же было его удивление, когда он, приехав в Кумтор-Кала, застал здесь только несколько дряхлых стариков да женщин и ни одного человека из отрядов Гоцинского и Халилова.

Тщетно „свита" командующего рыскала по узким улицам аула в поисках сил, способных защитить дагестанское правительство. По горным тропам, в одиночку и небольшими группами, эти силы давно уже успели разбежаться по домам. Бросив поиски, Джафаров вернулся на паровоз и, отъехав к железнодорожному мосту за Кумтор-Кала, решил здесь ожидать прихода большевиков.

Какая ирония судьбы! Правительство имама Гоцинского и „социалиста" Тахо-Годи, еще недавно пытавшееся диктовать свою волю советскому Баку, посылавшее делегации в Турцию и Германию с целью признания их „самостоятельности", защищало... 3 человека. И как защищало! „Два из нас спало, а третий наблюдал, не идут ли большевики",—вспоминает об этой бесславной для дагестанских контрреволюционеров эпопее один из ее „героев"[1].

На утро так и не дождавшись большевиков, Джафаров вернулся в Темир-Хан-Шуру, откуда вместе со своими хозяевами, как пес, отдежуривший ночь у покинутой владельцем сакли, также уехал в горы. Так кончился первый этап деятельности дагестанской контрреволюции.

2 мая 1918 г. запуганное противоречивыми хабарами[2] о „злодеяниях" большевиков, население Темир-Хан-Шуры было не мало удивлено, увидев, как в город входил мусульманский отряд под командованием всем известного и любимого Уллубия Буйнакского и русского большевика Ляхова.

Из окрестных аулов и селений потянулись толпы горцев узнать о приходе советских войск, о том что они несут дагестанскому народу. Об одной из таких делегаций и о первых шагах советской власти в Дагестане писала газета „Бакинский рабочий":

„Мирная делегация дагестанцев, согласно требованию комиссаров советских войск, состояла из трех крестьян, двух рабочих и только одного представителя дагестанского исполнительного комитета. Узнав о цели и задаче нашего отряда, делегаты были ошеломлены, так как выяснилось, что выступление дагестанской демократии было результатом националистической провокации. Вернувшись к своим, делегаты созвали митинг, в результате чего часть дагестанских всадников присоединилась к советской власти. Этот факт имел решающее значение. Все оставшиеся, преимущественно разбой-

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Рукописный фонд VII тома, дело 4064, л. 91.

[2] Хабары—слухи.

ные элементы разбежались. Немедленно был организован областной Военно-Революционный комитет, в который вошли представители существовавшего там Союза земледельцев и рабочих, а также представители отдельных аулов"[1].

В состав Военно-Революционного комитета вошли тт. Уллубий Буйнакский, Махач Дахадаев, рабочий Емельян Гоголев, руководитель лакских большевиков Гарун Сандов, один из организаторов Красной гвардии Петровска матрос Тимошин и ряд представителей гор.

В своем первом воззвании к гражданам Дагестанской области ВРК писал:

„... Ближайшей задачей ВРК является: полное освобождение трудового народа от всякого гнета беков,князей и богачей—установление прочного мира между всеми национальностями на основах свободы, равенства и братства. Немедленная передача казенных, бекских, ханских и крупновладельческих земель, пастбищных гор и лесов в руки трудового народа Дагестана. ВРК не посягает ни на основы ислама шариата, ни на нравы и обычаи Дагестана, ни на честь и достоинство его"...[2]

В то время как отряд Ляхова пошел на Темир-Хан-Шуру, 36-ой Туркестанский полк двинулся на север очищать от банд Узун-Гаджи железную дорогу, а канонерка „Карс" направилась к Дербенту. 25 апреля т. Стуруа, руководитель экспедиции, телеграфировал в Баку:

„Дербент сдался без боя. Создан временный ВРК из пяти лиц, который занят организацией советской власти. Город объявлен на военном положении. Все оружие сдается городом в особую комиссию при ВРК. Население приняло хорошо. Просим назначить комиссию. Ждем срочно распоряжений"[3].

В Петровске был также воссоздан ВРК во главе с Уллубием Буйнакским. Представители городских ВРК разъехались в аулы разъяснять значение советской власти для горцев и создавать органы этой власти на местах,

Приехавший 3 мая с Северного Кавказа Махач Дахадаев был выбран заместителем председателя областного Военно-Революционного комитета и военным комиссаром. Как и Уллубий Буйнакский в Петровске, Махач прежде всего взялся за организацию вооруженных сил Дагестана, ибо он знал, что враги снова примутся за свою подлую работу. Дни и ночи Махач, не

---

[1] „Бакинский рабочий" № 86, 14 мая 1918 г. г. Баку.
[2] Государственный архив НКВД ДАССР, фонд 43, дело 10, л. 3.
[3] „Бакинский рабочий" № 74 от 25/IV 1918.

жалея ни сил, ни жизни, разъезжал по аулам, доставал оружие, провиант, объединяя горские партизанские отряды.

После многих месяцев лишений и ужасов войны, террора со стороны Гоцинского и его приспешников, народы Дагестана наконец могли свободно вздохнуть и приступить к социалистическому строительству в Дагестане. Октябрьский переворот „покончив со старым буржуазно-освободительными национальным движением открыл эру нового, социалистического движения рабочих и крестьян угнетенных национальностей, направленного против всякого значит и национального,—гнета против власти буржуазии, „своей" и чужой, против империализма вообще."[1].

ГЛАВА 3.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В ДАГЕСТАНЕ в 1918 году.

„Сила и могущество советской власти состоит в том,—писал товарищ Сталин весной 1918 г.,—что советская власть в центре уже стала действительно народной, выросшей из недр трудовых масс"[2].

Не то мы видим на окраинах, в колониях бывшей царской России.

„На окраинах, населенных отсталыми в культурном отношении элементами, советская власть еще не успела стать в такой степени народной. Революция, начатая в центре, распространилась на окраины, особенно на восточные, с некоторым опозданием... Для того, чтобы власть там стала народной, а трудовые массы социалистическими, необходимы, между прочим, специальные способы вовлечения трудящихся и эксплоатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития. Необходимо поднять массы до советской власти, а их лучших представителей слить с последней"[3],—писал товарищ Сталин.

Деятельность советской власти, установившейся в Дагестане в мае 1918 г., заключалась именно в выполнении этих сталинских указаний. Поднять трудовые горские массы до советской власти, привлечь в органы советской власти лучших ее представителей—такова была первейшая задача большевиков Дагестана.

Вслед за установлением советской власти в Петровске,

---

[1] „ И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. стр. 55. Партиздат ЦК ВКП(б) 1936 г.

[2] „Правда" № 67 от 9 апреля 1918 г.

[3] „Там же.

Темир-Хан-Шуре и Дербенте, волна большевистского влияния быстро разлилась по аулам и станицам Дагестана.

Жители близлежащих к городам аулов сами принимали участие во всех происходивших в городах событиях и, вернувшись к себе домой, возглавили борьбу за власть советов. Начали со смещения старшин и выборов ВРК.

Уллубий Буйнакский с небольшим отрядом объезжал кумыкские селения. В селении Утамыш он провел собрание, на котором разъяснил горцам задачи советской власти и необходимость укрепления и обороны ее от врагов, которые сейчас в горах снова готовили наступление. Товарищу Гаджи Каранай (убит в 1923 г., в память о нем селение Кичи-Буйнак переименовано в Каранай-аул), Уллубий поручил создать в селении Утамыш отряд. Гаджи Каранай с товарищами поехал в Петровск, где получил от Военно-Революционного Комитета оружие. Через два дня после этого в селении Утамыш был создан отряд в 80 человек, готовый выступить на фронт по первому зову Буйнакского.

С помощью присланного тов. Буйнакским русского рабочего Алексея (фамилия не установлена) был создан штаб в селении Утамыш, а в соседнем селении Мюрега—ревком и отряд в 20 чел. Тт. Гаджи Каранай и Алексей создали ревкомы в селениях Алхаджикент и Усемикент, но в селении Гичи-Гимры натолкнулись на упорное сопротивление кулаков. Они хотели было уже применить вооруженную силу, но тов. Буйнакский приказал пока не трогать эти селения и закрепить завоеванное. Лишь в июле месяце с помощью отряда в 50 человек под командованием т. Тимошина было сломлено сопротивление кулаков и в этих селениях также создана советская власть.

„Быть под властью кого-либо, работать на кого-либо давно стало законом нашей жизни, как рождение или смерть[1] говорит о дореволюционном прошлом кумыков один из участников борьбы за власть советов на плоскости Дагестана. Здесь, в районе Чир-юрта, Баба-юрта и в степи, населенной кочевым племенем ногайцев, борьба приняла особенно упорный характер. Владельцы кутанов и земель, князья и беки, потомки бывших властителей Дагестана шамхалов Тарковских, пользуясь родовой властью и деньгами, крепко держали в руках трудовое население. Но близость революционного Терека, работа дагестанских коммунистов, среди которых нужно особо выделить т. Султан-Саида Казбекова сделали свое дело. На

---

1 Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Рукописный фонд VII тома, дело № 4062, л. 95

съезде в Хасав-юрте был создан ревком, председателем которого был избран т. Казбеков. О выступлении на этом съезде, Казбекова впоследствии вспоминали:

„Как огонь летели его слова на князей и землевладельцев и зажгли сердца людей огромной ненавистью к ним"[1].

Тов. Казбеков, по указанию Уллубия Буйнакского и Махача, деятельно принялся за организацию вооруженных сил. В этом ему большую помощь оказали большевики Терека и Астрахани. Через пристань Логань и Кизляр, на Чир-юртовский фронт приходили не только директивы и указания, но оружие, деньги и отряды.

В горах самым революционным был Даргинский округ. Здесь первым установило советскую власть селение Цудахар, где 16 мая был выбран Ревком. Вслед за ним Ревком был создан в селении Мекеге, руководителем которого был сторонник Махача, впоследствии большевик Алибек Богатырев. Когда и в центре округа, селении Леваши, под руководством одного из большевистских руководителей даргинского народа Мусы Карабудагова была провозглашена советская власть, встал вопрос о создании окружного ревкома.

28 мая в местности Урхулла-Дерга (Морская долина) между селениями Цудахар и Леваши состоялось грандиозное собрание представителей селений всего Даргинского округа. Товарищи Карабудагов и Богатырев рассказали собравшимся о том, что несет горцам советская власть, призывая весь даргинский народ с оружием в руках встать на защиту советской власти, давшей горцам национальную свободу, землю, избавившей их от вековой эксплоатации со стороны царских чиновников и местных кулаков и феодалов. На этом собрании был создан Даргинский окружной ревком и выбрана делегация к Махачу за оружием для отрядов, созданных в Даргинском округе.

Несколько ранее, в центре Казихумухского округа в селении Кумух во главе с соратником Махача Дахадаева т. Саидом Габиевым был также создан окружной ревком и отряд Красной гвардии. Но Лакскому ревкому не пришлось развернуть своей работы. В соседних аварских округах, куда скрылись враги советской власти Гоцинский, Узун-Гаджи, Алиханов, Джафаров и др., шла подлая провокаторская работа. Темные горцы этих округов, запуганные и подкупленные контрреволюцией, не имели

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР", Рукописный фонд VII Тома, дело № 4662, л. 25.

такого руководящего центра, который бы смог избавить их от влияния Гоцинского, и еще шли на поводу врагов народа.

Гоцинский, растеряв армию после поражения под Петровском, вернулся к себе в Гоцо и при всей его тучности развил такую бешеную энергию, что его подчиненные не успевали выполнять поручений, которые сыпались на них. По Аварии полетели воззвания имама с призывом к газавату против большевиков. Узун-Гаджи было поручено созвать в Гунибе съезд и собрать разбежавшиеся войска. В этом деле ему помогали члены разогнанного Дагестанского исполнительного комитета Пиралов и Карнаилов. На съезд в Гуниб съехались все бежавшие от советской власти беки и шейхи. В большой речи Узун-Гаджи призывал к немедленной организации вооруженных сил. Съезд вынес решение начать наступление на Темир-Хан-Шуру. После съезда было созвано совещание офицеров. Среди последних, кроме Джафарова и Хаджи-Мурата Арацханова деятельное участие в борьбе с советской властью принимали русские офицеры Брун и Лапин. Командующим избрали Арацханова, который должен был вести наступление на центральном Араканском фронте.

Пока Арацханов собирался,—а на это у него ушел почти месяц, Узун-Гаджи со своим отрядом и Гоцинский с алимами[1] начали наступление с флангов. Узун-Гаджи неожиданно напал на Кумух и разогнал там ревком. Председатель ревкома Гарун Саидов с группой товарищей едва успел скрыться. Защищаться у него не было сил. Разграбив Кумух, Узун-Гаджи двинулся на Даргинский округ, но у границ его под селением Цудахар был неприятно поражен, увидев вооруженные заставы. Он вступил в переговоры с Цудахарским ревкомом, прося только пропустить его через Цудахар, но цудахарцы, зная уловки хитрого шейха, остались непоколебимыми.

19 мая Узун Гаджи начал наступление, но неудачно. Цудахарский отряд, подкрепленный силами других даргинских селений, выбросил Узун-Гаджи из пределов Даргинского округа.

Когда после победы над Узун-Гаджи делегаты Цудахара рассказывали Махачу о героическом поступке Цудахарского отряда Махач остался очень доволен и на прощание сказал им: „Не забудьте передать Цудахару, что мы очень довольны им. Цудахар ценит свою свободу и умеет ее беречь".[2]

---

[1] Алимы—ученые арабисты

[2] Газета „Красный Дагестан" № 256 от 4 ноября 1927 г. г. Махач-Кала.

Простояв около недели под Цудахаром и ничего не добившись, Узун-Гаджи в обход через горы Аварии пошел на соединение с Гоцинским, который уже несколько раз и все неудачно атаковал селение Эрпели, откуда открывалась дорога на Темир-Хан-Шуру. Укрепившись в хуторе Аджиматов Гоцинский сделал новую попытку взять Эрпели, но на помощь Эрпелинскому ревкому пришел чир-юртовский отряд в 350 человек под командованием тов. Казбекова и 28 мая имам был разбит. Только приход Узун-Гаджи помог имаму справиться с объединенными силами и захватить Эрпели. На население была наложена контрибуция в 18 тыс. овец, 800 голов крупного рогатого скота и 150 лошадей.

Одновременно с севера—от Эрпели, с юга—от Араканы силы контрреволюции начали сжимать кольцом Дагестанскую советскую республику. Но большевики Дагестана, зная, что контрреволюция рано или поздно попытается задушить советскую власть, не теряли времени даром.

В Темир-Хан-Шуре военный комиссар Дагестанского ревкома Махач Дахадаев дни и ночи отдавал делу создания дагестанской Красной Армии. Дагестанскими рабочими и моряками был пополнен отряд Ляхова были взяты на учет и вооружены все аульские отряды, коммунисты отряда Ляхова с переводчиками объезжали аулы, разъясняя населению политику советской власти и призывая записываться в Красную армию.

Выходившая на аварском языке газета „Ишчи-Халк" („Рабочий народ") в передовой статье от 22 мая писала:

„Всякий кому дорога свобода трудового народа, который не хочет быть рабом богачей, князей и других государств, кто хочет помочь трудящимся в это тяжелое время, пусть идет в Красную Армию. . Теперь перед нашим бедным народом стоит два вопроса: Братья, чем жить в рабстве, лучше мы умрем свободными борцами за свою свободу"...

Несомненно эти строки принадлежат перу Махача, как и воззвание Военно-революционного комитета, которые в тысячах экземпляров распространялись по аулам. В том номере газеты напечатано одно из таких воззваний:

„Да здравствует Красная Армия, защитница свободы!

Мы не должны усыпить свою бдительность полученной свободой и правами. Если мы будем проводить время праздно, в радости, то наши внутренние враги, богачи, князья, помещики будут подготовляться к отместке. Они, улучив удобный

момент с разинутыми пастями хотят проглотить нашу молодую республику. Мы стремимся к тому, чтобы вырвать с корнем из нашей среды этих крокодилов. Для того, чтобы предохранить нашу молодую республику от отравления этими ядовитыми змеями, нужно нам собрать большую силу. Сегодня наш долг организовать эту силу".

В Петровске Уллубий Буйнакский также объединил аульские отряды и посылал их в Темир-Хан-Шуру, по которому готовился первый удар контрреволюции. Он укрепил связь с Баку, с тт. Шаумяном и Джапаридзе, послал отряд для восстановления ж. д. пути на участке Петровск—Грозный.

Воззвания Петровского Военно-Революционного Комитета, написанные Буйнакским, отличались особой силой, политической заостренностью, ненавистью к врагам. Вот одно из таких воззваний:

„Российская Социалистическая Федеративная Советская республика.

Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! В переживаемый тяжелый момент, когда смертельная опасность грозит не только всем завоеваниям революции, завоеванным потоками крови рабочих и крестьян, свободам и праву на лучшую жизнь, но и самому нашему существованию здесь, жизни и имуществу вас и ваших семей, всех, кто способен носить оружие и имеет достаточно нравственной силы нести высоко священное знамя рабоче-крестьянской революции, не марая его трусостью, мародерством и хулиганством, жертвуя самым дорогим для человека—своей жизнью—спешите в ряды вновь формируемой в г. Петровске добровольческой советской Красной Армии.

Враг революции не дремлет.

Все к оружию!" [1]

Вся эта работа была завершена приказом Дагревкома от 11 июня 1918 г. о создании Дагестанской Красной Армии. В Красную Армию входили: отряд Ляхова, 1 Дагестанский конный полк Тимошина, отряды революционных аулов и Чир-юртовского фронта под командой т. Казбекова. Всего 5—6 тыс. человек.

Руководителем всех этих сил, командующим и политическим комиссаром был военный комиссар ревкома Махач Дахадаев. Его знал каждый боец Красной Армии и ему был знаком каж-

[1] Известия Порт-Петровского совета № 7 от 11 июня 1918 г., г. Порт-Петровск.

дый отряд, каждый боец и комиссар. Махач успевал бывать на всех фронтах, воодушевлял бойцов, руководил ими и добивался победы над врагом. Его военным талантам штатского человека удивлялись военные специалисты. Его личной храбростью гордились дагестанские горцы, храбрые джигиты, уважающие смелость своих командиров. Ему, и большевистской партии, воспитавшей Махача, обязан Дагестан рождением крепкой и дисциплинированной Красной Армии и ее успехами в 1918 г.

Не дремала и контрреволюция в Дагестане.

Посланные еще в марте месяце 1918 г. в Закавказье и Турцию Гайдар Бамматов, Темирханов и Дебиров, узнав о поражении своих единомышленников, поспешили усилить свою деятельность по организации интервенции Турции и Германии в Дагестан. Эту свою работу делегация вместе с приехавшими из эмиграции деятелями горского правительства Чермоевым и др., начала с провозглашения „независимости" Дагестана и Северного Кавказа, и создания „Республики союза горцев Кавказа". Вскоре после занятия турками Батума, здесь была созвана конференция южно-кавказских буржуазных правительств. 13 мая 1918 г. эта конференция вынесла решение об отделении Северного Кавказа от России и его „независимости".

Новоиспеченные дипломаты Горской республики состряпали по этому поводу ноту и через германского посла в Москве графа Мирбаха переслали ее в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР. Небезинтересно привести этот, исключительный по своей самонадеянности и наглости первый документ правительства „Союза горцев Кавказа":

„... 1. Союз горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство.

2. Территория нового государства будет иметь своими границами на севере те же самые географические границы, какие имели области и провинции Дагестана, Терека, Ставрополя, Кубани и Черного моря в бывшей русской империи, с запада —Черное море, с востока—Каспийское море, с юга—границы, подробности которой будут определены по соглашению с закавказским правительством.

3. Полномочным делегатам, подписавшимся здесь, поручено довести до сведения всех правительств это решение и прокламировать этим заявлением образование независимости государства Союза горцев Кавказа, а посему нижеподписавшиеся заявляют, что от сегодняшнего дня, независимое государство

Кавказского союза рассматривает себя закономерно установленным.

Подписи: Абдул Меджид Чермоев,
Гайдар Бамматов[1].

Хотя Чермоеву и Бамматову еще долго пришлось только „рассматривать себя закономерно установленными", но на всей территории их „государства" с тщательно определенными декларацией границами была установлена крепкая советская власть, любимая и охраняемая с оружием в руках народами Северного Кавказа и Дагестана. Советское правительство в ноте Народного Комиссариата Иностранных дел 15 мая ответило германскому правительству, что оно „считает долгом указать, что народы и племена черноморского побережья Кубани, Терека и Дагестана давно уже высказались на своих демократических организованных съездах за неразрывную связь с российской федерацией. Против попытки небольшой кучки попирать волю широких слоев своего народа, а также узурпации власти этой кучки, российская советская власть будет выступать самым решительным образом"[2]

Все-же создание горского правительства сыграло крупную роль в развитии дальнейшей борьбы в Дагестане.

К этому времени буржуазно-националистические верхи горских народов открыто стали на путь интервенции. Не имея поддержки у трудовых масс Северного Кавказа и Дагестана, они пошли по стопам своих учителей—русской буржуазии и помещиков и призвали на помощь интервентов. Самозванные депутации от лица горских народов, организованные изгнанным „горским правительством", повели переговоры с германским и турецким правительствами о признании независимости Северного Кавказа и о „братской помощи единоверным народам". Трудовые горцы дали достойную отповедь непрошенной заботе о независимости.

Трудящиеся горцы на деле убеждались, что подлинное освобождение и самоопределение ранее угнетенные народы могут получить только из рук победившей пролетарской революции. Один из руководителей горской бедноты Асланбек Шерипов в своей речи на заседании Терского народного совета говорил:

„Благодаря великой русской революции мы получили ту прекрасную свободу, за которую столетия бились наши пред-

---

1 Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Документальный фонд IV тома. дело №1617 А, лист 1.

2 Бюллетень Закавказского телеграфного агенства.
Архив Октябрьской Революции Грузинской ССР. Фонд 13 дело 1. л 36.

ки... Теперь, когда мы получили гарантию права на самоопределение, это право народ никогда никому не отдаст. Сейчас о независимости Северного Кавказа говорят помещики, князья, провокаторы и шпионы и все те, с кем Шамиль вел смертельную борьбу в течение 50 лет. Сейчас есть отдельные попытки со стороны этих врагов народа провозгласить независимость Кавказа и объявить имамство. Но я утверждаю, что предкам этих князей Шамиль рубил головы и так он поступил бы и теперь...

Эти пламенные слова вождя горской бедноты товарищ Сталин привел в своей статье „О Донщине и Северном Кавказе", опубликованной в „Правде" 1 июня 1918 г.

Оккупировав Украину, стремясь захватить в свои руки богатейшие районы Дона, Северного Кавказа и Закавказья, германский империализм, опираясь на свою оккупационную армию на Украине и на Дону и на турецкие войска в Закавказье, создавал и поддерживал марионеточные правительства „самоопределившихся" народов, состоявшие из агентов немецкого империализма—генералов, капиталистов, помещиков.

Трудовые народы действительно самоопределились. Советскую власть признало и поддерживало преобладающее большинство населения Украины, Дона, Кубани, Северного Кавказа и Дагестана. Только с помощью немецких штыков к середине 1918 г. кое-где удалось германским империалистам посадить своих агентов, создать областные „правительства".

Германские империалисты стремились только к одному, писал товарищ Сталин в той же статье „использовать мишурные" „правительства", как ширму, для захвата и порабощения новых земель. Прикрываясь украинской радой, немцы двинулись вперед, „на основании Брестского договора" (о, конечно!) и заняли Украину. Но теперь Украина как ширма, как прикрытие, видимо, исчерпала себя, между тем как немцам нужно новое продвижение. Отсюда спрос на новое прикрытие, на новую ширму. А так как спрос рождает предложение, то Красновы и Богаевские, Чермоевы и Бамматовы не замедлили предстать, предлагая свои услуги. И нет ничего невероятного в том, что в ближайшее время Красновы и Богаевские, руководимые и снабжаемые немцами, двинутся на Россию, на „освобождение" Дона, причем немцы постараются лишний раз поклясться в верности Брестскому договору. То же самое нужно сказать о Кубани, Тереке и т. д.

В этом вся суть!"

Германский империализм основной своей целью считал разгром пролетарской революции в России и захват новых бога-

тейших колоний. Казачьи верхи и горская буржуазия за помощь германских штыков в борьбе с пролетарской революцией готовы были уплатить германским империалистам свободой трудовых народов Кавказа, их землей и имуществом.

И действительно враги северо кавказских и дагестанских народов Чермоев и Бамматов пошли по стопам Украинской Центральной Рады, грузинских меньшевиков и азербайджанских муссаватистов. Не имея собственных сил для борьбы с трудящимися Северного Кавказа Дагестана, установивших у себя власть Советов, они пошли на сговор с германской военщиной, мечтавшей о захвате Закавказья и Северного Кавказа. Германские полки под командованием генерала Кресса вторглись в Грузию, а союзница Германии Турция двинула свои войска в Азербайджан, а затем и в Дагестан.

В приказе по Кавказской Красной Армии народный комиссар по военно-морским делам Бакинской коммуны тов. Корганов, обращаясь к красноармейцам, писал:

„Настал момент, когда решается судьба рабоче-крестьянской революции в Закавказье, когда решается вопрос самого существования народов Закавказья. Закавказский сейм объявлен распущенным. Меньшевистские и другие грузинские дворянские партии объявили независимость Грузии. Елизаветпольские беки. вслед за ними, объявляют независимость Азербайджана. Турецкие войска захватили Александрополь, Эривань, Карс и Ахалкалаки. Турецкие генералы требуют пропустить их войска на Баку для подавления бакинского пролетариата и уничтожения советской власти. Рабочие и крестьяне и все народы Закавказья—армяне, грузины и татары разбиты на отдельные группы, а войска их раздроблены и деморализованы всей этой предательской сворой беков и грузинских дворян. Как на Украине, бекская партия „муссаватисты“ и грузинская дворянская партия-меньшевики, когда они не смогли справиться с восстанием своих крестьян, призывают к себе на помощь извне турецкие войска“.[1]

Вторжение турецких войск в Азербайджан и поход их на Баку, близость английских войск, находившихся в Иране заставило руководителей советской власти в Дагестане еще усиленней заняться вопросами обороны Дагестана. Строительство Красной Армии и военная защита Республики были одним из основных моментов работы советской власти в Дагестане. К

---

[1] Известия Петровского совета, № 7, от 11 июня 1918 г. г. Порт-Петровск

этому ее принуждала внутренняя и внешняя обстановка. Но наряду с этой основной задачей, за несколько месяцев существования советов Дагестана, было сделано очень много и в других областях работы.

Уллубий Буйнакский председатель Петровского ревкома, зная, какое значение имеет Петровск, как пролетарский центр, как порт, связывающий Дагестан с революционным Баку и советской Астраханью, кроме помощи людьми и оружием, которую он оказывал Махачу, занялся укреплением Петровска.

Из скудных средств республики было выделено 70 тыс. рублей на постройку жел. дороги вокруг города. Энтузиасты—железнодорожники ст. Петровск-Кавказский отыскали залежи рельс и шпал и возглавили строительство новой железной дороги. Город Петровск расположен на берегу Каспийского моря. Позади города начинались горы, откуда можно было всегда ожидать нападения банд Гоцинского. Благодаря умелому руководству железнодарожников и стараниям строительных рабочих, окружная железная дорога была быстро готова. К моменту упорных боев под Темир-Хан-Шурой по ней уже курсировал бронепоезд.

Председателем Дагестанского ревкома был самовлюбленный националист, один из руководителей „социалистической группы" Джелал Коркмасов. Не веря в победу советской власти в Дагестане, пугая всех наступлением турок или англичан, он своей сутолокой только мешал работе Махача на фронте и ничего, кроме показной шумихи, не делал в тылу. Поэтому Махач, как заместитель председателя ревкома и военный комиссар, совершенно отстранил его от военной работы и без согласования с Буйнакским ничего не давал делать в тылу. Именно Махач, который все время был в аулах и каждый день сталкивался с работой сельревкомов, первый увидел, что последние еще очень плохо работают, их работой никто не руководит и сами они часто не представляют, что должны делать. В аулах шел глубокий процесс классового расслоения и ожесточенная классовая борьба вокруг бекских земель, вокруг воды, которая в фруктовом хозяйстве Дагестана играла огромную роль. Многие аулы еще в 1917 г. самочинно захватили бекскую и кулацкие земли и сады, конфисковали мельницы и с весны 1918 г. на этих землях работали истинные хозяева их—трудовые горцы. Кулачество, опираясь на родовые традиции, на духовенство, вело ожесточенную борьбу с горской беднотой и в некоторых аулах и при советской власти одерживало верх.

Нужно было возглавить борьбу трудящихся горцев за свои права, руководить сельревкомами и провести в законодательном порядке решения Центральной советской власти.

С этой целью в начале августа был созван съезд советов Дагестана, вылившийся в яркую демонстрацию преданности горцев советской власти и заботы последней о нуждах трудового населения Дагестана.

В Петровске, где во главе ревкома стоял большевик Уллубий Буйнакский, еще задолго до съезда были национализированы: крупная фабрика бакинского миллионера Тагиева „Каспийская мануфактура", Бондарный завод, холодильник, мельница, типография. Во главе всех этих предприятий стали коллегии из рабочих. Первым долгом коллегии позаботились о том, чтобы оживить работу в промышленных предприятиях — продукция их была нужна не только Дагестану, но Астрахани и Баку. Была повышена заработная плата рабочих, улучшены условия труда. В городе, как и в аулах, было очень плохо с продовольствием. Поэтому на одном из собраний фабрики „Каспийская мануфактура" тов Буйнакский и член ВРК Ермошкин предложили создать продовольственные отряды из рабочих и их жен, и послать их в Кизлярский округ и Ставрополье. Рабочие живо откликнулись на эти мероприятия. Несколько таких отрядов выехало в Кизляр, откуда скоро стали поступать хлеб, виноградный мед, производство которого организовали там жены рабочих, и другие продукты.

Все эти мероприятия давали опыт строительства советской власти и первый съезд советов, подытожив их, использовал в своих решениях. На съезде были заслушаны доклады о задачах строительства советской власти в условиях Дагестана, о земле, об отделении церкви от государства, и вынесено решение о социализации всех земель, лесов Дагестана и национализации бекских, кулацких земель и садов. Кроме того, съезд постановил создать в Темир-Хан-Шуре курсы советских работников. Эти курсы были созваны и к осени выпустили первые кадры руководящих работников, свой первый опыт работы вынужденных приобрести в условиях подполья.

Съезд также решил командировать к товарищу Сталину в Царицын Уллубия Буйнакского. Все понимали, что без помощи русского пролетариата, без помощи центра Дагестан не устоит перед напором англо-немецко-турецкой интервенции. И, наконец, съезд избрал первый советский областной исполнительный комитет во главе с Уллубием Буйнакским, Махачем Дахадаевым, Тимошиным и др.

Дагестанский областной исполнительный комитет усилил свои связи с Баку и с Северным Кавказом. Тесные связи установил с соседним Кизляром, входившим в Терскую Советскую республику. Кизлярцы получили большую помощь от Терского

народного совета и терских коммунистов, во главе которых с начала июля стал чрезвычайный комиссар юга России—Серго Орджоникидзе. Кроме того, большая помощь шла и со стороны Астрахани.

В начале июня в Кизляре был создан Военно-Революционный Комитет, который, опираясь на директивы из Астрахани и Царицына, от товарища Сталина, своей первой задачей поставил осуществление плана товарища Сталина по снабжению Центральной России и Баку хлебом. Разрушение железной дороги Червленная-Петровск прервало организованную Бакинской коммуной доставку хлеба. Тысячи пудов его задержались в Кизляре. С другой стороны наступление Деникина на Кубань, мятеж, организованный деникинским агентом на Тереке Георгием Бичераховым отрезали Кубань и Ставрополье—эти хлебные житницы юга—от Царицына Приходилось доставлять заготовленный там на Северном Кавказе хлеб другим путем—через Кизляр, Каспийское море и Астрахань. Но от Кизляра до Астрахани несколько сот километров пустынной солончаковой степи. Для того, чтобы снабдить Баку, Закаспий и Астрахань хлебом и организовать его продвижение по Волге, товарищ Сталин еще на пути в Царицын разрабатывает план постройки железной дороги Кизляр—Брянская (пристань на берегу Каспийского моря).

Как только товарищ Сталин приехал в Царицын, он поставил перед Кизлярским ревкомом вопрос о форсировании строительства и уже 9 июня Владимиру Ильичу Ленину—сообщил о том, что постройка Кизлярской линии началась.

На основе директивы товарища Сталина, Кизлярский совет вынес решение о постройке жел. дороги Кизляр—поселок Теречный (возле Брянской). Во главе этого дела поставили бакинских рабочих, уполномоченных по заготовке хлеба.

Постройка железнодорожной линии Кизляр—Брянская имела немаловажное значение и для обороны Северного Кавказа и связи Дагестана с Северным Кавказом и Астраханью.

В июне месяце на Тереке был поднят мятеж против Советской власти во главе с агентом Деникина Георгием Бичераховым. Мятежники отрезали Терскую Советскую Республику от остального Северного Кавказа. Они осадили Владикавказ, Грозный. На Тереке шли жестокие бои с бичераховцами. Возглавил борьбу с мятежем Серго Орджоникидзе.

В июле месяце бичераховцы подошли к Кизляру и город в течение 4-х месяцев, окруженный врагом, выдерживал героическую осаду. Это помешало закончить так блестяще начатое строительство новой железной дороги и наряду с прод-

вижением деникинцев на Кубань страшно осложнило дело продовольственного снабжения и поставило под угрозу существование советской власти на всем Северном Кавказе и в Дагестане[1].

В записке по прямому проводу на имя тов. Чичерина товарищ Сталин 1 июля писал о положении на юге России в этот период:

„Бакинский район действительно угрожаем. Турецкие войска во главе с немецкими офицерами ведут настоящую войну с бакинскими частями... Нечего и говорить, что вся буржуазия за турок. Что касается Северного Кавказа, там заваривается такая каша, что не исключена самая фантастическая комбинация.

Видимо местами налаживается союз казачества с верхами горских племен; чем это кончится—пока трудно сказать; можно лишь предсказать, что с уборкой хлеба свалка на Северном Кавказе еще более усилится. Положение Баку и финал Тихорецкой портят всю картину. Мы принимаем срочные меры, о которых сообщит Вам отправляемый к вам нарочный. Надеемся, что справимся. СТАЛИН"[2].

Захват Тихорецкой Деникиным и тяжелое положение в Баку, на который вели наступление турки и англичане—все это ставило под угрозу существование советской власти в Баку и усложняло обстановку в Дагестане. Если к этому добавить предательскую политику мелкобуржуазных и националистических партий, то будет понятна та тревога, с которой товарищ Сталин писал Шаумяну о создавшемся положении:

„По последним сведениям, народнические фракции Бакинского совдепа добиваются признания варягов-англичан, якобы на помощь против турецких захватчиков. Принимая во внимание опыт такой помощи со стороны англо-французов на Мурмане и Дальнем Востоке, можно с уверенностью сказать, что народнические фракции, сами того не сознавая, подготовляют почву для оккупации Баку и его районов.

... Именем Всероссийского ЦИК и Совета Народных Комиссаров я требую от всего Бакинского совета, от армии и и флота полного подчинения воле рабочих и крестьян всей России.

---

[1] Железнодорожная линия Кизляр-Астрахань была начата и закончена строительством в годы Великой Отечественной войны против фашистско-немецких захватчиков и сыграла крупную роль в обороне Прикаспия и разгроме немецких захватчиков на Северном Кавказе в 1942-43 гг.

2 Сурен Шаумян. Бакинская коммуна стр. 38.

Во исполнение решений 5 съезда советов я требую от Бакинского Совнаркома безоговорочного проведения в жизнь независимой международной политики и решительной борьбы с агентами иноземного капитала, вплоть до ареста членов соответствующих миссий.

По уполномочию СНК Народный Комиссар
И. СТАЛИН.

ГЛАВА 4.

БОРЬБА ПРОТИВ ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИХ ИНТЕРВЕНТОВ И БИЧЕРАХОВА.

В разгоравшейся на Северном Кавказе и Закавказьи борьбе Дагестану приходилось выдерживать удары со всех сторон. Продвижение турок родило надежды местной контрреволюции, она еще более энергично начала свои атаки на Темир-Хан-Шуру. Для борьбы с объединенными силами интервентов и националистической буржуазии нужно было сплотить силы всех советских республик Северного Кавказа. Владимир Ильич Ленин в Москве, товарищ Сталин—в Царицыне, тов. Орджоникидзе—на Тереке делали очень многое, чтобы облегчить положение Северного Кавказа. Владимир Ильич и тов. Свердлов посылают на Северный Кавказ экспедицию С. М. Кирова с оружием и деньгами. Но тов. Кирову не удалось прорваться через фронт и он вынужден был поехать в Царицын, где вместе с товарищем Сталиным они выработали план дальнейшей помощи Северному Кавказу. Сергей Миронович посылает в Дагестан одного из членов своей экспедиции—Оскара Лещинского. Одновременно из Царицына товарищ Сталин с деньгами и директивой во что бы то ни стало удержать и восстановить жел. дор. Червленная-Петровск послал матроса Лапина.

Незадолго до приезда этих товарищей, еще во время первого съезда советов началось решительное наступление Гоцинского и Джафарова на Темир-Хан-Шуру. Гоцинский, узнав от членов делегации областного исполнительного комитета о наступлении турок на Баку с нетерпением ждал их в Дагестане. Он послал в Тифлис узнать, скоро ли придут турки. Гонец в Лакском округе встретился с первым отрядом турок под коман-

[1] Бурджалов. Двадцать шесть бакинских коммиссаров. М. Госполитиздат. 1918 г., стр. 79.

дой Исмаил-Хаки-Бея. Это была турецкая разведка. Отряд состоял исключительно из офицеров арабистов.

В Кумухе Исмаил-Хаки-Бей собрал Джамаат. Под действием шариатской агитации кучка пришлых и местных авантюристов провела решение: изгнать из Дагестана всех гяуров и установить шариат.

В частной беседе Исмаил-Хаки-Бей проболтался, что он имеет задание добиться отторжения всего Северного Кавказа, до реки Малки, от России.

Такие же собрания были проведены в Гунибе, Чохе и др. аулах. Многие выступали против прихода турок, но их голоса терялись в массе фанатиков и пантюркистов.

Гоцинский ждал турок и был обрадован их приходом, но одновременно он боялся, как бы они не ущемили его самого. Поэтому он торопил с наступлением—на Темир-Хан-Шуру с тем, чтобы занять город до прихода регулярных турецких войск. Разбитый под селением Эрпели он теперь надеялся на свой центральный Араканский фронт, куда должен был притти отряд Арацханова и ожидался из Хунзаха Алиханов.

Махач, ликвидировавший Эрпелинский фронт, двинулся в горы. Со своим небольшим отрядом он взял Гимры и подошел к аулу Унцукуль—своей родине. Население аула, узнав, что пришел Махач, сбило небольшое заграждение Гоцинского и вышло навстречу любимому односельчанину. В Унцукуле был создан отряд, влившийся к Махачу. С этими силами, Махач, не дожидаясь подкрепления, которое готовилось в Темир-Хан-Шуре, подошел к Хунзахскому плато.

Весть о наступлении Махача донеслась до Гуниба, где был Гоцинский. Навстречу Махачу он послал Арацханова, успевшего за это время кое-как сформировать отряд в 500 человек. Алиханов, в Хунзахе, получив предписание Гоцинского немедленно выступить на Араканы, растерялся. Было время полевых работ и весь его отряд рассыпался по аулам. В Хунзахе как раз был базарный день, и Алиханов велел чаушу[1] кричать сбор. Он успел с базара и аулов, стоявших от Хунзаха на расстоянии человеческого голоса, собрать 600 человек и также выступил на Араканы.

Командующим передовым отрядом был назначен Джафаров. Он к вечеру подошел к аулу Цитани (Бельское плато) и наткнулся здесь на пикет Махача. Пикет отступил и Джафаров заночевал в Цитани, где ему сказали, что только вчера здесь был

---

[1] Чауш—глашатай.

Махач с небольшим отрядом. На следующий день к Бельскому плато подошел отряд, сформированный бывшим начальником участка Хадис Хадисовым в 300 человек. Соединенными силами Джафаров занял Унцукуль и наложил на население контрибуцию

Махач, видя, что его силы во многом уступают силам Джафарова, сдал Гимры, Верхний Каранай и укрепился под селением Ишкарты в местности Гирей Аулак Из Темир-Хан-Шуры он вызвал конный полк Тимошина и ночью неожиданно начал наступление. После упорных двухдневных боев у Верхнего Караная отряд Джафарова частью был уничтожен, частью разбежался. Остатки его укрепились в неприступной горной местности под Гимрами. Махач, оставив здесь небольшое прикрытие, с основными силами двинулся на Араканский фронт, откуда грозили наступлением Арацханов и Алиханов.

Самовлюбленный, не культурный и грубый офицер царской армии Арацханов, получив назначение командующего фронтом, начал свою деятельность с того, что сам себя произвел в генералы и нацепил погоны. Алиханов узнав о назначении Арацханова командующим, обидевшись, что ему не поручено командование, подойдя к Араканам, расположился на высотах и бездействовал.

Махач, зная о противоречиях в лагере контрреволюции, решил воспользоваться этим и послал к Алиханову делегацию с просьбой уйти в Хунзах и не вмешиваться в борьбу. Алихан в делегацию прогнал, но постояв еще несколько дней, все-таки ушел с фронта.

Приехавшие с турецким отрядом члены областного комитета Зубаир Темирханов и князь Нух-бек Тарковский, видя плачевное положение фронта, вмешались в дело. Тарковский взял на себя командование всеми силами, наступавшими на Темир-Хан-Шуру, а Темирханов остался при турках, торопя последних как можно скорее прислать регулярные войска. Алиханов был в давних неладах с Тарковским и прибытие последнего окончательно толкнуло его на оставление фронта.

Многочисленные попытки контрреволюции начать наступление геройски отражались войсками Махача и на Центральном Араканском фронте так же, как и на фланговом Аркасском, больше месяца войска Тарковского топтались на месте. Дагестанская Красная армия—Астраханский отряд Ляхова, конный полк Тимошина и аульские отряды—показали образцы героической стойкости и дисциплины, защищая родную советскую власть от врага. Ее командиры Махач Дахадаев, Ляхов, Тимошин и др. показали себя преданными сынами своей родины,

умелыми руководителями, давшими отпор соединенным силам русских и турецких генералов.

Махач мог положиться на своих помощников Ляхова, Тимошина и др. Он не раз оставлял Араканский фронт, чтобы помочь Казбекову на Чир-юртовском фронте или принять участие в решении того или иного вопроса в Ревкоме.

Махач был одним из руководителей первого съезда Советов Дагестана, затем в аулах помогал Ревкомам реализовать решения съезда, теперь, отбив первые попытки наступления Тарковского, Махач возвратился в Темир-Хан-Шуру, где встретился с посланником тов. Сталина Лапиным. Они вместе выехали в Чир-юрт и Карлан-юрт выполнять приказ товарища Сталина о восстановлении железной дороги.

На Чир-юртовском фронте партизанские отряды под руководством т. Авербух и Казбекова отражали наступление кумыкских беков, поощряемых и обильно снабжаемых оружием Георгием Бичераховым,—руководителем антисоветского мятежа на Тереке. Вся железнодорожная линия Петровск-Червленая была разрушена. Мосты через Терек и Сулак взорваны. Это осложняло связь с Владикавказом и Россией. Товарищ Сталин требовал восстановления жел. дороги и уничтожения контрреволюции на этом участке. Эта задача имела общероссийское значение, так как здесь должен был пройти хлеб из Ставрополя к Каспию, а затем по Волге в Россию.

Махач и Лапин сделали попытку договориться с главарями контрреволюции о прекращении разрушения железной дороги. С этой целью в селение Карлан-юрт собрался съезд представителей той и другой стороны: несмотря на опасность быть захваченным, Махач поехал на этот съезд. Жители селения Андрей-аула не отпускали Махача. Они знали коварство князей и боялись за жизнь своего вождя. По свидетельству одного из красных партизан „когда Махач поехал на свидание с князьями, чтобы восстановить железную дорогу, все жители Андрей-аула боялись за его жизнь, не спали всю ночь и лишь утром, когда узнали, что он вернулся, успокоились."[1]

Съезд был сорван контрреволюционерами. Ночью, когда шли переговоры, поднялась тревога—у делегатов съезда кто-то увел лошадей. Все бросились на поиски и больше не вернулись. Махач увидел, что переговоры ни к чему не приведут, вернувшись в Чир-юрт, предложил Казбекову готовить наступ-

---

[1] Материалы секретариата главной Редакции „История гражданской Войны СССР" Рукописный фонд VII тома, дело № 1617, № 15.

ление и силой оружия очистить железно-дорожный путь. Эта операция была блестяще проведена, но закрепить достигнутые успехи не удалось—наступление английского наймита полковника Лазаря Бичерахова со стороны Баку на Дербент заставило перебросить силы Чир-юртовского фронта на юг.

Из Чир-юрта Махач вернулся в Петровск, куда в это время приехал от тов. Кирова Оскар Лещинский и из Ставрополя Астраханский военком тов. Анисимов. На заседании Дагестанского ревкома Лещинский сделал доклад о положении на Северном Кавказе и о необходимости соединенных усилий Терека и Дагестана против наступления контрреволюции. По его предложению был создан военный совет Дагестана, куда вошли т. т. Буйнакский, Дахадаев, Тимошин, Лещинский, Анисимов и др.

О проделанных мероприятиях по очищению железной дороги Петровск—Червленая и возможностях отправки хлеба через Петровск, было сообщено товарищу Сталину в Царицын специальным письмом. В этом же письме дагестанские большевики просили товарища Сталина оказать им помощь оружием и войсками. О том же писал в Царицын и Уллубий Буйнакский, который задержался в Астрахани и готовил здесь новые силы на помощь Дагестану.

Посланец Буйнакского нашел живейший отклик в Царицыне. В начале августа была выделена партия оружия—пушки, пулеметы и снаряды для отправки в Дагестан. Все это было погружено на баржу, которую буксировал небольшой пароход „Аврора". К сожалению, эта помощь, сыгравшая огромнейшую роль в дальнейшей борьбе в Дагестане, пришла туда только в начале 1919 года. Контрреволюционное восстание в Астрахани (15 августа) и английский флот в Каспии не позволили отправить грузы морем, они были отправлены лишь в декабре через степь на Кизляр.

С этой же целью улучшить связь с Тереком и Ставрополем, помочь Дагестану в борьбе с наступлением интервентов, и приехал тов. Анисимов. Эта помощь, организованная т. т. Сталиным, Орджоникидзе и Кировым, терскими, астраханскими и бакинскими большевиками, сыграла огромную роль в гражданской войне в Дагестане. Трудящиеся горцы увидели, что они не одни, что советская власть есть союз всех народов, где в трудную минуту один народ всегда найдет помощь и поддержку у других.

Благодаря заботам советской власти в 1918 г. резко улучшилось материальное положение горцев. В горах, в условиях гражданской войны, ревкомы сумели организовать снабжение

горцев промышленными товарами. Впервые в глухие дагестанские аулы из России и городов приехали не жадные чиновники, а братья-рабочие, несущие с собой дружбу, помощь и новое слово партии, заботящейся о каждом горце.

Все это не мог не оценить горец и видя как Гоцинский, Узун-Гаджи, турки, пытаются восстановить ненавистное старое, он не мог не подняться на борьбу за приобретенные права. Эта борьба под руководством дагестанских большевиков Уллубия Буйнакского, Махача Дахадаева и др. выдающихся деятелей Дагестана была упорна и грозна для врага.

И лишь волна интервентов, хлынувшая со стороны Баку (Лазарь Бичерахов) и гор (турки) смогла подорвать, только подорвать, но не сломить геройское сопротивление дагестанских народов.

Через Салаватский перевал к Кумуху шли регулярные войска турок, дивизия Изет-паши. Предав советскую власть в Баку и отдав его на растерзание туркам, шел в Дагестан английский ставленник полковник Лазарь Бичерахов. Он морем посылал оружие своему брату Георгию Бичерахову на Терек. Лазарь Бичерахов стремился соединиться с Терской и Дагестанской контрреволюцией, чтобы взять в кольцо Красную армию и уничтожить советскую власть на Северном Кавказе. Этого хотели его хозяева „варяги-англичане" (Сталин) и он шел выполнять их волю. Объединение контрреволюционных сил Георгия Бичерахова на Тереке, с войсками Лазаря Бичерахова в Дагестане, отдавало в руки генерала Деникина, захватившего к концу августа 1918 г. всю Кубань и Черномо рье и двигавшемуся на Терек—весь Юго-восток страны. Вместе с Доном, находившимся в руках германского наймита генерала Краснова с средней Волгой, захваченной восставшими по указке правительств антанты, чехословаками, Советская республика лишилась огромной территории. Таким образом продвижение Лазаря Бичерахова в Дагестане и попытка установить связь с мятежниками на Тереке сулила советской республике новые опасности.

Зная, что в Дагестане и в Баку найдутся люди, готовые поверить его заверениям, Бичерахов обратился к Дагревкому с просьбой пропустить его через Дагестан на Северный Кавказ. Коркмасов, Ковалев и другие предатели из „социалистической группы" пошли навстречу английскому наймиту, затеяли с ним переговоры и послали к нему делегацию. Бичерахов в этом увидел слабость Дагестана, арестовал делегацию и двинул войска на Дербент. Но расчеты наемного хищника на оправдались. Под древними стенами Дербента он встретил решительный отпор

дагестанской Красной Армии. Сюда приехал Махач, и стал во главе защитников Дагестана. Лишь английский флот действовавший с моря, заставил Махача отступить к Петровску. Здесь укрепившись под ст. Манас и вызвав с Араканского фронта подкрепление, Махач решил дать бой.

Заняв Дербент, Бичерахов послал в Петровск телеграмму, с предложением сдаться без боя. Вместо ответа рабочие Петровска с помощью ревкома создали отряд, вооружились и вышли на фронт. К ним присоединился только что приехавший из Астрахани отряд в 150 человек Перед выходом на фронт петровские рабочие и бойцы вынесли на митинге следующую резолюцию: „Клянем позором бакинских предателей меньшевиков. Клянемся бороться с Бичераховым до последней капли крови". Славные защитники Петровска сдержали эту клятву. В упорных 2-х недельных боях под Манасом большинство их сложило свои головы. Видя, что силы на стороне противника, Махач решил распустить бойцов по аулам с тем, чтобы сохранить силы для будущих боев.

Это был единственный выход из положения, так как заняв 2 сентября 1918 г. Петровск, Бичерахов захватил здесь ряд командиров Красной Армии, в том числе и командира Астраханского отряда т. Ляхова, который вместе с т. т Вашенцевым и Канделаки был расстрелян бандитами на следующий же день. Более 120 человек пленных красноармейцев Бичерахов отправил в Красноводск, где с ними расправились англичане. Часть петровских рабочих отступила на север к Кизляру, где в плавнях Терека заросших камышем они долго вели партизанскую войну, часть—отряда—с большими трудностями через калмыцкие степи ушла в Астрахань. Из 150 бойцов, прибывших из Астрахани остались в живых только 40, но и они, сдерживая последний натиск врага, были захвачены в плен и расстреляны. Дорого обошлось трудящимся Дагестана предательство буржуазных националистов Коркмасова, Ковалева, Тахо-Годи и им подобных, превратившихся в агентов Лазаря Бичерахова.

Заняв Петровск, Бичерахов открыто объявил себя представителем генерала Деникина и пытался было распространить свою власть на аулы, но при первой попытке занять аул Утамыш получил от партизанского отряда этого аула такой отпор, что уже на другие аулы и не покушался. В Утамыше и многих других аулах советская власть держалась крепко и ни Бичерахов, ни Тарковский, ни турки и горское правительство не могли сломить ее.

Махач Дахадаев распустив отряды Петровского фронта, по-

ехал в Темир-Хан-Шуру, на который ободренный Бичераховым, повел решительное наступление Тарковский. Тарковский быстро нашел общий язык с Бичераховым. Кричавший ранее о „самостоятельности" Дагестана Тарковский пошел на поклон английскому наймиту, деникинскому агенту, который облекши его полномочиями диктатора Дагестана, поручил ему разбить Красную армию и ликвидировать советскую власть в Дагестане.

Оказавшись под перекрестным огнем, Красная армия героически защищала столицу Дагестана, Но силы были неравны. Махач Дахадаев, почерневший от бессонных ночей и напряжения, единственную надежду видел в помощи со стороны гор. Он знал, что трудящиеся Дагестана не дадут погибнуть советской власти. И когда на горсть защитников Темир-Хан-Шуры—полк Тимошина и астраханский отряд—ринулась волна объединенных сил контрреволюции, он решил вывести остатки своих частей в Даргинский округ и оттуда с помощью даргинского и лакского народов повести наступление и добиться разгрома и Бичерахова и Тарковского.

В этот трагический переломный момент предатели Коркмасов и Тахо-Годи не поддержали Махача, оставили его одного и тем самым продали свою родину интервентам. Они, ссылаясь на безысходность положения, предлагали обратиться за помощью к туркам, к тем туркам, силами которых Тарковский душил советскую власть Дагестана. И недаром, когда недальновидный Тарковский предложил Исмаил-Хаки-Бею убить Махача и Коркмасова, последний согласившись на это, по отношению к Махачу, сказал о Коркмасове: „что знает его лично давно и считает его весьма полезным и хорошим человеком, вполне достойным уважения, который стоит за те же задачи, что и турки"[1].

Совершив свое подлое предательство, буржуазные националисты постарались поскорее убраться от ответственности—Ковалев уехал из Дагестана, а Коркмасов скрылся и жил где-то в горах. Лишь неутомимый Махач продолжал бороться. Он вместе со своим помощником Тимошиным выработал дальнейший план действий, который сводился к одному: увести конный полк в Даргинский округ, прорваться через цепь врагов и поднять народы Дагестана на борьбу с ними.

Рано утром 19 сентября 1918 г. Махач собрал в штабе весь актив Красной армии и доложив ему о положении дел, пред-

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Рукописный фонд VII тома, дело № 4064. лист 150.

ложил т. Тимошину вечером вывести полк в Нижний Дженгутай, куда он, Махач, собрался немедленно выехать. Возле Н. Дженгутая—фронт, в нескольких километрах—аул В. Дженгутай настроен контрреволюционно. Махач все это знал и, выехав из Темир-Хан-Шуры часов в 11 дня на наемном фаэтоне, в сопровождении одного бойца, велел ехать не по шоссе, а горной дорогой, по р. Бирчи-Озень.

Возле Н. Дженгутайских садов он слез с фаэтона и выдал вознице 60 рублей, взяв с него расписку. На удивленный вопрос спутника, Махач, улыбаясь ответил: „Будет день, когда придется отчитываться в каждой истраченной копейке".

Стоял жаркий осенний день. Черное от загара и утомления, чуть тронутое оспой, осунувшееся лицо Махача горело. Он часто вытирал его белым платком и увидев недалеко речку, направился к ней. Освежив лицо. и немного отдохнув в тени дерева, Махач отправился садами, перелезая через изгороди, к дому своего верного товарища. Но заходить в дом было опасно. Агенты Тарковского шныряли по аулу и Махач вынужден был до сумерек пролежать в кукурузе. В этот дом находившийся в центре аула, он уже не пошел, а отправился в другой, приготовленный для него Ибашевым. Здесь ждали Махача, и отвели ему комнату во втором этаже.

В этой комнате поздно вечером Махач провел последнее заседание революционного актива Н. Дженгутая. Он ждал прихода своего отряда и прежде всего предложил послать человека на окраину аула, чтобы во время узнать о подходе войск. Как только приедет Тимошин, Махач думал выехать в революционный аул Кадар. В Кадаре Махач хотел созвать народное собрание и вооружить даргинский народ, которому он недавно уже дал 1200 винтовок, а также кумыкские аулы Дургели, Параул, Кака-Шура и др. Всего, по расчетам Махача должно было собраться до трех с половиной тысяч человек. С этими силами можно было отбить Темир-Хан-Шуру если ее за эти дни возьмет Тарковский или Бичерахов, и итти на Петровск, чтобы выгнать Бичерахова из Дагестана.

Махач решил написать письмо Бичерахову с требованием немедленно оставить Дагестан, Махач писал:

„В штаб Бичерахова Петровск-Порт.

Вы должны немедленно освободить наши пароходы, дабы мы могли беспрепятственно сноситься с Астраханью, Баку и др. местами с нашими товарищами.

Сосредоточив в Дагестане... всякий сброд, не думайте, что вам удастся обмануть и закабалить английскими деньгами свободолюбивых горцев.

„Предлагаю вам немедленно убрать ваши войска с территории Дагестана тем же путем, каким вы, проходимцы, пришли или иным путем. В случае, если вы откажетесь эвакуировать ваши войска, то свободные горные орлы Дагестана дадут вам достойный ответ дружным оружейным огнем"[1].

В письме командующему Хасав-юртовским фронтом тов. Казбекову Махач писал, что если при наступлении его, Махача, на Петровск бичераховцы решат пробраться на Терек, то Казбеков должен сосредоточить все свои силы у железной дороги и если потребуется, взорвать Хасав-юртовский мост, но не пропустить врага.

Так в работе, разговорах прошла ночь. Махач уже начал тревожиться за судьбу полка, как вдруг, когда высоты Кызыл-ярского перевала коснулись первые лучи утренней зари, со стороны темир-хан-шуринского шоссе раздался топот копыт. Махач встрепенулся, кинулся навстречу всадникам. Это был один из бойцов его отряда.

— Где полк?—крикнул Махач.

— Полк распался, пропало все,—был ответ гонца.

Махач побледнел, опустился на ступеньки, но быстро овладев собой, спросил:

— А что стало с людьми? Где пулеметы, запас патрон?

Тогда боец спешившись с лошади подошел к Махачу и подробно рассказал ему о событиях вчерашнего дня. На Темир-Хан-Шуру налетели неожиданно бичераховцы. Они вызвали командира полка Тимошина и арестовали его. Полку предложили сдать оружие. Бойцы отказались и большинство из них бежало в шуринские леса. Обезоружено было всего 40—50 человек. Брат Махача Джабраил[2] спрятал в саду дома Махача десять пулеметов и запасы патрон.

Махач был страшно удручен этой вестью. Он долго прохаживался по небольшому дворику, обдумывая положение. Теперь все надежды были только на горы. Скорее туда. Предложив гонцу вернуться в город и предупредить оставшихся там товарищей, чтобы они отступали в горы, Махач стал торопиться с отъездом в Кадар.

В полдень 20 сентября три всадника—Махач Дахадаев, проводник и боец отряда Махача—выехали из Н. Дженгутая. Грусть Махача прошла, он оживился. Предстоящая борьба под-

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Документальны фонд IV том, дело № 161/А, лист 2.

[2] Убит Алихановым в 1919 г.

нимала его силы, он все время говорил, как они разобьют Бичерахова и турок, как после долгих мучений и борьбы народы Дагестана наконец свободно вздохнут и заживут новой жизнью.

Весть о том, что Махач выезжает в горы за помощью встревожила руководителей дагестанской контрреволюции. Князь Нух-Бек Тарковский предложил полковнику Джафарову выслать навстречу Махачу отряд, задержать и убить его на месте. Джафаров эту просьбу выполнил. Отряд был послан. Кроме того, Тарковский с той же целью выслал на дорогу, по которой должен был проехать Махач, группу кулацкой молодежи, особенно ненавидевшей Махача во главе с Хаджи Гасаном. Эта группа человек в 15, расставив дозорных на вершинах гор, засела недалеко от Н. Дженгутая

Отъехав от аула километра два, Махач и его спутники на одном из холмов увидели человека с ружьем и собакой. Человек как будто махал шапкой. Не обращая внимания на эти сигналы, Махач продолжал ехать дальше. Немного впереди ехал проводник, а Махач, чуть поотстав, беседовал с бойцом. Дорога поворачивала круто на юг—в сторону Кадар. Кругом невысокие холмы, кукурузные поля, впереди небольшая долина, за которой, на вершине огромной скалы, далеко виднелся Кадар. Своей неприступностью этот аул славился еще со времен Тамерлана, который долго осаждал его.

Въехав в долину, Махач увидел группу людей, сидевших в тени дерева. Завидев спутников, они встали и вышли на дорогу. Махач был вооружен карабином с 25 патронами и револьвером системы „кольт". Его боец имел кавалерийскую винтовку с пятьюдесятью патронами. Если бы они могли предполагать, что это засада, то еще было время избежать ее.

— Кто бы могли быть эти люди?—спросил спутник Махача.

— Должно быть отпускники моего полка возвращаются в Шуру,—спокойно ответил Махач приближаясь к группе людей и здороваясь.

— Ва алейкум салам нух битаги[1],—ответили они Махачу и расступились, давая дорогу. Но как только Махач въехал в этот разомкнувшийся круг, последний быстро сомкнулся и взяв винтовки наперевес, неизвестные люди остановили Махача и его спутника (проводник был пропущен и ехал впереди, ничего не подозревая).

---

[1] Нух битаги—счастливой дороги.

— Вы арестованы!—выступив вперед, произнес руководитель группы Хаджи-Гасан.

— Кто это нас арестовывает и по чьему распоряжению?— не выказывая особенного удивления, спросил Махач.

— По распоряжению князя Нух-Бек Тарковского,—ответил Гасан, беря под уздцы лошадь Махача.

Спутник Махача схватился за оружие, но Махач остановил его:

Спасибо, Худал, после того, что ты мне сделал, я считаю, что побывал у тебя в гостях.

Пройдя аул В. Дженгутай, направились к горам. Здесь Гасан стал требовать у Махача денег. Прежде чем отдать деньги, Махач сосчитал их—оказалось, 12 тысяч рублей. Он потребовал расписку, но Гасан, грубо выхватив пачку, предложил Махачу следоватъ дальше. Сам он сел на лошадь Махача.

Махач с обнаженной головой, заложив руки за спину, спокойно шел впереди. Гасан стал все больше нервничать. Он несколько раз объехал группу, что-то тихо сказал своим спутникам и вдруг, подъехав к Махачу выстрелил ему в затылок.

Махач покачнулся, махнул руками и, обливаясь кровью, упал. Последовало еще несколько выстрелов. Спутник Махача спасся при помощи оказавшегося в отряде кунака.

Так Тарковский расправился с вождем дагестанской бедноты Махачем Дахадаевым, думая этим обезглавить революцию. Трудящиеся Дагестана получили удар в спину. Весть о гибели вождя быстрее молнии разнеслась по аулам и городам Дагестана. Все, кто верил в победу революции, кто ненавидел врагов ее, клялись именем погибшего вождя не сложить оружия, пока в Дагестане останется хотя один из подлых изменников и предателей родины. Особенно тяжело было кадарцам, которые ждали к себе Махача и все как один готовы были итти с ним.

„Махач для нас был олицетворением дагестанского гения, дагестанского героизма, дагестанской энергии в борьбе со всем, что мы признавали не имеющим права на существование в Дагестане. Махач был наш герой, наша мечта, наша надежда", — говорит один из организаторов кадарского партизанского отряда[1].

С гибелью Махача революционные силы Дагестана некоторое время до приезда из Астрахани Уллубия Буйнакского ока-

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „Истории гражданской войны в СССР". Рукописный фонд VI-тома, дело № 5325, л. 64.

зались без должного руководства. Поэтому прав ближайший друг и помощник Махача, когда говорил, что „могила горячо любимого вождя и товарища стала на грани двух эпох и ее высокий холм был для нас потом постоянным напоминанием о нашей обязанности продолжать борьбу и отомстить презренным убийцам одного из величайших сынов Дагестана"[1].

Предательство „социалистической группы" расчистило дорогу Лазарю Бичерахову. Овладев Петровском, он обнаглел и сумел быстро сговориться с Тарковским. Единственным разногласием между ними был вопрос о турках. Турки, зная о переговорах Коркмасова и Ковалева с Бичераховым, опасались их совместного наступления и боялись, что их смогут выбросить из Дагестана. Вначале они противились союза Тарковского с Бичераховым. Но пока не подошли их регулярные силы, они должны были согласиться на этот союз.

Тарковский в письме к Тапа Чермоеву—председателю горского правительства, которое находилось на пути в Дагестан, вместе с основными силами турок, писал о положении дел:

„Бичерахов, соглашаясь на все условия мои, требовал только одного, а именно отвода турок в почти месячный срок и даже больший на Гуниб-Хунзах-Ахты и далее в Кубинский уезд Бакинской губернии.

Отвод турок на Гуниб он считал обязательным условием для занятия Шуры моими войсками. При занятии мною Шуры вся власть представлялась мне и я объявил военную диктатуру впредь до созыва Дагестанского Учредительного собрания, вернее совета народов Дагестана. С этим принципиально согласился тогда и Исмаил Хаки-бей и все остальные наши деятели бывшие с ним... Принимая во внимание все это и, что мы, эти пять-шесть месяцев боролись с большевизмом, который Бичерахов обещался в корне ликвидировать, я нашел его условия приемлемыми и просил турок войти в наше положение, не осложнять его и отойти"...[2]

Каковы были условия, которые ставил Бичерахов?

Они весьма определенны. Смысл их заключался в следующем:

1) Бичерахов сохраняет за собой Петровск, железную дорогу и море, т. е. как раз то, что нужно было англичанам для связи с терской контрреволюцией и Деникиным.

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Рукописный фонд IV тома, дело 4061, л. 61.

[2] То же—Дело № 1617 А л. 3.

2) Горной частью Дагестана управляет Тарковский, как диктатор.

3) Тарковский обязуется признать над собой власть России после того, как там будет восстановлен „порядок."

4) Бичерахов не вмешивается во внутренние дела Дагестана

5) Тарковский не предпринимает ничего против Бичерахова.

6) Тарковский передает Бичерахову военное снаряжение и продовольствие со складов Темир-Хан Шуры[1].

Смысл этого „договора", заключается в одном: Бичерахов мог быть спокойным за свой тыл и чужими руками мог снабдить себя всем необходимым.

Убрав с дороги Махача, напугав „социалистов" Коркмасова, Тахо-Годи и др., Тарковский беспрепятственно вошел в Темир-Хан-Шуру и 25 сентября объявил себя диктатором. Уллубий Буйнакский был в это время в Москве. Узнав о смерти Махача и победе контрреволюции, он спешно начал готовить силы для освобождения Дагестана. Но обстановка осенью 1918 г. на Северном Кавказе резко ухудшилась. На Северном Кавказе XI Красная армия отступала дезорганизованная предательством командующего армией врагом советской власти Сорокиным, назначенного на этот пост Троцким. Дагестан оказался в кольце врагов и был отдан на растерзание доморощенным „диктатором" туркам и англичанам.

Полковник князь Нух-Бек Тарковский—потомок владетелей Дагестана Шамхалов Тарковских, офицер царской свиты, преследовал свои личные интересы и небольшой группы дагестанских помещиков.

Для разрешения земельного вопроса Тарковский созвал съезд „агрономов и лесничих". Легко себе представить, какие это были „агрономы" и „лесничие". Съезд не пошел даже на то, чтобы отобрать у землевладельцев излишки свыше 50 десятин. Он решил возвратить все ранее отобранные земли, кутаны, сады и мельницы их прежним владельцам.

Решения съезда были декретированы специальным приказом Тарковского. Не умея ни управлять, ни распоряжаться, Тарковский назначил себе помощником по военной части Каитбекова, по гражданской—Гасанова. и создал ряд отделов.

Неразбериха в управлении, дрязги между чиновниками еще больше усугубляла бутафорность „диктатуры".

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История Гражданской войны в СССР". Рукописный фонд IV тома, дело № 5253 лист. 34..

В ведомстве Каитбекова, во 2-м конном полку остались только офицеры. Рядовой состав разбежался. Оставшиеся офицеры получали довольствие на весь полк и за 2 месяца диктатуры так разбогатели, что некоторые из них купили себе дома в Кисловодске. Но недолго пришлось властвовать Тарковскому. Со стороны Баку в Дагестан шли турки. Это были уже не отдельные небольшие офицерские отряды, а регулярные части—дивизия Изет-паши. Вместе с ними спешили в Дагестан из Парижа и Константинополя члены горского правительства Тапа Чермоев, Бамматов и др.

Шестого октября турки заняли Дербент... Это обеспокоило Бичерахова. Турки не пошли прямо на Петровск, а обходом через горы 24 октября неожиданно появились в Темир-Хан-Шуре.

Тарковский вынужден был передать власть горскому правительству во главе с Тапа Чермоевым. Горское правительство, учтя его „заслуги", назначило Тарковского военным министром. Министром внутренних дел был назначен кумыкский князь Рашид Хан Капланов, финансов—Али-Гасанов. Единственной реальной силой у правительства были турки. Горцы не признавали вновь испеченных „руководителей". Приказы и декреты горского правительства дальше В. Казанище (аул в нескольких километрах от Темир-Хан-Шуры) не имели силу. И хотя в округе были назначены комиссары горского правительства, власть там принадлежала не ему, а или отдельным мелким „диктаторам (Алиханов в Хунзахе) или советам, (Даргинский округ, кумыкские аулы).

Появление турецких войск обеспокоило Лазаря Бичерахова. Он спешно стал укреплять Петровск со стороны Таркинской горы. В первых числах ноября турки подошли к укреплениям Бичерахова и после непродолжительного боя 7 ноября 1918 г. выбили его оттуда. 8 ноября Бичерахов, погрузив остатки своих войск на 15 пароходов, отплыл к берегам Ирана, к своим хозяевам—англичанам. Петровск заняли турки. Начались новые зверства и грабежи. Торговцы своим народом—деятели горского правительства равнодушно смотрели, как турки грабили их страну.

Турки даже не скрывали того, что Дагестан для них, их хозяев немцев, только плацдарм для дальнейших завоеваний и закрепления своей власти на Северном Кавказе.

Они объявили мобилизацию дагестанской молодежи, организовали обучение войск. В учреждениях был введен турецкий язык, город Петровск переименовали в г. Анжи-Кала. Все это проводилось с согласия горского правительства. Оно держа-

лось за турецкие войска, как за единственную опору своей „власти". Чтобы создать хоть некоторую видимость власти, горское правительство в ноябре созвало так называемый парламент—сборище северо-кавказских и дагестанских контрреволюционеров, который от имени „народа" облек его властью. С 22 ноября председателем горского правительства был избран кабардинский коннозаводчик Пшемахо Коцев. Чермоев подал в отставку и снова поехал за границу искать новых хозяев. Но недолго пришлось туркам хозяйничать в Дагестане. Победители—союзники, в первую очередь Англия, приславшая уже в Закавказье свою миссию, потребовали ухода турок. Согласно ультимативному требованию англичан, турки должны были оставить Дагестан в 24 часа. Горское правительство всполошилось. Не смея и не имея возможности противодействовать Англии, оно пытается обойти это требование—заключает кабальные договора с турецкими офицерами и аскерами—нанимая их, как бы, в добровольном порядке. Но генерал Томсон, начальник английских войск на Кавказе категорически запретил оставаться в Дагестане хотя бы одному турецкому солдату. 6—10 декабря турки спешно эвакуируются, оставляя в Дагестане много вооружения и часть награбленного добра.

21 декабря в Темир-Хан-Шуру прибыла английская миссия полковника Ролладсона.

Пока развертывались эти события в Дагестане со стороны Терека в феврале 1919 г. на Дагестан двигался Деникин. Как он будет смотреть на самостоятельное горское правительство, было еще неизвестно. Теперь не только трудящиеся горцы, которые за все время правления горского правительства не выражали ему доверия, но и близкие к правительству—офицерство и военное командование—понимали, что дни Горского правительства сочтены. Участились ссоры и склоки между командованием. Военный министр Тарковский остался совсем без армии. Офицеры вышли из повиновения. Даже верный им, небезызвестный полковник Джафаров отказывался исполнять приказания своих начальников. Усилились кутежи и попойки среди офицерства. После одной из таких попоек Джафаров устроил в Темир-Хан-Шуре дебош, который можно назвать символической панихидой по умирающему горскому правительству и его деятелям. Прокутив с с группой офицеров целую ночь в духанах, Джафаров под утро вызвал полковой оркестр и перед домом, где жили Халилов и другие „вожди" горского правительства, заставил оркестр играть похоронный марш. Собралась толпа. Переходя от дома к дому, Джафаров вместе с толпой обошел

под звуки похоронного марша весь город. Было отчего Коцеву прийти в ужас. В эти дни он писал своему представителю в Баку Кантемиру Алиханову:

„Кругом, со стороны даже близко стоящих лиц никакого рвения к работе. Я изнервничался, больной. Так дальше продолжать не могу“[1].

Трудящиеся Дагестана ожидали момента для новой борьбы. На помощь им из Москвы через Астрахань ехал Уллубий Буйнакский, его сподвижники в горах готовили революционные отряды к борьбе с горским правительством и новым врагом Деникиным, подступившим к Дагестану.

Борьба продолжалась. Ни английские деньги и самолеты, ни турецкие аскеры и деникинские офицерские полки, не смогли сломить сопротивление трудящихся Дагестана, под руководством большевиков боровшихся за свою свободу, за новую жизнь.

Для трудящихся Дагестана наступал час решительной битвы.

ГЛАВА 5

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ДЕНИКИНА

В конце июня 1918 года, оправившись после первого поражения под Екатеринодаром (Краснодаром), „добровольческая“ армия генерала Деникина начала наступление на Кубань. Наступление генерала Деникина явилось частью плана борьбы германских империалистов против Советской России. На Кубань генерал Деникин выступил одновременно с походом белогвардейских войск Краснова на Царицын. Атаман „Всевеликого Войска Донского“, немецкий ставленник генерал Краснов получил из рук немецкой военщины оружие и боеприпасы. Часть их он отдал генералу Деникину. По указке германских генералов белогвардейцы бросились на Царицын и Кубань в то время, когда немецкие дивизии, высадившись на Таманском полуострове, пытались прорваться к Новороссийску, чтобы захватить Черноморский флот. Через Кубань немцы думали проникнуть на Северный Кавказ, чтобы достичь Грозного. К советскому Баку германские хищники подбирались через меньшевистскую Грузию, оккупированную ими, и через Азербайджан, куда с их помощью прошли войска султанской Турции. Русские белогвардейцы должны были помочь германским им-

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР“. Рукописный фонд IV тома, дело № 1613, л. 9.

периалистам захватить Северный Кавказ, Закавказье, превратить богатейшие районы России в колонию немецких империалистов.

На Северном Кавказе, в кубанских степях, на Ставропольщине и в горах развернулась жестокая борьба. Немцам не удалось захватить черноморский флот, революционные моряки предпочли лучше потопить его, чем отдать в руки врагу. На мачтах кораблей подымался сигнал: „Умираю, но не сдаюсь", и корабли шли ко дну.

Немецким дивизиям не удалось продвинуться в глубь Кубани. Они были остановлены советскими войсками Северного Кавказа на Таманском полуострове. Но деникинские войска прошли на Кубань.

Больше полугода шла ожесточенная борьба между советскими войсками Северного Кавказа и деникинцами. Отрезанная от Советской страны, лишенная боеприпасов Красная Армия Северного Кавказа с боями отступала к горам. Деникинцы захватили Кубань, а в феврале—марте 1919 года Терек и Дагестан.

Красная Армия, казачья беднота Кубани и Терека, трудовое крестьянство и горская беднота, под руководством большевиков героически дрались за каждый клочок советской земли. Но силы были неравны.

Разбитую осенью 1918 года империалистическую Германию сменили империалисты Антанты. Они оказали белогвардейцам еще большую помощь. Английские войска сменили германо-турецких солдат в Закавказье и Дагестане. Английские генералы стали подлинными хозяевыми в захваченных белогвардейцами районах Кавказа. Русская и буржуазно-националистическая контрреволюция ранее бывшие приказчиками германских империалистов, стали приказчиками империалистов Антанты. Новые хозяева щедро снабжали белогвардейские армии оружием, боеприпасами, деньгами, самолетами и танками. Между тем Красная Армия в течение полугода сражалась, покупая у местного населения патроны по пяти рублей за штуку.

Как только Деникин вытеснил большевиков из опорных баз Северного Кавказа: Владикавказа и Грозного, он немедленно начал восстанавливать старые порядки на Северном Кавказе. Уничтожалось все новое, что принесла не только Октябрьская но и февральская революция. Угнетенные царизмом горские народы Северного Кавказа скоро убедились в том, что несет им восстановление „Единой и Неделимой России" Они также могли убедиться, какова действительная роль национальной буржуазии и местных феодальных элементов.

Последние, в большинстве своем—генералитет и офицерство, вышедшее из местных дворянских верхов прикрываясь идеей „национального государства“ принимали участие в создании Республики горских народов Северного Кавказа. Но как только появилась „Добровольческая армия“ у границ Горской Республики, бывшие генералы и офицеры царской армии без различия национальностей переходили на сторону Деникина и становились его верными лакеями. Вместе с ними генерал Деникин получил поддержку части и горской национальной буржуазии, смертельно боявшейся большевизма и не находившего собственных сил для расправы с ним у себя.

Немедленно после захвата Владикавказа белогвардейскими войсками генерала Деникина началось второе „умиротворение и замирение“ горцев Кавказа. Задача „умиротворить горцев“ Терско-Дагестанского края, „ввести начала законности и порядка“, с высокой справедливостью и беспристрастием примирить интересы подчас враждующих соседних народностей“, а главное „вновь приобщить Край к русской государственности“ как писал в своем приказе о своих целях на Северном Кавказе и в Дагестане генерал Деникин, было поручено им генералу Ляхову[1]. Генерал Ляхов показал во всю свои „умиротворяющие“ таланты в том же Крае в 1905-07 году, когда он возглавлял карательную экспедицию беспощадно расправляясь с революционными выступлениями горских трудящихся. Нужда в горском правительстве, состоявшим из национальных буржуазно-феодальных элементов, которое раньше помогало Деникину бороться с Советами, сейчас отпала.

16 февраля 1919 г. генерал Шатилов, командовавший войском генерала Деникина на Кавказе, в письме на имя председателя Совета министров горского правительства Пшемахо Коцева писал: „Считаю долгом уведомить, что все горские народы Северного Кавказа добровольно подчинились командованию добровольческой армии и в настоящее время вводят у себя систему самоуправления, указанную генералом Ляховым“[2]. Дарованные народам Северного Кавказа „свободы“ по мнению ген. Шатилова вполне удовлетворяют их. Поэтому находя, что „положение горского правительства станет ненормальным и было бы целесообразно для общего дела и на благо горским народам теперь же устранить получающееся двоевластие и объявить Вашим декретом, что с введением новой системы самоуправления, на-

---

1 Великая Россия № 117, 19 января—1919 г.
2 Ростовский Областной архив, фонд Гаппо Баева, дело № 7, л. 36

добность в объединенном горском правительстве отпадает, почему правительство и складывает свои полномочия"[1]

Система управления „Терско-Дагестанским Краем", разработанная генералом Ляховым для горских народов Северного Кавказа заключалась в следующем: Единая Республика народов Северного Кавказа уничтожалась. Каждая народность в рамках своей области получала правителя области и двух помощников по военной и гражданской части, назначаемые генералом Ляховым. При правителях должны были состоять „выборные" органы совещательного характера по вопросам внутреннего управления областью. Проэкт горского самоуправления, предложенный горским народам, генералом Ляховым от имени Командования „Добровольческой армии" исходил из того, что горские народности пользуются самоуправлением, но,, в соответствии с идеей воссоздания Великой, Единой России",(заявление главноначальствующего Терско-Дагестанского Края ген. Ляхова). Все горские народности получат правление „вполне национальное по своему составу и характеру". С этой целью спешно из наиболее реакционного, преданного монархическим идеям горского генералитета и феодальной знати фабриковались кадры „национальных" правителей. Правителем Дагестана назначается генерал Халилов, помощником по военной части полковник Джафаров по гражданской—Кривенко. Имена правителей были хорошо известны дагестанцам. Это были крупнейшие помещики, дворяне, десятилетиями эксплоатировавшие своих сородичей, прошедшие уже большой путь предательства интересам народов.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года окрылила горскую буржуазию. Связанная с духовенством, опираясь на огромные ее кадры, она стремилась подчинить своим интересам национально-освободительное движение горских народов. Если до февраля 1917 г. ее знаменем являлся пантюркизм и ориентация на единоверную Турцию, то после февраля 1917 г. горская буржуазия меняет ориентацию. Она поддерживает, ставшую вдруг дорогой ей „родную Россию". После победы Великой Октябрьской социалистической революции когда „родная Россия" для нее стала чужой, она снова отдает свои симпатии мусульманской Турции, не брезгует и поддержкой Англии, а затем отдает себя всю Деникину.

С целью избегнуть дальнейшего развития и углубления революции и отгородить себя от центральной России, где все

[1] Ростовский Областной архив, фонд Гаппо Баева, дело. № 7, л. 36.

больше укреплялось влияние большевиков еще накануне Октябрьской революции был организован „Юго-Восточный Союз" казачьих областей, горских и степных народов. Горская буржуазия вместе с казачьими генералами принимала не последнее участие в организации этого союза. С появлением деникинщины „Союз" стал одной из контрреволюционных ее опор, ближайшим помощником восстановителей „Единой неделимой". Горские верхи поступают на службу к Деникину. Алиевы, Халиловы, Хабаевы и др.—генералы и полковники—горцы по рождению, занимают посты правителей областей, начальников округов. Они возглавляют карательные отряды белых, расправляются с горской беднотой, вызывая ненависть трудящихся горцев не только к Деникину, к русской помещичье-буржуазной контрреволюции, но не меньшую ненависть и к „своим" собственным горским контрреволюционерам. Правительство „Республики Союза Горцев", делало со своей стороны все,—для выдачи скрывшихся в горах красноармейцев для ликвидации „большевистского вопроса". Русский помещик и капиталист в лице Деникина были заинтересованы в сохранении национальных районов в „восстанавливаемой империи" с неограниченной своей властью. Политическое самоопределение горской буржуазно-националистической верхушки в известной степени этому мешало. Ликвидация „Союзного совета" (парламента) республики Союза горцев обошлась не труднее нежели ликвидация Совета министров—правительства республики Союза горцев. С помощью царских приставов, ставших градоначальниками, с помощью духовных владык, деникинское командование добивается ликвидации самостоятельности Дагестана и остатков Республики Союза горцев. На совещании Дагестанской фракции союзного совета Республики Союза горцев, 24 мая 1919 г. по докладу Порт-Петровского градоначальника полковника Магомедова о том, что значительные силы „Добровольческой" армии заняли города Порт-Петровск и Дербент и что деникинское командование не признает горского правительства, но готово признать отдельное правительство Дагестана, обещая не вмешиваться в дела внутреннего управления, подкрепленное заявлением заместителя Гоцинского шейх уль-ислама о том, что „шариат" запрещает главарям народа тянуть его в неравную борьбу и тем самым подвергать физическое существование народа опасности, было единогласно постановлено:

1) Внести в Союзный совет предложение разъехаться членам Союзного совета на неопределенное время и если такое предложение не будет принято, то в дальнейших заседаниях Союзного совета дагестанским членам, участия не принимать.

2) Немедленно организовать временное дагестанское правительство из 3-х лиц для охраны порядка и общественного спокойствия в Дагестане.

3) Организовать такое правительство поручить генералу Халилову[1].

В тот же день состоялось последнее заседание Союзного совета (парламента) Республики Союза горцев.

Предложение Дагестанской фракции „Союзного совета" о роспуске его и о ликвидации „Союза Республики горцев" было отклонено.

Тогда Даниял Апашев, один из руководителей Дагестанской контрреволюции заявил, что Дагестанская фракция Горского парламента отказывается от дальнейшей работы в нем и находит дальнейшее существование парламента при создавшихся обстоятельствах невозможным на территории Дагестана. Вследствие такого заявления Дагестанской фракции председатель объявил заседание закрытым и роспуск парламента горских народов на неопределенное время. Среди публики седой старик со слезами на глазах силился что-то сказать, но крики торжествующих офицеров заглушили голос старика.

Правительство горской республики сложило свои полномочия. Этого и добивалась определенная часть горской верхушки, ориентировавшаяся на Антанту и восстанавливаемую „единую", как верного оплота против социалистической революции у себя. Народные массы получили еще один урок предательства и забвения национальных интересов горской верхушкой. Этот акт предательства со стороны буржуазных и феодальных элементов был вызван огромной ненавистью к ним со стороны трудящихся. Штыки деникинских солдат должны были защищать их собственность от революционного посягательства горской бедноты. Было за что беспокоиться. Образчиком этой горской верхушки мог служить сам „духовный вождь" Северного Кавказа—„имам" Нажмуддин Гоцинский.

Нажмуддин Гоцинский, всем своим прошлым и настоящим был с генералом Халиловым, Апашевым и др., с горской верхушкой, мечтавшей о скорейшем восстановлении „единой", которая сулила им и дальнейшие почести и охрану их крупной собственности. Даже его ближайший помощник шейх Узун-Гаджи отошел от него и начал организовывать сам силы для борьбы за создание горского мусульманского государства. К его

1. Материалы секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Документальный фонд IV тома, дело 1617 А., л. 17

ставке в Ведено стекаются горящие ненавистью к своим поработителям и зараженные религиозным экстазом горцы. Этот религиозно-националистический угар постарались использовать в своих целях—антиденикинские и антисоветские элементы—муссаватистский Азербайджан и меньшевистская Грузия. Через Азербайджан и с его помощью сюда проникают турецкие офицеры, которые пытались, овладев движением, использовать его для укрепления шатающейся под ударами Антанты, Султанской Турции. Несмотря на то, что Узун-Гаджи боролся против войск добрармии, лучшие люди гор, каким был Асланбек-Шерипов и др.—прекрасно понимали истинный характер и цели этой борьбы. Они пошли другой дорогой, под руководством коммунистической партии на борьбу за полное освобождение горских трудящихся, чего без разоблачения реакционной роли мусульманского духовенства нельзя было достичь. Но в борьбе с деникинщиной, приходилось заключать временно блок и с ними, особенно на первом этапе, когда коммунистическое движение было еще слабо, и предстояла задача оторвать шедших на борьбу с деникинщиной народных масс от их руководителей, использующих движение в своих интересах.

В ходе борьбы с деникинщиной большевикам блестяще удалось изолировать Узун-Гаджи, который, ненавидя большевиков, пошел на сговор с деникинцами.

Другой духовный вождь Дагестана шейх Али-Гаджи Акушинский, принимавший в первое время участие в борьбе с деникинщиной, также пошел на сговор с ней. Шейх Али-Гаджи Акушинский (из сел. Акуши, Даргинского округа) фанатик, в отличие от Гоцинского был небогатым человеком, политическим врагом Гоцинского. Его-то и использовали большевики в борьбе с ним. Он был выдвинут на пост шейх-ул-ислама и был поддержан частью крестьянства. Этим маневром удалось расколоть клерикальную группу и значительно ослабить ее. Одно время он являлся членом и даже почетным председателем „Совета обороны" Дагестана. Али-Гаджи Акушинский надеялся, что после изгнания деникинцев, в Дагестане укрепится шариат, Дагестан станет раем Магомеда, где лучше, чем кому-либо, будет окружающим его акушинским лавочникам, которые имели на него большое влияние и интересы которых он отображал и защищал.

Убедившись в растущем влиянии большевиков на массы дагестанского крестьянства, он в декабре 1919 г. во имя спасения шариата и под влиянием дагестанского кулака и торговца, понявших, что с большевизмом им не по пути, завязывает пе-

реговоры с деникинским командованием о заключении союза с ними при условии соблюдения интересов шариата и религии. Состоящий при штабе дагестанского отряда специальный осведомитель полковник Мельников писал 25 января 1920 г. в г. Петровск помощнику главнокомандующего „вооруженными силами юга России" ген. Лукомскому.

„В Дагестане существует национальный совет обороны, почетным председателем совета является духовное лицо Али-Гаджи. Недавно Али-Гаджи предложил нам выработать условия, на которых могли сойтись обе стороны и прекратить военные действия. Те аулы, которые признают Али-Гажди, выставили белые флаги в знак переговоров".[1]

Добровольческое командование, понимая, какого союзника оно может заполучить, изъявило желание вести с ним переговоры. На условленный для переговоров пункт в Н. Дженгутай прибыли для переговоров от имени правителя Дагестана начальник его штаба, полковник Каблицкий с делегацией. Но представителей Али-Гаджи они там не нашли. Сговору помешали большевики. Узнав о попытках сговора совет обороны, во главе которого стоял большевик тов. Казбеков С.С. вынес решение:

„с добровольцами ни в какие переговоры о мире не вступать и представителей не посылать. Этому причиной следующее: 1) Если мы войдем в соглашение с добровольческой армией, то нарушим наш договор с русской большевистской властью. Кроме того свобода дагестанской бедноты будет отнята. 2) Входя в соглашение с добровольческими войсками, нам придется вести дружественные отношения с нашим врагом Деникиным и с англичанами и этим самым мы явимся изменниками перед теми народами, которые борются за свою свободу"[2].

Существовавший на благодатной почве демократической Грузии „Меджилис горских народов", организованный „съездом горских деятелей" в Тифлисе 3 сентября под председательством меньшевика Ахмеда Цаликова своей политической задачей ставил изгнание добровольческой армии с горской территории, а для этого он „организует и поддерживает всякое движение среди горцев, носящее освободительный характер и в первую очередь то движение, которое ныне возглавляет в Чечне Узун-Гаджи и в Дагестане Али-Гаджи Акушинский"[3].

---

[1] „Вольный горец", № 2, 22 сентября 1919 г., Тифлис.
[2] Там-же.
[3] Там-же.

„Меджилис", как Узун-Гаджи в Чечне и Али-Гаджи в Дагестане представлял интересы горского кулачья, руководимого духовными элементами. Он старался увлечь за собой в своем не столько антиденикинском, сколько антибольшевистском движении горских трудящихся. Горская социал-демократия во главе с Цаликовым, как социал-демократия других стран и народностей, в союзе с контрреволюцией и во главе ее боролись против Октябрьской социалистической революции.

Только вмешательство большевиков спасло дагестанскую бедноту от участи, которую готовили им Шейх Али-Гаджи Акушинский в Дагестане, Шейх Узун-Гаджи в Чечне, которые в самы тяжелые для русской белогвардейщины дни, спешили ей на помощь для спасения интересов помещиков, кулаков и торговцев.

Если верхушка горских народов была заинтересована в приходе белогвардейских войск генерала Деникина и в помощи ее для расправы с народным движением, то угнетенные горские народы с первого момента прихода деникинцев встречают их в штыки. Требование деникинского командования о выдаче скрывшихся в горах большевиков и красноармейцев, о прекращении борьбы... о мобилизации и реквизициях для деникинской армии не выполнялись.

Народы Северного Кавказа с первых дней прихода на Кавказ армии Деникина начали оказывать ей активное сопротивление, Но нужна была организующая воля, единый центр, чтобы объединить усилия всех горских народов, чтобы организовать их борьбу с белогвардейцами и интервентами на фронтах, в партизанских отрядах и в подполье.

Таким организатором и вождем трудящихся горцев Северного Кавказа и Дагестана в их борьбе против Деникина и буржуазно-националистических верхов была коммунистическая партия и посланцы Ленина и Сталина на Северном Кавказе товарищи Серго Орджоникидзе и Сергей Миронович Киров. Возглавляя XI армию, Орджоникидзе еще в период ее упорных боев с деникинцами на Северном Кавказе в 1918 г. сделали много для подготовки партизанского движения в тылу врагов.

20 января 1918 г. в Прохладной было устроено совещание, которое должно было решить вопрос о судьбе XI армии. Группа командиров, видя развал XI армии и стремясь спасти ее остатки, считала, что единственным выходом для нее является отступление на Астрахань. Серго Орджоникидзе и ряд других товарищей категорически выступили против такого предложения. Орджоникидзе считал, что если в первый период отступления армия вследствие предательства Сорокина была направлена не

в сторону Царицына, а в сторону голодной калмыцкой степи, то сейчас отступление на Астрахань явится завершением предательского плана Сорокина. Отход на Астрахань в условиях зимы привел бы к массовой гибели истощенных непрерывными восьмимесячными боями голодных, полуголых, больных красноармейцев и их семей.

Орджоникидзе считал, что отход на Астрахань недопустим еще потому, что горским населением подобный отход будет квалифицирован, как предательство. Кроме того, отсутствие железной дороги делало отступление едва ли возможным.

Орджоникидзе предлагал сосредоточить у Владикавказа—Грозного остатки XI армии и поднять на борьбу против Деникина горские народы. Не отступать, не прекращать борьбу, а, наоборот, усилить ее,—настаивал Орджоникидзе. Он считал вполне возможным с помощью горских народов выдержать длительную борьбу с частями Деникина, оттянуть главные силы на себя и тем самым дать возможность Красной Армии двигавшейся с севера, сломить сопротивление Деникина и прорвать фронт. Тогда объединенными усилиями частей Красной Армии, наступавших с севера, XI армии и горских народов—с юга, Деникин был бы уничтожен.

Но не так смотрел на судьбу XI армии Реввоенсовет каспийско-кавказского фронта, в котором видную роль тогда играл небезызвестный Шляпников, будущий организатор „рабочей оппозиции“ и участник многочисленных антипартийных группировок. Вместе с частью командиров XI армии Реввоенсовет каспийско-кавказского фронта считал необходимым дальнейшее отступление на Астрахань и фактически ничего не делал, чтобы остановить армию и укрепить ее наиболее боеспособные части. Наоборот, часть командиров первые подали пример и вместе со своими штабами срочно отбыли на Кизляр, чтобы оттуда через Черный Рынок, Яндыки скорее пробраться к Астрахани.

24 января 1919 г. Серго Орджоникидзе в телеграмме Ленину сообщал:

„XI армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станицы почти без сопротивления. Ночью вопрос стоял покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Мы считаем это политическим дезертирством. Нет снарядов и патронов. Нет денег. Владикавказ, Грозный до сих пор не получали ни патрон, ни копейки денег, шесть месяцев ведем войну, покупая патроны по пяти рублей.

Владимир Ильич, сообщая Вам об этом, будьте уверены, что мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии

не опозорим бегством. Тогда положение может быть спасено, если Вами будет переброшено сюда 15 или 20 тыс, свежих войск. Дайте патроны, снаряды, денег. Без Северного Кавказа взятие Баку и укрепление его—абсурд. Среди рабочих Грозного и Владикавказа непоколебимое решение сражаться, но не уходить. Симпатии горских народов на нашей стороне.

Дорогой Владимир Ильич, в момент смертельной опасности шлем Вам привет и ждем Вашей помощи".[1]

Несколько месяцев находился товарищ Орджоникидзе в тылу деникинцев в ущельях Кавказа, организуя горцев, руководя партизанскими отрядами.

Из самых отдаленных районов Северного Кавказа к Орджоникидзе приезжали представители партизанских отрядов, руководители большевистских организаций. Они получали не только подробные указания, но и помощь оружием, и если это было в силах, и людьми.

Так из Дагестана еще в январе 1919 года к Орджоникидзе приехали два представителя большевистской организации и на заседании Реввоенсовета XI армии сделали сообщение о положении дел. Выслушав их, тов. Орджоникидзе в своем выступлении отметил, что в Дагестане имеется вполне благоприятная база для развертывания активной борьбы с силами контрреволюции. Эта база—горская беднота. Серго внес предложение послать в Дагестан специальный отряд и вызвать из Астрахани Дагестанский кавалерийский отряд в 900 сабель, посланный туда в июне 1918 года. К сожалению, события на Тереке не позволили выполнить это решение.

Большое внимание организации горских масс на борьбу с деникинцами уделял и Сергей Миронович Киров, находившийся с января 1919 года в Астрахани.

Руководитель большевистской организации Дагестана Уллубий Буйнакский, приехавший в Астрахань из Москвы, куда он ездил за оружием и деньгами для организации партизанских отрядов, получил от Сергея Мироновича указания об усилении борьбы против Деникина.

— А что слышно о Серго?—спросил Киров Буйнакского во время одного из свиданий с ним.

— Он во Владикавказе. Организует отпор наступлению Деникина.

— А как Деникин?

---

[1] Г. К. Орджоникидзе—избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 49, Госполитиздат, 1939. г.

— Наступает. Одиннадцатая армия подточена изменой Сорокина.

— Знаю,—вдруг прервал Уллубия Киров.—Об этом знаю. Вы правы. Вы совершенно правы. Поезжайте в Дагестан, создайте там мощный кулак. Свяжитесь с Орджоникидзе, Шериповым и другими. Нужно действовать сообща. И тогда Деникин не посмеет, не сможет захватить Кавказа. Поезжайте немедленно, а мы выедем вслед за вами. И надеюсь скоро увидимся на Кавказе, не будем терять связи.

Киров поднялся. Поднялся и Уллубий. Сергей Миронович подошел к нему и снова на лице его заиграла улыбка.

— А знаете, это хорошо, что мы увиделись. Лещинский мне говорил о вас и о Махаче. Да, как жаль, что мы не могли сохранить такого человека как Махач. И вы, Уллубий, берегите себя. Ваша жизнь нужна Дагестану и революции.

Это кировское „Уллубий", теплое рукопожатие на прощание и блеск глаз Мироныча, Буйнакский не мог забыть.

В тот же день он выехал в Кизляр, И, вспоминая встречу с Кировым, думал о том, как развернется работа, когда экспедиция приедет на Кавказ. С какой радостью встретят горцы своего почетного „старика".

В начале февраля 1919 года Буйнакский приехал в столицу Дагестана Темир-Хан-Шуру. Он, пренебрегая опасностью быть обнаруженным, быстро установил связи со своими старыми товарищами по борьбе, с командирами партизанских отрядов и уже через несколько дней после приезда сумел созвать подпольную партийную конференцию. Конференция избрала областной комитет партии, председателем которого делегаты выбрали единогласно Буйнакского.

Облеченный новыми полномочиями, Буйнакский с еще большей энергией развернул работу по собиранию сил. Он посылает большевистских агитаторов в аулы, в военные части и сам много ездит и выступает на подпольных собраниях партизан и рабочих Петровска. Из гор к нему приходили представители и сообщали, что крупные партизанские отряды в Даргинском, Казикумухском и других округах готовы к выступлению.

Буйнакский послал гонцов в Баку, к тов. Микояну, в Астрахань к С. М. Кирову, которому так и не удалось выехать на Северный Кавказ. В апреле от Сергея Мироновича приехал Оскар Лещинский. Он только что перенес тиф и, выздоровев, с жаром окунулся в работу. Из Астрахани он привез деньги, необходимые для развертывания подпольной работы и подготовки восстания.

Приезд Лещинского, бодрые вести от С. М. Кирова

и, наконец, успешная работа в Дагестане, так оживили Буйнакского, что он ни на минуту не сомневался в скорой победе.

Прежде всего надо было выполнить требование Кирова и установить связь с Орджоникидзе. Буйнакский нашел преданного и смелого человека, которому велел разыскать Серго и вручить ему следующее письмо:

„Петровск, 1 мая.

Товарищи из Терского Совета, Орджоникидзе, Бутырин и другие! Кто у вас остался жив? Я в Петровске, Киров в Астрахани. От нашего общего имени пишу Вам и по поручению Реввоенсовета XI армии: Петровск и Шура накануне Советской власти. Нам совершенно необходимо знать точное положение вещей в вашем крае. Где фронт казаков? Правда ли, что Владикавказ занят ингушами? Во всяком случае держитесь сколько возможно. Мы послали Вам в апреле месяце гонцов. Дошли ли они до Вас? С подателем пришлите точные сведения. До нас доходят слухи о взятии Владикавказа советскими частями и многие другие. Если это так, то мы несказанно рады. Если слухи остаются только слухами, сообщаем, что как только мы выступим и займем Шуру и Петровск, то тотчас же двинем наши силы Вам на помощь. Силы у нас солидные. И посему помощь наша в самое ближайшее время будет реальной."

Председатель Дагкомпартии Буйнакский[1].

Областной комитет под руководством Уллубия Буйнакского развернул подготовку восстания против контрреволюционного дагестанского правительства и деникинцев. Член подпольного областного комитета Саид Абдул Халимов сформировал штаб Дагестанской Красной Армии и вербовал в нее кадры. Оскар Лещинский вел большую работу среди деникинских солдат Петровского гарнизона с целью их разложения и перехода в момент восстания на сторону восставших. Чтобы ослабить силы английских интервентов и деникинцев в Дагестане, Оскар Лещинский организовал порчу подъемных кранов английских гидросамолетов и временно лишил их возможности действовать. Им же велась подготовка к захвату замков орудий английских батарей в Порт-Петровске и к угону в горы упряжных лошадей. В типографии Темир-Хан-Шуры под руководством члена обкома большевика Емельяна Гоголева тайно печатались брошюры и листовки, с призывом бороться за власть Советов, против интервентов и белогвардейцев. Подпольная больше-

[1] Н. Эмиров „Уллубий Буйнакский, Махач-Кала Даггиз 1940 г., стр. 39-40.

вистская печать на русском, аварском, кумыкском и других языках народностей Дагестана распространялась по области.

С. М. Киров поддерживал связь с большевиками Дагестана через „рыбаков". На утлых рыбачьих лодках, кировские посланцы на виду у английской эскадры, шнырявшей по Каспию, из Астрахани пробирались в Порт-Петровск. С. М. Киров послал необходимые для подготовки восстания средства.

11-го мая было получено известие, что в Петровск прибыли два представителя из Астрахани с письмами. Оскар Лещинский выехал из Темир-Хан-Шуры в Петровск, встретился с ними и вечером 12 мая вернулся в Темир-Хан-Шуру. На следующий день 13 мая, в Темир Хан-Шуре в доме Абдул-Вагаб-Гаджи Магома, по Апшеронской улице происходило расширенное заседание Областного комитета с представителями от подпольных большевистских организаций аулов. Руководил заседанием Буйнакский. Обсуждали вопрос о подготовке восстания. Оскар Лещинский рассказал о встрече с представителями Астрахани посланными Кировым и о возможной поддержке восстания морским десантом Волжско-Каспийской флотилии. Вместе с десантом моряков в Дагестан, должны были прибыть 600 инструкторов для формируемой Красной Армии Дагестана. Восставших должны были поддержать и части XI и XII Красных Армий, которые находились севернее Кизляра. Вслед за Лещинским выступил Уллубий Буйнакский. Только он приступил к сообщению о состоянии сил, как вдруг за дверью раздались шаги. В комнату ворвался человек, поставленный специально для охраны заседания.

— Мы окружены, спасайтесь через сад,—едва успел крикнуть он, но было уже поздно.

В саду замелькали фигуры офицеров и солдат горского правительства.

Горское правительство, предупрежденное через шпионов о месте и времени заседания, поспешило расправиться с руководителями готовящегося восстания.

Все присутствовавшие на заседании были арестованы и обысканы. Кроме личного оружия, отобранного у арестованных, при обыске были изъяты документы, свидетельствующие о размахе деятельности подпольного Областного комитета большевиков. „Обвинительный акт по делу об Уллубии Буйнакском и др." перечисляет ряд материалов, взятых у обвиняемых и изъятых в подпольной квартире, где происходило последнее заседание Областного комитета партии: карты города Порт-Петровска и его окрестностей, „журнал боевых действий," начатый 29-го апреля 1919 года, проект поло-

жения о пропаганде социалистических идей в войсках; указания для инструкторов Красной Армии; полевая книжка, в которой имелись заметки об установлении связи с штабом Красной Армии, и со стачечным комитетом Петровск-Кавказского, при чем указано и местопребывание штаба „Торкали К. Т. Кумтор-Кала", донесения, адресованнные товарищу Буйнакскому. В полевой же книжке имелись приказы о выставлении сторожевого охранения в сторону Петровска, Шамхала и Капчугая (приказы №№ 1, 2), о немедленном взятии города Т. Х. Шуры (№ 5 от 2-го мая) о мерах предосторожности по отношению к лицам, делегируемым в Астрахань, адресованных Буйнакскому; о мерах санитарной помощи, записка адресованная Гоголеву и подписанная Буйнакским, о приобретении и высылке в „Т", очевидно в Кумтор-Кале треног с пулеметами, о высылке дозора в сторону селения Атлыбуюн и Капчугай и мерах в случае нападения как со стороны Атлыбуюна, так и Капчугая. Силы, предназначенные для отражения нападения деникинцев указаны следующие: три эскадрона конницы и резерв торкалинцев. Блокноты с фамилиями лиц, счетами и расписками в получении денег как для личного содержания, так и для покупки фуража, также свидетельствуют о связях Обкома. В расписке фигурируют имена и фамилии „С. Абдул Халим", „Абдулла" и „Абдул Вагаб". Запись расходов в пределах 100—14350 рублей. По этой записи Саид Абдул Халимов получил на расходы 10000 рублей. В записке и письме сообщается об офицере Деникинской армии,—поручике, получившем у Саида Абдуллы Халимова деньги. Записка о демонстрации в Петровске подписанная Оскаром. 4 записки, первые две за подписью „Оскар", в одной из которых сказано: „надеюсь скоро обезвредить аэропланы... Нужно приготовить папиросы для наших батарейцев" в третьей и четвертой тем же почерком без подписи, говорится об изъятии орудийных замков с батареи и о необходимости угона батарейных лошадей, о выводе из строя подъемного крана для гидроаэропланов. Был изъят также список красноармейцев, находящихся в Кумтор-Кале. В числе документов были три листа бумаги с разными заметками, из них лист „журнала боевых действий". В журнале имелась запись: „30-го апреля. Организовано три эскадрона"... „Нашими испорчены подъемные гидроаэропланные краны (английские), ночью предположено снять замки с английских батарей, если удастся, то и увод лошадей. Кроме этих документов тут были также карты Кавказа, карта окрестностей Петровска, нарисованная от руки, карта районов Темир-Хан-Шуринского, Чир-юртовского, Унцукульского, Хун-

захского, приморской полосы. Были взяты печатные прокламации, материалы за подписью „Российская Коммунистическая партия (большевиков)", рапорта, адресованные Буйнакскому, несколько писем Махача Дахадаева, различные ведомости и др.[1]

Дагестанский Областной комитет большевиков арестованный в Темир-Хан-Шуре, был спешно перевезен в Петровск. Попытка отбить арестованных, предпринятая под руководством большевиков рабочими Петровска не удалась. Уллубий Буйнакский и его товарищи были переданы Главному Военно-шариатскому суду. Оскар Лещинский был выдан Деникинцам, захватившим в это время Дагестан.

Потянулись месяцы ожидания суда. Оставшиеся на воле большевики делали много попыток освободить Буйнакского. Из Баку от товарища Микояна были получены деньги, товарищ Микоян требовал, приложить все силы чтобы вырвать товарищей из рук врагов. Горское правительство к этому времени потеряло всякую самостоятельность. Деникинские войска заняли Дагестан. Расправу над большевистскими руководителями взяли на себя русские генералы. В тюрьме Буйнакский вел себя стойко. В письмах на волю выражено все величие этого человека, его глубокая вера в победу дела, за которое он боролся всю жизнь.

Так в письме к молодой горянке, радуясь тому, что она взялась за активную работу, Буйнакский пишет:

„Работа Ваша нужна, желательна, и если хотите, необходима: молодость, молчащая в данное время, не молодость, а ветхость".

26 июля 1919 года в особом присутствии главного военно-шариатского суда начался процесс над дагестанскими большевиками. Выдержка и спокойствие Буйнакского обескураживали судей. Уллубий все силы приложил к тому, чтобы выгородить товарищей. Выведенный из себя прокурор в своей речи потребовал расстрела обвиняемых. В ответ на злопыхательство прокурора, Буйнакский от имени всех большевиков Дагестана произнес яркую и пламенную речь—призыв к продолжению борьбы:

— Я знаю—говорил Уллубий в своей последней речи,—что меня ждет за мою попытку участвовать в разрешении этого вопроса, но я смело смотрю смерти в глаза. Я сам добровольно, в полном сознании содеянного, повлек себя на это. Я вырос в ущельях гор, хорошо изучил всю тяжесть положения горского крестьянина. Я с раннего детства посвятил свою

[1] Газета „Молот" № 5. 15 июля 1919 г. г. Баку.

жизнь всем обиженным массам и в частности дагестанскому народу. Для них я учился, чтобы быть сильнее в борьбе с вами. Вы расстреляете меня и еще тысячи подобных мне, но ту идею, которая живет уже в нашем народе, ее вы не сумеете расстрелять. Я смело иду навстречу палачам и твердо уверен, что возмездие близко и лучи освобождения проникнут веками в порабощенные ущелья гор Дагестана. Я не прошу снисхождения ко мне, освобожденный народ сам отомстит за всех погибших в этой, пока неравной борьбе. Я твердо убежден в победе Советской власти и коммунистической партии и готов умереть за их торжество".[1]

Ранним утром 31 августа 1919 года к разъезду Темиргое подошел бронированный поезд „Кавказец". В нем привезли на расстрел Уллубия Буйнакского и его товарищей. У палачей не дрогнула рука. Первый большевик Дагестана, борец за освобождение трудящихся горцев, пал от руки врагов. Но народ отомстил за него.

Погиб и посланец Кирова—Оскар Лещинский. Он работал в Дагестане под именем Николая Викторовича Савинкова. Под этим именем он был арестован. Следственным властям удалось сопоставить его почерк с захваченными записками за подписью „Оскар", и установить, что Савинков—Оскар—одно лицо. Но установить настоящую его фамилию они не сумели.

Переданный в руки деникинской контрразведки, Оскар Лещинский после пыток и издевательств был зверски растерзан.

Незадолго до гибели ему удалось из Порт-Петровской тюрьмы переправить письмо большевику-рабочему „Каспийской мануфактуры" тов. Фрибус, находившемуся также под арестом в тюрьме.

В письме он писал: „Я умру спокойным. Борьба тяжка, уходить из жизни молодым—больно, но законы этой жизни непреодолимы. Целую вас и желаю скорее быть свободным для жизни... и счастья.

Моя фамилия Оскар Лещинский, но никому не говорите".

В этом же письме он просил сообщить в Баку, в партийный комитет, чтобы в случае возможности передать Народному Комиссару Сталину для Кирова сведения о его судьбе.[2]

Весть об аресте и гибели Уллубия Буйнакского с быстротой молнии разнеслась по аулам Дагестана и послужила толчком к началу более активной борьбы горцев с добрармией.

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР." Документальный фонд IV тома, дело № 1617А л. 5.

[2] Центральный Государственный Архив Дагестанской АССР. фонд № 10. 9 17 л. 1.

Центром борьбы против деникинцев стало селение Левашн, Даргинского округа, откуда группа дагестанских коммунистов, связанных с тт. Кировым и Орджоникидзе, с Бакинским бюро кавказского краевого комитета, с городскими организациями Дагестана подготовляла восстание народных масс против деникинщины. Организационная структура, способ комплектования и снабжения повстанцев были таковы, что обеспечивали создание боеспособной силы. По распоряжению созданного в Левашах штаба обороны десять ,,дымов'' должны были выставить из своей среды одного бойца—дать ему винтовку и продовольствие на две недели.

В конце июня 1919 г. горская беднота стихийно поднималась против войск Деникина. В Гунибе, Дешлагаре, Касум-Кенте и других местах, где имелись гарнизоны, они почти полностью были вырезаны. Оттянутые с фронта Деникиным войска совершают ряд карательных экспедиций, расправляясь с восставшими. Устоять перед более сильным врагом, плохо вооруженные повстанцы не могли. Под аулом Дургели и Кадар повстанцы потерпели поражение. Дургели и Кадар были стерты с лица земли. Деникинщина торжествовала. Официальная сводка главного штаба Главнокомандующего вооруженными силами юга России от 10 июля сообщала: ,,В Дагестане после падения с. Кадара Аварский, Гунибский, Казикумухский и Даргинский округа изъявили свою покорность''[1]. ,,Изъявившему покорность'', т. е. побежденному в борьбе, дагестанскому крестьянству, немедленно было в категорической форме предложена возможность доказать свою преданность Деникину. 17 августа 1919 г. правитель Дагестана ген. Халилов обратился с приказом к населению вверенной ему области:

,,В настоящее тяжелое положение Всей Великой России никто из числа населяющих ее народов не может быть бездеятельным, не имеет права не принимать участия в смертельной борьбе с язвой, разъедающей государственный организм—большевизмом.

Также и Дагестан должен внести лепту в дело освобождения от ига большевиков и послать своих сыновей в ряды бойцов, грудью своей защищающих родину. Только при этих условиях он станет равноправным членом в будущей семье Единой Великой России и будет пользоваться всеми благами. предоставленными ее гражданам''[2].

---

[1] Центральной Архив Октябрьской Революции (Цаор), фонд 1486, дело № 43. л. 33.

[2] Архивный фонд Дагестанского научно-исследовательского института Истории, языка и литературы.

Выразив уверенность, что не будет ни одного дагестанца, в котором его призыв не вызовет отклика, он приказал начальникам округов для пополнения войск Деникина выставить около 8000 бойцов, из которых 25% должны были быть конными. На Царицынском фронте находилась уже мобилизованная на борьбу с большевиками армия горского правительства, состоявшая из двух Дагестанских полков и Шамилевского батальона. Теперь предстоял массовый призыв в ряды „добровольческой армии". Все выставляемые должны были быть снабжены за счет местного населения одеждой и обувью. Конные—лошадью, седлом и буркой. Вооружение их также производилось средствами самого населения. Возраст призываемых, согласно приказа Деникина—от 19 до 40 лет. Все мобилизованные считались военнобязанными до прекращения военных действий, согласно „положения о Дагестанском конном полку, утвержденном в 1904 году". Несмотря на выраженную ген. Халиловым уверенность в том, что „дагестанцы свято выполнят свой долг перед Великой родиной", он одновременно учредил военно-полевые суды и ввел смертную казнь для тех, кто собирался уклоняться от исполнения „святого долга". Срок для выполнения приказа—был дан один месяц. Одновременно, в „целях прочного занятия Дагестана и наказания причастных к большевизму аулов" по приказанию генерала, князя Вадбольского к 8 сентября в основных центрах Дагестана были поставлены сильные казачьи гарнизоны. В Гунибе—2 сотни казаков с 3 пулеметами и 2 орудиями, в Хунзахе—2 сотни, 2 пулемета, в Дешлагаре—3 сотни, 7 пулеметов, 2 орудия, Кусум-Кенте—1 сотня, 2 пулемета, Меджалисе—2 сотни, 2 орудия. Кроме того, имелись гарнизоны в Темир-Хан-Шуре, в Петровске, Дербенте и др.[1].

С национальными и религиозно-бытовыми особенностями в вопросах воинской повинности приходилось считаться даже царскому правительству, отказавшемуся от обязательной воинской повинности горцев. Теперь восстановители царизма пошли дальше царских законов. Приказ о мобилизации вызвал новое восстание и массовую борьбу против деникинщины, окончившуюся разгромом ее в Дагестане.

В августе месяце, после опубликования приказа ген. Халилова о мобилизации в селении Цудахар, Даргинского округа собрался тайный съезд делегатов Даргинского округа, решив-

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Документальный фонд IV тома, дело № 1617-А. л. 14.

ший не давать Деникину ни одного солдата. На съезде был выработан план восстания. По плану первыми должны были выступить цудахарцы, которые отказались выполнить требования деникинского командования. Цудахарцы с помощью других селений обезоружили казачьи гарнизоны и арестовали в ближайших селениях поставленные Деникиным власти. Затем они двинулись на Леваши, для освобождения арестованных деникинцами. Но еще до цудахарцев 27 августа 1919 года началось восстание в Кюринском округе. Первым актом восстания явилось разоружение добровольческого отряда, находившегося в сел. Кусум-Кент. Повстанцы, плохо вооруженные часто одними только кинжалами, вели бой с казачьими частями, укрепившимися в зданиях. Укрепленные здания-крепости приходилось брать только длительной осадой. Осада казачьего отряда, укрепившегося в с. Касум-Кенте продолжалось до 3 октября[1]. Осажденному казачьему отряду пытались оказать помощь из Дербента. Но эта попытка не увенчалась успехом. Повстанцы разбили подходивший из Дербента казачий отряд, уничтожили его, почти полностью захватили его обозы. Это дало возможность вооружить повстанцев, так как было захвачено 1800 винтовок, около 2 миллионов патрон, 4 тяжелых и 2 легких пулемета.

Отказались от проведения мобилизации не только цудахарцы, но и хаджал-махинцы (Даргинский округ). Последние напали на подходивший к селению Хаджал-Махи карательный отряд полковника Магомедова, разбили его и разоружили. Затем восставшие двинулись на Леваши. 30 августа восставшие заняли Леваши, обезоружили его гарнизон и освободили из тюрьмы арестованных. В Левашах был организован штаб восстания.

Для ликвидации начавшегося восстания в Даргинском округе были брошены с фронта большие силы, доходившие до 1.000 штыков и сабель, с пулеметами и артиллерией. Это заставило подняться весь даргинский народ.

По узким крутым тропкам от аула к аулу, от хутора к хутору помчались всадники. Опережая их скакунов неслись тревожные хабары—деникинцы наступают. И всюду, куда ни приезжали всадники, они встречали отряды вооруженных горцев, толпы женщин и стариков, готсвых выступить по первому зову.

Всадники, не спешиваясь, передавали старшинам аулов па-

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Рукописный фонд VII тома, дело № 1693, лист 3.

кеты и мчались дальше в самые глухие ущелья на вершины хребтов—подымая весь дагестанский народ на борьбу с деникинцами.

Из крепости Дешлагар на даргинский народ, отказавшийся служить в армии белых, шел карательный отряд деникинского полковника Лаврова. Путь отряда лежал через узкое ущелье, речки Кака-Узень, в сжатую высокими острогорбыми хребтами гор долину Ая-Кака, в Мекеге.

Получив от штаба обороны известие о выступлении отряда, мекегинцы 4 сентября 1919 г. вышли ему навстречу.

У небольшой мельницы, там, где кончается долина и снова начинается ущелье, они стали ждать противника. Ночь прошла спокойно.

Ранним утром, когда в долине еще не растаял полумрак, а на противоположных вершинах уже загоралось пламя зари, заставу потревожили странные звуки. Немногие из горцев поняли, что это оркестр приближающихся врагов исполнял марш. Звуки ближе и ближе. В чистом утреннем воздухе они нарастали с необыкновенной силой. И вот,—перед горцами в боевом порядке развернулся передовой эскадрон отряда.

Впереди гарцуя, как на увеселительной прогулке, ехало два офицера. Замерли партизаны, пораженные невиданным зрелищем. Притаились за скалами и кустами. А марш гремел все громче, все увереннее, все ближе.

Эскадрон, вытянувшись, медленно извивался по петлистой тропе. И вдруг, в тот момент, когда ехавшие впереди офицеры увидели хутор и стали придерживать лошадей, с обеих сторон дороги раздались залпы.

Шамилевские ружья, которыми была вооружена часть горцев, при выстреле страшно дымили. Это сразу выдало местонахождение партизан. Казаки быстро оправились от неожиданности и открыли беспорядочную стрельбу. На узкой тропе загорелся бой. Но еще несколько минут частые выстрелы, ржание в страхе мечущихся коней, крики и стоны раненых, заглушал бодрый мотив марша. И даже, когда под музыкантами были подбиты лошади—когда часть из них, сверкнув на солнце блеском своих инструментов, падала под меткими пулями партизан, горное эхо все еще переливалось в скалах медью замолкнувших труб.

Не прошло и часа. как от эскадрона осталось несколько вырвавшихся из кольца окружения казаков. Победа не вскружила голов партизанам, они знали, что главные силы генерала Попова—под командованием полковника Лаврова, пушки и пулеметы, еще не подошли. С ними справиться будет труднее.

Нужна помощь, а помощи не было. Только к вечеру стали появляться отряды других селений. Они прибывали всю ночь и к утру почти все взрослое население Даргинского округа было у входа в долину Ая-Кака.

Члены штаба обороны руководили расстановкой сил. Правой стороной, по лесистому хребту в тыл белым протянулась цепочка смельчаков. Толпы женщин и молодежи, не имевшей оружия, заполнили вершины окружающих гор. Им было приказано вооружиться палками, из глубины долины безоружные толпы могли показаться вооруженными отрядами.

Потянув артиллерию, расставив пулеметы на возвышенностях, с утра 7-сентября враг открыл огонь. Партизаны рассыпались по ущельям, в лесу, окопались за естественными преградами—камнями, валявшимися по обе стороны реки. Из-за недостатка патронов стреляли мало. Только в крайнем случае, когда враг бросался в атаку. Привычные к горным условиям, с детства, неразлучные с винтовкой, горцы не знали промаха.

Во все селения были разосланы люди с заданием, какой угодно ценой достать патроны. К вечеру прибыли первые арбы с патронами. В Хунджурах--горских мешках, разносили по окопам их женщины и ребятишки. Сгибаясь под тяжестью ноши, несли они патроны в передовые окопы. Там лучшие стрелки сдерживали напор белых. Пришел сюда и командующий боем—член штаба обороны. Окоп—небольшое продолговатое углубление, с рядами камней вместо бруствера. Установив винтовки между камней, партизаны зорко следили за движением на стороне противника.

— А это что такое?—вдруг спросил командир, увидев, как за патронами протягивались почти детские ручки. Почему такой молодой и в передовых окопах? Дай сюда винтовку.

Командир выхватил у оторопевшего парня оружие и лег на его место. Паренек, не смея возражать командиру, стоял растерявшись среди окопа. Не успели бойцы что-нибудь возразить, как над их головами с резким свистом пронесся снаряд. Один, другой, третий... И—пламя взрыва, удар и облако пыли. Мгновение было все тихо. Полузасыпанные, уткнувшись в землю, лежали партизаны. Оцепенение прошло. Люди стали подниматься, проверять все ли невредимы. Поднялись все, за исключением паренька без винтовки. Но и тот, как только стали к нему подходить товарищи, тоже начал медленно подниматься. У всех вырвался крик изумления. На месте правой руки у паренька висели лохмотья одежды и зияла огромная рана. Паренек шатаясь подошел к краю окопа—наклонился и левой рукой поднял... окровавленный обрубок своей руки. За

тем также пошатываясь он подошел к командиру и прижимая локтем обрезок руки, тихо проговорил: „дай винтовку".

Командир молча протянул ему винтовку Паренек повернулся к товарищам, посмотрел на них и шагнул вперед. Его пошатывало. Кто-то бросился помочь ему, но паренек опередил. Вытянувшись, гордо подняв голову, он еле слышно, ни на кого не глядя, прошептал:

— Прощайте, товарищи, деритесь, держите фронт. Идите только вперед.

Отойдя еще несколько шагов, он упал. Подбежавшие товарищи подняли и унесли его в тыл.

Командир долго смотрел в след юному партизану...

Всю ночь продолжался бой. Утром деникинцы усилили атаки, решив во что бы то ни стало прорвать фронт. Партизаны с трудом сдерживали их напор. Их спасало умение вести войну в горной местности. Небольшие кучки партизан пробирались в тыл белых и в самый трудный момент боя подняли там панику. Метким огнем они расстреляли обоз, вывели из строя артиллерию. Почувствовав беспорядки в тылу, передовые части дрогнули, этого только и надо было партизанам.

С громкими криками „ура", обнажив кинжалы, с гор и из ущелий огромными толпами они ринулись в долину. Закипел рукопашный кинжальный бой. Узкая тропа не давала возможности развернуться конным частям деникинцев. Быстро стали выходить из строя пушки и пулеметы—на них были устремлены главные силы партизан. Не только защищаться, даже бежать белые не могли. Мечущиеся лошади, обозы, перевернутые повозки загородили узкий выход из долины. Пробиваясь через эти заграждения, остатки деникинских войск пытались удариться в бегство. Их нагоняли, стаскивали с коней и убивали. Рядом с мужчинами сражались женщины. Вот одна из них нагнала офицера и вцепившись одной рукой в его ремни, другой колет его грудь кинжалом. Завязалась молчаливая упорная борьба. У офицера уже нет оружия, он с трудом отцепив патронташ, ударяет им женщину по лицу. Так длится несколько минут. У женщины нехватает сил свалить офицера с лошади, ударить его кинжалом по-настоящему. Ее кинжал только режет его. Обливаясь кровью от ударов патронташем, она делает усилие, вытягивается и достает острием кинжала до шеи противника. И в тот момент, когда на помощь женщине подбежали партизаны, офицер, пораженный ловким ударом вываливается из седла. Торжествующая, с окровавленным лицом, победительница взбирается на коня. Она жестами, гримасами изуродованного лица пытается показать свою радость и мчит-

ся за убегающим врагом, не замечая как струи крови заливают ее белое платье.

Преследование продолжалось. Жалкие остатки белых, с трудом вырываются из окружения. Но и вырвавшись большая часть из них погибала. У хутора Ая-Кака есть крутой обрыв. Дорога здесь упираясь в него, круто поворачивает вправо. На полном ходу не все могли повернуть коней и не один десяток белых со всего размаха падали в пропасть, найдя на ее холодном дне свою бесславную смерть. Убит был и командир отряда деникинцев, полковник Лавров.

Из тысячного отряда спаслись единицы.

Так в сентябре 1919 года даргинский народ в глубоком тылу белогвардейщины навсегда выгнал со своей земли деникинцев. Воспользовавшись военными трофеями, они создали регулярные отряды, организовали обучение их и на Кызыл-лярском перевале создали заграждение.

Повстанцы захватывали крепости, селения, уничтожали добровольческие, главным образом, казачьи отряды, расправляясь с начальством, посаженным деникинским правлением. „Начальство"—дагестанцы по национальности и мусульмане по вере. Несмотря на это, при разгроме повстанцами Кюринского округа, казачьего отряда и окружных властей, назначенных ген. Халиловым были убиты начальник Кюринского округа Мишхабек Умашев (б. полицмейстер г. Петровска), быв. нач. Кайтага-Табасаранского округа-Султанов, происходивший из самого селения Касум-Кент. В Самурском округе был убит начальник округа полковник Магомедов и т. д. В Касум-Кенте после продолжительного боя деникинский отряд был вырезан полностью, (спасся один офицер и 7 казаков, с большими трудностями убежавшие в Дербент). Сотня казаков, узнав о разгроме отряда полковника Лаврова под Дешлагаром, оставила Кумух и присоединилась к Гунибскому отряду. Командир Гунибского отряда полковник Шокали, имевший в своем распоряжении крупные силы, артиллерией, подкрепленной подошедшей сотней из Кумуха, предпринял карательную экспедицию. 7 сентября тремя казачьими сотнями окружив аул Гергебиль, он наложил на жителей контрибуцию в 250 тысяч рублей. Добившись „изъявления" покорности, он направился с этой же целью с отрядом в аул Куппа. Изъявившие вчера покорность гергебильцы, совместно с другими повстанцами, окружили отряд и разгромили его. Полковник Шокали, 6 офицеров и 100 казакаков были убиты и, потеряв всю артиллерию и пулеметы, отряд отошел на Гуниб. Гунибский отряд, как и другие отряды „добровольческой армии" в восставшем Дагестане был

вырезан партизанами 18 сентября при взятии ими Гуниба. Небольшая часть (около 100 казаков) попала в плен. Изо дня в день ежедневные оперативные сводки главного штаба вооруженных сил юга России в этот период (5—21 сентября) принуждены сообщать о разрастающемся в Дагестане восстании, об отходе добровольческих частей. 8 сентября секретная телеграмма главного штаба сообщила о разгроме Дешлагарского отряда полковника Лаврова[1]. Для борьбы с восстанием командование вооруженных сил Юга России решило использовать Каспийскую морскую флотилию и ее мощную артиллерию. О задачах, поставленных перед морской флотилией, можно судить по телеграмме ее начальника капитана 1 ранга Сергеева, от 16 сентября в главный штаб вооруженных сил Юга России. „Многие селения прибрежной полосы Дагестана содействуют мятежникам"—сообщает Сергеев. „Беря в свои руки обеспечение нашего господства в этом районе, полагаю уничтожить все селения, жители которых укрывают мятежников или выступают против наших частей"[2]. Бросив на подавление восстания Каспийскую флотилию, командование вооруженных сил Юга России обрекло прибрежные аулы на полный разгром и уничтожение их огнем морской артиллерии. 18 сентября крейсер „Африка" и канонерка „Меркурий" обстреляли артиллерийским огнем аулы Сабнова и Джалган. Аулы выкинули белые флаги. Однако подошедшие добровольческие части были вновь встречены выстрелами. Аулы вторично были обстреляны, после чего жители „изъявили" покорность. По этому поводу начальник флотилии Сергеев, пользуется еще раз случаем засвидетельствовать главному штабу вооруженных Сил Юга России, что в случае появления мятежников в аулах; лежащих в сфере действий морской артиллерии, они будут стерты с лица земли. О мощности и размахе такой бомбардировки можно судить по тому, что в подобной операции 19-го сентября, продолжавшейся с 5½ до 9 часов утра, один только крейсер „Африка" выпустил 230 снарядов[3].

19 сентября разъезды повстанцев появились в районе Дербента, накапливаясь в лощине под аулом Джалган. По сведениям белого командования повстанцев было около 2.000 человек при 6 пулеметах. Ночью повстанцы атаковали Дербент и принудили белых очистить нагорную часть города. На стороне повстанцев сражалась городская беднота, населявшая му-

[1] ЦАОР, фонд 1486, дело № 44, л. 37.
[2] ЦАОР фонд 1502, дело № 36, л. 429.
[3] ЦАОР, фонд 1502, дело № 36, л. 398

сульманскую часть Дербента. С рассветом повстанцы начали спускаться с гор по трем главным ущельям. Первое крупное столкновение произошо в районе старой крепости, затем на левом и правом фланге. К полудню 20-го сентября повстанцы, с помощью присоединившейся к ним бедноты мусульманской части города заняли часть Дербента до линии русская церковь—завод Дадашева. В период боя все время морская артиллерия вела огонь по повстанцам. 20 сентября начальник Каспийской флотилии—Сергеев телеграфировал в главный штаб вооруженных сил Юга России в Таганрог: „По просьбе генерала Руднева, мусульманская часть города будет сравнена с землей"[1]... В тот же день под его личным руководством было приступлено к выполнению... просьбы генерала Руднева. Крейсера „Африка" и „Арцыв" обстреляли район севернее Арабляра, а затем мусульманскую часть Дербента. 21-го сентября утром все суда отряда с 6 часов до тринадцати (в продолжение 7 часов) обстреливали мусульманскую часть города. Стрельба, как явствует из официального донесения штаба флотилии продолжалась „почти беспрерывно". Бомбардировкой мусульманская часть города разрушена. В результате чего, кончает донесение об этом „подвиге", Сергеев „гарнизон подбодрился"[2]. Этот „геройский подвиг" на другой же день был доведен до всеобщего сведения войск Деникина и населения, захваченных им территорий. В телеграммах главного штаба главнокомандующего вооруженных сил Юга России генерала Деникина от 23-го сентября появилось сообщение: „8-го(21) сентября нашей бомбардировкой уничтожен мусульманский квартал Дербента, что сильно подняло дух нашего гарнизона"[3].

В продолжение почти полутора месяцев повстанцы удерживают в своих руках мусульманскую часть Дербента. За это время огонь тяжелой артиллерии громил ее, не считаясь с мирными жителями. Активность восставших все возрастала. Оперативная сводка штаба Деникина от 28 сентября сообщала, что повстанцы Гунибского района наступают на Север с целью соединиться с другими округами для общего наступления. 1 октября в сводке было сообщено, что повстанцы обстреливают вокзал города Дербента артиллерийским огнем. По данным белой разведки около Дербента действовало 5—7 тысяч повстанцев. Никакими мерами деникинскому командованию не-

---

1 ЦАОР, фонд 1502, дело 36, л. 398
2 ЦАОР, фонд 1486 дело 44, л. 125.
3 ЦАОР, фонд 1502, дело 36, л. 118.

удавалось потушить пожар восстания. Большевистские настроения проникают и в войска добрармии и особенно во флотилию Каспийского моря, где матросский состав был молодым и был набран частично из безработных матросов торгового флота. Офицеры добрармии и морские офицеры, своим поведением в Петровске, леностью, пьянством, дебошами и скандалами показывают дурной пример матросам, подрывают авторитет начальников и играют на руку большевистским агентам, находящимся в среде матросов, признавалось командование[1]. На фоне кровавого пожарища Дербента, разгрома огнем морских судов прибрежных аулов, непрерывного большевизирования масс трудящихся Дагестана, пьянство озверевшего офицерства на берегу в Петровске приняло такие размеры, что для борьбы с ними принимаются срочные меры вплоть до посылки главноначальствующим и главкомом войск Северного Кавказа генералом Эрдели, особой комиссии.

К зиме 1919—1920 гг. в руках белых остались только города, удерживаемые сильными гарнизонами, прибрежная узкая полоса, удерживаемая огнем морской артиллерии. Горная часть Дагестана была в руках восставших. На территории, освобожденной от белых, повстанцы создают Ревкомы для руководства борьбой с белыми. Ревкомы организуют новые отряды, собирают оружие, патроны, организуют сбор продуктов для партизан. В одном Кюринском округе организован был отряд до 1000 человек, из которых 400 было конных.

Отряды отдельных округов собирались вместе. Координировал и руководил их действиями штаб обороны в Левашах. В ревкомы, как и в составе съездов попадалась не только трудящаяся беднота, но и люди состоятельные, духовные элементы, которые считали необходимым, как и вождь их Шейх Али-Хаджи Акушинский, во имя шариата бороться с деникинцами. Но общий тон организации и борьбы, по словам самих участников, был новый, большевистский. Созванный после изгнания белых в Кюринском округе Окружной съезд околоселения Орта-Сталь—по словам его участников—был первым съездом, „имевшим большевистский дух". Мелкобуржуазная контрреволюция, сидевшая в Тифлисе, в „Меджилисе горских народов", (парламента), хотела скорее осчастливить горцев Кавказа и в первую голову дагестанцев, своим переездом из Тифлиса в Дагестан. Ведь по мысли руководителей „меджилиса", „дагестанское движение фронтом, ставшее против доб-

[1] ЦАОР, фонд 1502, дело 36, л. 118

ровольцев, не обнаружило никаких признаков желания пойти под большевистским лозунгом, ориентироваться на Советскую Россию, ни с большевиками, ни с добровольцами—вот отличительная черта начавшегося движения"[1]. За кем идет движение? Повидимому за ними—истинными представителями горской демократии—решали они. А на самом деле, дагестанское восстание руководимо было большевиками.

Как уже было указано, по заданию Ленина и Сталина С. М. Киров из Астрахани и Серго Орджоникидзе непосредственно на Северном Кавказе руководили борьбой трудящихся горцев с деникинцами. 10 июля 1919 года в докладе Совету Народных Комиссаров, товарищ Орджоникидзе, давая высокую оценку партизанам Кавказа, выражал уверенность, что, с помощью Красной Армии они добьются победы. Он писал: „В настоящее время Северный Кавказ до границы Бакинской губернии находится формально под властью Деникина, фактически же в его руках находится узкая полоса железной дороги, а по ту и по сию сторону железной дороги—несколько волостей горцев. Горцы живут своей жизнью и никакой деникинской власти не признают. Все горцы с нетерпением ждут прихода большевиков. За время моего двухмесячного скитания в горах Северного Кавказа по Чечне и Ингушетии не раз ко мне обращались старики и молодые с вопросами:„а скоро ли придут большевики к нам?", „придут ли большевики вообще?", „не бросили ли они нас.?' и т. д. Когда я им отвечал, что большевики придут, что наши войска движутся, их радости не было границ... Когда мы отбросим Деникина к Северному Кавказу, то там его уже добьют северокавказские горцы... И сейчас партизанские отряды причиняют не мало неприятностей Деникину: то им путь разберут, то маленький гарнизон вырежут, то какую-нибудь станицу опустошат и т. д."[2]

Слова товарища Орджоникидзе оправдывались. Северокавказские партизаны и особенно партизаны Красного Дагестана летом и осенью 1919 г. сыграли огромную роль в разгроме тылов Деникина, чем облегчили для Красной Армии его разгром. И как клятва великой партии большевиков звучат слова Серго из его приписки к указанному докладу, сделанному 23 сентября 1919 года:

„Заметки эти набросаны в начале июля. По сообщению РОСТА, в настоящее время в горах Северного Кавказа свобо-

---

[1] „Вольный горец" №.9 10 ноября 1919 г. Тифлис.

[2] Г. К. Орджоникидзе—Избранные статьи и речи Госполитиздат 1939, стр. 69—70.

долюбивые горцы бьются с деникинскими бандами в надежде, что скоро им на помощь придут полки Красной Армии. Сделаем же все, чтобы осуществить надежды веками угнетенных народов Северного Кавказа впервые увидевших себя свободными только при советской власти[1а].

Указания Серго Орджоникидзе и С. М. Кирова, их помощь людьми, оружием, боеприпасами помогали дагестанским большевикам правильно осуществлять политику партии по руководству партизанским движением.

Руководителем повстанческого движения в Дагестане был Дагестанский Областной комитет большевиков, находившийся в селении Леваши, Даргинского округа, где под его руководством работал „Совет обороны". Совет обороны был организован в сентябре 1919 г. Во главе его находился т. Казбеков. Совет обороны вначале состоял не только из большевиков, но и из мелкобуржуазных и националистических элементов, которые во имя национальных и религиозных интересов боролись с владычеством белых. Таким был чрезвычайно популярный в дагестанском крестьянстве шейх Али-Хаджи Акушинский, ряд мулл, шейхов, собравшихся вокруг него. Момент был ответственный и необходимо было использовать все антиденикинские силы, чтобы сокрушить Деникина. „Дагестанский Областной комитет коммунистической партии стоит на точке зрения „соглашательства" во имя сохранения фронта. Таковы директивы из центра—писал секретарь Дагобкома в декабре месяце 1919 г, из Левашей[2]. Но это „соглашательство", направленное к скорейшему достижению основной цели—ликвидации деникинщины, не мешало большевикам руководить партийной работой, которую часто по сложившимся обстоятельствам приходилось вести подпольно. Особенно на фронте, где военное руководство находилось в руках турецких офицеров.

Большую помощь восстанию оказали рабочие-большевики из Баку, которые направлялись Бакинским комитетом партии для участия и руководства в борьбе с деникинщиной. В Кюринском округе, рассказывает один активный участник восстания, работали большевики—бакинские рабочие, которые подготовляли восстание. В Даргинском отряде, принимавшем участие в бою с белыми в Дербенте 11 сентября 1919 г. оказались убитыми 3 пулеметчика, приехавшие из Баку. В отряде Самурского округа также находились большевики—бакинские рабо-

[1] Г. К. Орджоникидзе „Избранные статьи и речи" Госполитиздат 1939 г. стр. 72.

[2] Материалы Секретариата Главной Редакции „История Гражданской войны в СССР" рукописный фонд IV тома, дело №1617 А. №17

чие, благодаря чему отряды самурцев своей революционной дисциплинированностью, выносливостью, были лучшими отрядами повстанцев. Всего было разновременно приехавших товарищей-большевиков в начальный период восстания около 500 человек. К моменту приближения Красной Армии Советской России количество приехавших доходило до 1200 человек. Большинство из них прибыли из Азербайджана.

Из приехавших в Дагестан коммунистов, принимавших участие в борьбе, в полках организуются подпольные ячейки. Организуются подпольные комитеты фронтов, которые ведут работу по усилению влияния партии в восстании. Так, по заданию Кавказского краевого комитета, из Баку, под именем бывшего царского офицера корнета Турбина прибыл на Дербентский фронт один из организаторов борьбы за власть Советов на Северном Кавказе тов. А. З. Дьяков. Он возглавил подпольную организацию большевиков на Дербентском фронте. Председатель Дербентского подпольного бюро РКП(б) тов. Турбин (Дьяков) вошел в доверие командующего Дербентским фронтом турецкого офицера Руфат-бея. Скоро Руфат-бей назначает его своим начальником штаба. Этого тов. Турбину и нужно было. Используя свое положение, начальник штаба фронта—он, по решению комитета РКП(б) дает повышение в чинах бывшим красным командирам, состоящим поручиками организованной „Советом обороны“ и руководимой турецким генералом Нури Пашей армией, боровшейся с войсками Деникина. Наиболее развитые, преданные и способные товарищи из бывших красноармейцев, отступивших в Грузию и Азербайджан из Северного Кавказа и затем переброшенных на Дербентский фронт производятся им в офицерские чины. Все это создавало в среде борющихся свой командный состав, необходимый для замены им турецких офицеров. На собраниях „красных офицеров“ принимаются резолюции о полной солидарности в своей борьбе со всеми трудящимися России под руководством коммунистов против буржуазии и помещиков. „С чувством глубокого восхищения и преклонения, собрание красных офицеров, как и трудящихся всего мира следят за тем, как один за другим разбиваются и уничтожаются душители революции. С чувством глубокой радости собрание красных офицеров, как и народы всего Кавказа следят за тем, как день за днем героическая рабоче-крестьянская армия, разбивая противника приближается к изнуренным непосильной борьбой революционным народам Кавказа и что уже недалек тот час, когда, наконец, Российский революционный фронт соединится с революционным горским и над Дагестаном высоко будет поднято знамя комму-

низма (протокол собрания красных офицеров Дербентского фронта от 26 января 1920 г.)[1]

Фронтовой комитет РКП(б) дал инструкцию красным офицерам, коммунистам организовать в находящейся под его командованием части партийную ячейку. „Каждый красный офицер (коммунист) должен знать, что конечной целью революции является освобождение всего трудящегося человечества от гнета „капитализма"—говорит инструкция. В этой инструкции Фронтовой комитет партии решил созвать фронтовую конференцию РКП(б) на 10 февраля 1920 г. На случай занятия г. Дербента партком решил образовать революционный комитет—орган советской власти, который не должен был допустить к власти ставленников Нури-Паши и К°. Фронтовая конференция ячеек РКП(б) Дербентского фронта открылась 11-го февраля в с. Куллар. Для участия в конференции приехал представитель Дагестанского Областного комитета партии, который на конференции сделал доклад о политическом положении Дагестана. Дагестанский областной комитет поставил вопрос об объединенных военных действиях народов Кавказа и укреплении связи с Баку и Тифлисом. Через штаб терских повстанческих войск Дагестан получал денежные средства и инструкции от XI армии.

Восстание росло. „Совет обороны" Дагестана в Левашах в начале февраля был реорганизован в „Центральный Совет обороны Северного Кавказа". Он являлся временной властью, впредь до очищения территории Северного Кавказа от врагов и организации постоянной власти. Как выражение еще не разорванной до конца связи с элементами, возглавляемыми Али-Хаджи Акушинским, все текущие вопросы, внешняя и внутренняя политика, Центральным Советом обороны Северного Кавказа решались „согласно духу шариата и революции". Аскеры —солдаты народной армии Совета обороны Северного Кавказа —мусульмане по религии приносили клятву на верность Совету обороны. „Я Аскер народной армии Совета обороны Северного Кавказа, клянусь перед священным кораном защищать шариат, свободу и независимость трудовых горских народов Северного Кавказа, избранный верховный орган власти в стране — Совет обороны. Я обещаюсь исполнять все приказы и распоряжения начальников, назначенных и пользующихся доверием Совета Обороны и бороться со всеми противниками и врагами народа и власти"[1]).

---

[1]. Государственный архив НКВД ДАССР, фонд 10, дело № 14, л. 5

[1]. Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданских войн в СССР". Рукописный фонд VII тома, дело № 1 штаба Терских повстанческих войск, л. 31.

К весне 1920 года восстание в Дагестане приняло характер всенародной войны против деникинщины. Под руководством большевиков Советская власть в лице ревкомов восстанавливалась по всему Дагестану. Только часть ее прибрежной полосы все еще находилась в руках деникинских войск. С севера приближался гром пушек Красной Армии, громившей войска Деникина и шедшие на помощь народам Северного Кавказа и Дагестана. Красную Армию ожидали, к встрече с ней готовились.

ГЛАВА 6.

АНТАНТА, ГРУЗИНСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ, АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ МУСАВАТИСТЫ—В БОРЬБЕ ПРОТИВ ВЛАСТИ СОВЕТОВ В ДАГЕСТАНЕ.

Английское, американское, французское и другие правительства, боровшиеся с Советской республикой в годы гражданской войны до успехов деникинщины, снисходительно относились к существованию на Северном Кавказе республики „Союза Горцев". Понимая, что республика „Союза Горцев", как и другие государственные образования, созданные на окраинах бывшей Российской империи, политически и экономически принуждены будут искать высокой поддержки у великих держав, правительство Англии спешило заранее занять и здесь традиционную для нее роль „защитницы" малых держав. Тем более, что в горном Кавказе, как и в соседнем Азербайджане, Англия была очень сильно заинтересована. Недра Азербайджана таили в себе много привлекательного для англичан, а горный Кавказ —заслон против большевиков. Осенью 1918 г., после первых успехов Деникина, когда ему в союзе с Кубанским казачьим кулачьем удалось ликвидировать Советскую власть на Кубани и он двинулся на Терек, обеспокоенное продвижением войск Деникина, правительство республики „Союза Горцев" было успокоено письменным заверением представителя Антанты английского генерала Томсона. Он заверил, что державы согласия признают за правительством республики „Союза Горцев" право осуществления функций высшей государственной власти на территории Северного Кавказа, вплоть до разрешения судеб Кавказа конгрессом мира. За ним последовало словесное заявление генерала Томсона о том, что Деникин не будет допущен в пределы республики „Союза Горцев".

Политика союзников меняется вместе с успехами русско-помещичье-буржуазной контрреволюции. Возложив надежду, что Деникин, Колчак и другие белогвардейские генералы суме-

ют расправиться с большевизмом в России и тем обезопасят от нее просвещенный Запад, союзники и в вопросе Кавказа резко меняют свою позицию, поддерживая великодержавную, империалистическую политику реставраторов Российской империи. Вслед за Кубанью—Терек, а за ним и горный Кавказ занимается добровольческой „армией" генерала Деникина.

Правительству республики „Союза Горцев" было предложено отказаться от власти и не особенно упиравшееся правительство осталось не у дел. Республика „Союза Горцев" кончила свое существование. Взамен ее—„Терско-Дагестанский Край" был разбит на национальные области, которые получили правителей из числа известных своей контрреволюционностью и поддержкой идеям реставрации горского генералитета и офицерства. Жалобы, приносимые горским правительством союзному командованию, как в лице ген. Томсона, так и других ее представителей, остались без ответа. Действия же их ясно показывают, что союзники, делая ставку на Деникина, решили ему не мешать в реализации его империалистической великодержавной политики на Северном Кавказе. На конференции по горскому вопросу, созванной по инициативе генерала Ляхова в Грозном, выступивший генерал Деникин, настаивавший на подчинении горских народов его власти, получил поддержку в лице английского генерала Бригса, призывавшего горцев помочь Деникину. В это же время (апрель 1919 г.) миссия союзников, находившаяся в Темир-Хан-Шуре при правительстве республики „Союза Горцев", во главе с полковником Ролландсоном, покинула территорию республики. Чем дальше к Северу, к Москве подвигалась белая армия, тем активнее становилась помощь, оказываемая ей Антантой. Начавшаяся под руководством коммунистов борьба с русской и местной контрреволюцией за восстановление власти советов, в Дагестане заставило представителей Антанты вмешаться, чтобы помочь деникинскому командованию расправиться с восставшей против деникинщины горской беднотой.

В октябре месяце 1919 г., когда Северный Кавказ и Дагестан пылали пожаром восстаний против деникинщины, представитель английской миссии при генерале Деникине полковник Ролландсон обратился с воззванием от имени миссии к горским народам Северного Кавказа и Дагестана.

„ Я, представитель английской миссии при генерале Деникине, полковник Ролландсон, обращаюсь к представителям Дагестана и говорю: „Правительство Англии поддерживает генерала Деникина и его цели. Цели генерала Деникина—уничтожение большевиков, возрождение Великой неделимой

России и широкое самоуправление горских народов. Вы не должны думать, что Англия вывела свои войска из Тифлиса и Баку потому, что она—против Деникина. Выгнав из Закавказья немцев и турок, Англия, исполнив свою задачу, отвела свои войска. Представитель Англии и Закавказья 4 августа объявил Грузии и Азербайджану, что в Дагестане право водворить порядок принадлежит генералу Деникину и что Грузия и Азербайджан должны помогать Деникину в его борьбе с большевизмом, иначе Англия будет смотреть на это, как на акт недоброжелательства к союзникам. Точно установлено, что есть грузины и азербайджанцы, которые поддерживают восстание, поднятое большевиками в Дагестане. Английская миссия хорошо знает, что восстание горцев не есть национальное, а большевистское и вызвано отдельными лицами, преследующими личные цели. Большевик Шерипов имеет связь с Астраханью и тамошними большевиками, против которых тысячи здравомыслящих горцев теперь воюют в рядах войск Деникина. Англия помогает Деникину снаряжением, танками, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать Деникину до исполнения его цели. Англия дала для этого своих инструкторов. Будет очень жалко, если придется обратить это оружие против горцев и их аулы будут разрушены. Англия знает, что виноваты в восстании отдельные лица, а не все. Одураченные люди до сих пор верят обещаниям большевиков, но большевики никогда не держали своего слова и не исполнили ни одного обещания. Конец большевизма близок, так как войска Деникина в 300 верстах от Москвы, расстояние как от Петровска до Баку. Нет сомнения, что Россия, очищенная огнем и кровью, станет великой и неделимой. Она тогда справедливо воздаст тем, кто помогает ее возрождению, а те, кто мешал этому, будут наказаны и наказаны немедленно. Я прошу это передать вашим народам и распространить среди всех. Полковник английской службы Ролландсон"[1].

Более яркого признания роли, которую играла Англия в деникинщине, вряд ли можно где найти. Угроза обратить английское оружие, данное Деникину для борьбы с большевиками против горских народов, была запоздалой. Еще задолго до объявления полковника Ролландсона, английскими пушками снесены были десятки горских аулов и селений, английские пулеметы расстреляли тысячи борцов за свободу горских народов.

---

[1] „Вестник Комитета по очищению Чечни" № 1, 6 октября 1919 г. г. Грозный.

Впечатление от разболтанных Ролландсоном действительных планах англичан на Кавказе было таково, что, боясь осложнения, верховный комиссар Англии в Закавказье опубликовал в газетах письмо на имя министра иностранных дел Грузии Гегечкори, в котором указывал, что мысли Ролландсона совершенно не выказывают воззрения британского правительства. Отношение меньшевистского правительства Грузии к Советской России, к ее борьбе с контрреволюцией, к борьбе горских революционеров с буржуазно-националистической давно выявились. Когда коммунисты, отступавшие под натиском „добровольческой армии" в феврале 1919 года по Военно-Грузинской дороге попали у селения Казбек в руки грузинского полковника Церетелли—начальника грузинской заставы, то частью они были расстреляны самим Церетелли, частью были выданы им для расправы с ними деникинцам. Совсем другое дело было, когда по той же Военно-Грузинской отступал в Грузию весной 1920 года под давлением красных войск деникинский ген. Эрдели. Его принимали с большим почетом, его приветствовали, для встречи его выставили почетный караул. Это явилось выражением определенных симпатий к тем и другим.

Меньшевистское правительство Грузии—непосредственная соседка горских народностей, решило использовать происходящие события по ту сторону Кавказского хребта в своих интересах. Еще в самом начале активных действий повстанцев против войск Деникина в горах Кавказа оно начало оказывать некоторую помощь им. Цель грузинских меньшевиков заключалась в создании буфера между Грузией и деникинщиной, а в случае ее поражения—с Советской Россией. Такой буфер мог быть, только в виде самостоятельного буржуазно-националистического государства типа республики „Союза Горцев". Свои надежды она возлагала на движение Узун-Гаджи, увлекшего в религиозно-националистическом угаре большие массы горцев трудящихся, возглавлявший некоторое время это движение. После первых крупных боев в конце лета 1919 г. в помощь Узун-Гаджи из Тифлиса прибывает грузинский штаб и отряд во главе с генералом Кереселидзе. Он привез некоторые средства и вооружение. Но непосредственное руководство борьбой против „добровольческой армии" вооруженной силой Узун-Гаджи грузинских генералов продолжалось недолго. Горская беднота гораздо охотнее шла за красными партизанами, авторитет которых рос, а затем и совсем ушла от Узун-Гаджи. Выступать против большевистского отряда по условиям совместных дейст-

вий против Деникина грузинский штаб не мог. Предпринятое под руководством грузинского штаба наступление узун-гаджинцев кончилось разгромом и позорным бегством их и грузин в бою под Чечен-аул. Грузины быстро ушли обратно в Грузию. Неудача вооруженного вмешательства в дела горцев заставила грузинское меньшевистское правительство Ноя Жордания переменить тактику. В Тифлисе оно помогает Ахмету Цаликову и „меджилису" горских народов. Чем больше росло влияние большевиков среди горцев, тем больше беспокоилось грузинское правительство. Красный призрак бродил у самой границы и грозил перекинуться и к ним. „Анархия" у соседей —угроза демократическому спокойствию Грузии.

2 октября 1919 г. министр иностранных дел грузинской республики Гегечкори обратился с нотой на имя представителя Антанты в Закавказье. В ноте он обращает его внимание на то, что „в Дагестане и Северном Кавказе—на территории бывшей республики „Союза Горцев" разыгрываются кровавые события, чреватые весьма серьезными последствиями". Восстание горцев против деникинщины, ожесточенная борьба горских народов вызывает анархию в горах, которая явится пагубной не только для местного населения, но и для соседних республик, в частности для Грузии, куда несомненно может перекинуться. Правительство Грузии с тревогой следит за этими событиями и не может остаться к ним безучастным, так как разрастающаяся по соседству анархия явится серьезной угрозой государственному спокойствию Грузинской республики"[1]—писал меньшевистский министр. Все это заставляет грузинское правительство просить вмешательства Антанты, чтобы положить конец растущей анархии, определив волю народов, на основе самоопределения. Конечно, эта нота точно так же, как и посланная еще около полугода назад (6 марта 1919 г.) нота министра иностранных дел другой соседки горцев—Азербайджана на имя генерала Томсона с аналогичным содержанием, ничего не изменила в позиции Антанты к восставшим против деникинщины горским народностям. Мусаватисты Азербайджана точно так же, как и меньшевики Грузии, считали необходимым создать из соседнего Дагестана завесу от большевизма. Для достижения этой цели она попыталась овладеть изнутри движением трудящихся Дагестана против деникинщины. В качестве своих аген-

1 „Красный воин"—орган политотдела XI Армии № 246, от 27 октября 1919 г.

тов мусаватисты Азербайджана переправили в Дагестан группу турецких офицеров. Еще в начале восстания в Дагестане появился командированный „меджилисом" горских народов турецкий офицер Кязим-бей, который стал главнокомандующим антиденикинского фронта в Дагестане. Опираясь на авторитет шейха Али-Гаджи Акушинского, он не считался с большевистской частью Совета обороны, мешая большевикам овладеть повстанческим движением в Дагестане. Несколько позже в Дагестане появился турецкий генерал Нури-Паша—брат известного младотурецкого генерала-пантюркиста Энвер-Паши, бывшего военного министра султанской Турции (изгнанный из Турции после ее разгрома, как германофил. Энвер-Паша пытался осуществить идеи пантюркизма, помогая и руководя контрреволюционными басмаческими шайками в Средней Азии, где он и был убит в 1922 г. в одном из боев красноармейской части с басмачами, которыми он командовал). На словах он проявлял сочувствие большевикам, боровшимся с Деникиным и Антантой. Было решено использовать военный опыт Нури-Паши для руководства военными действиями против войск Деникина. Нури-Паша был назначен Советом обороны главнокомандующим фронтом Северного Кавказа, а Кязим-бей, стал командующим Темир-Хан-Шуринским фронтом. Скоро выяснился действительный характер борьбы Нури-Паши, как и Кязим-бея. Оба действовали не в интересах установления Советской власти в Дагестане, а против советизации Дагестана. Выполняя задания контрреволюционного мусаватистского правительства Азербайджана, они боролись против большевистской части Совета обороны и против образования в Дагестане Советской власти. В письме своем 24 декабря 1919 г. из сел. Леваши один из членов Совета обороны писал в штаб терских повстанческих войск: „Нури тоже ведет свою политику и, вероятно, обопрется на контрреволюцию и я побаиваюсь, что у нас будет то же, что и с Вашим эмирством и развалом фронта".[1] Предположения оправдались. Скоро начались открытые конфликты между Нури и большевиками Совета обороны. В феврале месяце 1920 г. Нури-Паша силой заставил оставить свой пост в Меджалисе уполномоченного Совета обороны по Кайтага-Табасаранскому округу. Этот инцидент вызвал резкое столкновение между Нури-Пашей и политкомиссаром армии коммунистом Сафар Дуда-

1. Материалы Секретариата Главной Редакции „История Гражданской войны в СССР" Рукописный фонд VII том, дело 1 штаба терских повстанческих войск л 35

ровым, который в письме к Нури от 18 февраля 1920 г. писал, что, Нури должен помнить, что он „имеет в данном случае дело не с партией, а с официальной властью Северного Кавказа и Дагестана, каковым является „Совет обороны".[1]

20 февраля 1920 г. в письме в штаб Терских повстанческих войск из Дагестана пишут: „У нас скандал с турками. Нури-Паша и его банда спелись через Азербайджан с англичанами с одной стороны и с Узун-Гаджи с другой стороны... У нас главная опасность с юга со стороны Азербайджана—Англии и местной контрреволюции, на которую обопрется Антанта... С Нури-Пашой у нас имеется фронт под Маджалисом" [2] Нури-Паша и Кязим-бей всячески стремились убрать с дороги тех, кто помогал разоблачению их действительных намерений, не останавливаясь перед прямым убийством из-за угла. Так, по приказанию турецких генералов был убит посланный Кавказским краевым комитетом из Баку в помощь повстанцам Кюринского и Даргинского округов военный специалист, Казим Рамазанов. Он раскрыл перед повстанцами действительные цели турок. Турецкие офицеры организовали убийство большевиков, руководителей борьбы против интервентов и белогвардейцев. Было перехвачено письмо Кязим-бея на имя одного из своих агентов, находившегося среди повстанцев. Он писал: „У нас кроме врагов деникинцев есть еще главные враги—большевики, и потому предлагаю убить Казбекова". Кязим-бей угрожал каждого замеченного в участии коммунистической организации повесить. Вполне понятно, что работа партии в воинских частях, формируемых турецкими офицерами, велась подпольно. Как характерный факт необходимо отметить, что в формируемых под начальством турецких офицеров частях, вводились чины. Часто прибывшие из Грузии и Азербайджана, посланные комитетами партии бывшие красные командиры превращались в „прапорщиков", „поручиков" и т. д. „Поручики" направляли свои усилия на уменьшение влияния турок и грузин, на усиление авторитета большевиков. С целью поражения и уничтожения живых сил большевистски настроенных отрядов, турки часто оставляли фронт, не сообщая своим соседям—большевистски настроенным отрядам повстанцев, благодаря этому случалось, что эти отряды оказывались окруженными со всех сторон белыми и терпели поражение. Вместе с шейхом

---

1 Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР" Рукописный фонд VII гом, дело 1 штаба терских повстанческих войск л. 38.

2. Там же л. 42.

Али-Гаджи Акушинским они делали все возможное, чтобы смазать революционный характер борьбы дагестанской бедноты против белых. По их инициативе и давлению в Кюринском округе в декабре месяце 1919 г. был созван новый окружной съезд, избравший исполнительный комитет, взамен существовавшего ревкома. В составе этого исполнительного комитета вместо большевиков и большевистски настроенных членов ревкома попали: духовенство, богачи, меньшевики. Из 11 человек его членов только один был большевик и один сочувствующий большевикам.[1] Это была одна из многочисленных попыток Али-Гаджи и его турецко-мусаватистских помощников вырвать власть из рук революционно-большевистски настроенных элементов и передать ее в руки клерикально кулацкого блока и их приспешников, меньшевиков, буржуазных националистов, которые также находились под влиянием и руководством турецких пантюркистов. Впоследствии этот исполком повел борьбу против представителей „Совета обороны" Дагестана, приехавших вновь организовать ревком.

Особенную ненависть клерикально-кулацкий блок и его руководители—турецкие и азербайджанские пантюркисты питали к организующимся и растущим под руководством Дагестанского обкома партии, местным ячейкам РКП(б). Для борьбы с ними они стали на путь террора, стремясь уничтожить местных их руководителей. Пытались они также сыграть на национальной розни, которую раздували они во всю между русскими и местными дагестанскими участниками движения. Один из руководителей повстанческого движения—дагестанец, приводит в своих воспоминаниях такой интересный факт: „Однажды русские, находившиеся на фронте, сообщили нам, что они голодают целыми неделями, питаясь только селедкой. Услышав эту странную весть, мы срочно командировали тов. Казбекова и оказалось, что турки не передавали отправляемые нами на фронт продукты, а зарывали их в землю"[2]. И действительно, другой участник борьбы в Дагестане, русский по национальности, рассказывает, что полки Дербентского фронта, которыми командовал благодаря сильнейшему влиянию на Дербентском фронте подпольного комитета РКП(б) бывший красный командир, а не турецкий офицер, были главным военным командованием, т. е. турками, поставлены в тяжелейшие условия. Не присылали никаких денежных средств, обуви не было. „О,бувью служили для нас сети, которыми мы обматывали ноги" хлеба

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История гражданской войны в СССР". Рукописный фонд VII тома, дело № 1693 л. 19.
[2] Там же.

отпускали только по 1/4 фунта на человека. Не потому, что продуктов было мало и средств не было. Это было еще одним звеном в общей политике антибольшевистского блока, рассчитанного на то, что отряды из русских по национальности пролетариев Баку и бывших красноармейцев, видя, что „дагестанцы" о них не заботятся, вступят в конфликт с ними, бросят фронт, а может даже этим удастся спровоцировать вооруженное столкновение русских и дагестанцев. Тогда „спасителями" Дагестана остались бы только турецко-азербайджанские офицеры и религиозно-националистический вождь—Али-Гаджи Акушинский. Но и эта провокация не удалась. Русские, находившиеся в повстанческих отрядах, борясь бок о бок с дагестанской беднотой, прекрасно понимали откуда исходит политика их выживания. Авторитет партийных организаций и большевиков, работавших под руководством Дагестанского Обкома большевиков рос. Рост влияния большевиков вызывал сильнейшее беспокойство Али-Гаджи, которое толкнуло его заключить союз с белыми, лишь бы не дать большевикам, еще больше укрепиться в Дагестане. Эта же причина и толкнула турецких авантюристов предпочесть блок с ними же, чем окончательную потерю своих позиций и надежд в Дагестане. Всей этой внутренней борьбой против большевиков, руководителей борьбы народов Дагестана против деникинцев, руководило мусаватистское правительство Азербайджана.От него турецкие офицеры во главе с Нури-Пашей, получили инструкции и материальные средства. В конце февраля 1920 г. Кязим-бей прислал Совету Обороны в селение Леваши письмо, в котором он потребовал немедленно выбросить красные значки, нашитые на рукава войск, выбросить красные знамена. Если это не будет выполнено, заканчивает он письмо, то „нет сомнения, что кровь прольется". Совет обороны решил вызвать его в Леваши: Угроза расправы турецких офицеров с большевиками была реальна. Были перехвачены письма Кязим-бея, в которых он договаривался с поддерживавшим его кулачеством о расправе с большевиками. По его плану предполагалось арестовать и повесить в Левашах всех большевиков, и наиболее активных, большевистски настроенных руководителей повстанческого движения. Дагестанский комитет партии, опасаясь расправы, пытался вызвать в Леваши партизанский отряд, он находился на фронте и прибыть во время не мог. Кязим-бей начал выполнять свою угрозу. Отрядом преданных ему лиц, в начале марта 1920 г. в Левашах он арестовал большевистскую часть руководителей антиденикинского движения: Казбекова, Дударова и др. Из Левашей их погнали в селение Урму, где находился штаб Кя-

зим-бея. По дороге в Урму, тов. Султан-Саид Казбеков—большевик, председатель „Совета обороны" был зверски убит. Расправа с остальными помешала возмущение повстанцев. Отряды партизан, оказавшиеся под Урмой, потребовали немедленного освобождения арестованных. Под их давлением они были освобождены. Ликвидация центра восстания, и ее руководящую верхушку в лице дагестанских большевиков, Кязим-бей производил по приказу Нури-Паши. Неудача этой попытки не остановила турок. По распоряжению Кязим-бея турецкие офицеры открыли фронт. Они сняли с фронта всю артиллерию, пулеметы. Сам с отрядом—Кязим-бей ушел с фронта, открыв белым возможность его прорыва. Окруженный посланными в погоню за ним повстанческими частями, ему удалось прорваться и удрать из Дагестана в Азербайджан. „Совет обороны" лишил Нури-Пашу звания главнокомандующего и предложил ему немедленно оставить Дагестан. Нури-Паша также уехал в Азербайджан, где с помощью мусаватистов, они вновь начали собирать силы для борьбы с дагестанским народом, громившим деникинцев. Разоблачение этих двух агентов пантюркистов, нанесших много вреда советскому-повстанческому движению трудящихся Дагестана с деникинщиной, изгнание их из Дагестана укрепило силы красных партизан.

ГЛАВ.

РАЗГРОМ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ

Подъем партизанского движения в Дагестане осенью 1919 года и в начале 1920 года и усиление борьбы против Деникинщины был неразрывно связан с успехами южного фронта, громившим под руководством т. Сталина армию Деникина.

Сталинский план разгрома Деникина претворялся в действие и нес освобождение миллионам советских людей, попавших вновь под гнет помещиков и капиталистов, в том числе и трудящимся Дагестана.

Когда летом 1919 года по приказу правительств Антанты начался поход генерала Деникина на Москву, генерала Юденича на Петроград, Польши, на Советскую Белоруссию, грозная опасность нависла над Советской страной.

„Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции,—писал Ленин от имени ЦК партии всем партийным организациям в своем письме „Все на борьбу с Деникиным".—Защит-

ники эксплоататоров, помещиков и капиталистов, русские и иностранные (в первую голову английские и французские) делают отчаянную попытку восстановить власть грабителей народного труда, помещиков и эксплоататоров в России, чтобы укрепить падающую их власть во всем мире...

... Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть направлены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его..."[1]

Советская республика должна быть единым военным лагерем не на словах, а на деле—указывал далее Ленин. В ответ на зов вождя на борьбу с Деникиным поднялся весь советский народ. Тысячи коммунистов и комсомольцев пошли на Южный фронт. Усиливалось партизанское движение в тылу у Деникина. Большевистская партия посылала на подпольную работу в деникинский тыл и в партизанские отряды лучших своих сынов.

Осенью 1919 года положение Советской республики было очень тяжелым.

Деникин развивал свое наступление. Правительство Антанты, особенно английское правительство, усиленно снабжали Деникина вооружением, боеприпасами и обмундированием. Деникину были переданы сотни самолетов, танков. Тысячи английских офицеров, десятки генералов находились в деникинских частях в качестве инструкторов, руководителей. Английская миссия при штабе генерала Деникина осуществляла верховное руководство военными операциями против Красной Армии.

В августе 1919 года, Деникин бросил конный корпус генерала Мамонтова в рейд по тылам Красной Армии. Несколько недель Мамонтов гулял в глубоком тылу, захватывая города и зверски расправляясь с трудящимися. Деникинская армия заняла Воронеж, Курск, а 13 октября—Орел.

Деникин подходил к Туле—арсеналу революции. До Москвы оставалось двести с небольшим километров. Нужно было принять решительные меры. Главное командование во главе с Троцким преступно не справлялось с задачей борьбы с Деникиным. Победа революции решалась на южном фронте, и ЦК посылает на южный фронт товарища Сталина, поручив ему организацию разгрома Деникина.

Сталин поставил перед ЦК три главных условия,—писал т. Ворошилов:

---

[1]) Ленин. Все на борьбу с Деникиным, стр. 5. Партиздат, 1933 г.

1) Троцкий не должен вмешиваться в дела южного фронта и не должен переходить за его разграничительные линии, 2) с южного фронта должен быть немедленно отозван целый ряд работников, которых товарищ Сталин считал непригодными восстановить положение в войсках и 3) на южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору Сталина, которые эту задачу могли выполнить...[1])

ЦК принял условия товарища Сталина. Сталин отправился на южный фронт. Он категорически отверг разработанный главным командованием во главе с Троцким план разгрома Деникина, предусматривавший наступление на Новороссийск, через Донские степи. Этот план грозил полным крахом, так как Красной Армии пришлось бы совершать поход в среде вражеской нам и в условиях абсолютного бездорожья. Этот поход через казачьи районы сплотил бы казаков вокруг Деникина и усилил бы его.

Товарищ Сталин предложил заменить отмененный практикой старый план, новым планом основного удара через Харьков—Донецкий бассейн, на Ростов:

„Во первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот,—симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение, во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, — линию Воронеж — Ростов, в третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл, в четвертых, мы получим возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет, в пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля. С принятием этого плана нельзя медлить..."[2]

Сталинский план был принят. Началась подготовка к его осуществлению, которым непосредственно руководил товарищ Сталин. На южный фронт был переброшен и Орджоникидзе. После своего отступления в горы Северного Кавказа, Орджоникидзе через Хевсуретию перебрался в Тифлис, где хозяйни-

---

[1]) Ворошилов. Сталин и Красная Армия, стр. 48. Воениздат, 1937 г.
[2]) Ворошилов. Сталин и Красная Армия, стр. 51-52 Воениздат, 1937 г.

чали грузинские меньшевики. Из Тифлиса он нелегально поехал в Баку. Здесь Орджоникидзе провел совещание о работе партии в подполье, о помощи красным партизанам Северного Кавказа и Дагестана, о подготовке к вооруженному свержению господства интервентов и их слуг—грузинских меньшевиков, азербайджанских мусаватистов и армянских дашнаков в Закавказье. Из Баку на утлой рыбачьей лодке, снаряженной бакинскими большевиками для связи с Кировым, Орджоникидзе после тяжелого плавания прибыл в Астрахань. Через некоторое время он был назначен членом Реввоенсовета XIV армии западного фронта.

На южном фронте товарищ Орджоникидзе в качестве члена Реввоенсовета XIV армии непосредственно руководил начавшимся наступлением частей Красной Армии, приступившими к выполнению сталинского плана разгрома Деникина.

После упорных боев Красная Армия, освободив Орел, разгромила офицерские дивизии „Добровольческой армии" Деникина в районе Орел-Кромы. Конный корпус т. Буденного, разбил белых под Воронежом и Костромой. Деникинские войска побежали. Были освобождены Курск, Харьков. Шло освобождение Украины, Донбасса. 3-го января 1920 г. был освобожден Царицын, а 8 января 1-я конная армия освободила Ростов на Дону. Остатки деникинских войск бежали на Кубань и Северный Кавказ.

Красная Армия блестяще выполнив сталинский план разгрома Деникина, находилась на подступах к Кавказу. Создается новый фронт—Кавказский. Членом Реввоенсовета кавказского фронта был назначен товарищ Орджоникидзе.

4-го февраля 1920 года по постановлению Центрального комитета партии создается центр по восстановлению советской власти на Северном Кавказе. Председателем его назначается Орджоникидзе, его заместителем—Киров.

Между тем Красная Армия громила бежавшие за Дон деникинские войска. Все ближе подходила Красная Армия к горам Кавказа.

К весне 1920 года партизанские силы Дагестана, всю зиму сдерживавшие деникинцев под Дербентом и на высотах Кызыл-ярского перевала—у входа в горный Дагестан, очистившись от турецких проходимцев и буржуазно-националистического офицерства, окрепли и закалились. Успехи Красной Армии на Южном фронте—наступление руководимой Орджоникидзе и Кировым 11-й армии на Северном Кавказе—требовали от партизан более активного действия. Перед ними стояла задача—

ударить по тылам и флангам отступающей добровольческой армии, очистить от врагов Дагестан, выйти навстречу частям Красной армии.

В начале марта 1920 года перешел в наступление Дербентский фронт. Против него стояло более двух тысяч деникинцев. Семь месяцев партизаны фронта держали в блокаде Дербентский гарнизон врага, измотали его, укрепили в боях свои силы. За это время Бакинский комитет РКП(б) и Дагобком оказывали большую помощь фронту, посылая партизанам оружие, боеприпасы, партийных работников и красных командиров. Они провели большую организационную и политическую работу по оформлению партийных организаций фронта, по укреплению морального состояния партизанских отрядов и по выявлению предательских элементов в них. Партийная организация фронта помогла разоблачить предательство турецкого ставленника Нури-Паши и его офицеров. Это в значительной мере облегчило подготовку и проведение наступательных операций.

Радостные вести с Кавказского фронта—взятие 11-й армией группы Минеральных Вод и успешное продвижение ее к Дагестану, воодушевили бойцов фронта. Они горели желанием, как можно быстрее расчистить путь для армии освободительницы.

Приехавший из Дагобкома представитель привез письмо партийных руководителей Дагестана к бойцам фронта, в котором ставилась задача активными наступательными операциями на Дербент оттянуть силы неприятеля с Петровского фронта и этим самым облегчить партизанам и Красной Армии освобождение последнего.

Вновь сформированный, вышедшими после разоблачения Нури-Паши из подполья большевиками штаб фронта, на состоявшемся 24-го марта, в селении Джалган, совещании вынес решение начать в 4 часа утра 25 марта наступление на Дербент и разработал подробный план всей операции. Горцы Южного Дагестана—Самурского, Кюринского и Кайтаго-Табасаранского округов, лезгинские партизанские отряды героически сдерживали напор врага в течение многих месяцев и в этих последних боях оказались достойными сынами своей воинственной страны.

Штурм Дербента был настолько неожиданным для врага, так дерзок и стремителен, что деникинские части, несмотря на упорное, отчаянное сопротивление, не смогли продержаться и нескольких часов, не смогли ни вывезти, ни уничтожить богатые запасы военных материалов.

Ворвавшись в город с юга и северо-востока партизаны квартал за кварталом очищали от врага и к концу дня окружили гарнизон в гостинице, штабе деникинских войск. После нескольких залпов по штабу из окна его был выброшен белый флаг. Враг капитулировал. Город Дербент был освобожден от деникинцев. Путь для Красной Армии в Южный Дагестан и Баку был открыт.

В Петровске, под командованием деникинского генерала Драценко, находилось значительное количество сухопутных и морских сил деникинской армии, отступивших сюда с Кубани, из-под Астрахани и даже из-за Каспия. Кроме того город был переполнен беженцами. Наступление Красной Армии и боевые действия партизан Петровского и Дербентского фронтов, создавали для всей этой массы беглецов удручающую обстановку. Ложные тревоги следовали одна за другой. Всевозможные слухи о партизанах накаляли атмосферу.

Штаб Темир-Хан-Шуринского, или как потом его стали называть Петровского фронта, находился в селении Кадар. Сюда же переехали из Левашей и большинство членов Совета Обороны. Успешные операции партизан на Кызыл-ярском перевале, действия наступления Красной Армии на Кавказе дезорганизовали деникинские части. Появилось много дезертиров. На сторону партизан стали переходить даже целые части (Апшеронский полк и другие).

Все это позволило командованию фронта начать подготовительную работу к переходу в наступление на Темир-Хан-Шуру и далее на Петровск. В конце марта разведка донесла, что деникинцы спешно покидают Темир-Хан-Шуру. По фронту отдается приказ перейти в наступление и... столица Дагестана город Темир-Хан-Шура была занята партизанами без боя. Остатки деникинцев спешно уходили в сторону Петровска. Но и здесь враг не сумел удержаться. В тылу его был освобожден город Дербент, к северу подходили части Красной Армии. Деникинцы ожесточенно сопротивлялись. Они пытались взорвать порт, железнодорожную станцию. Но, разгромленные частями Красной Армии и партизанами Дагестана, они бросились бежать. Бросая награбленное добро. деникинские офицеры спешно погружались на пароходы и уходили на юг. 30 марта 1920 года, руководимые Кировым и Орджоникидзе части 11-й армии, совместно со спустившимися с гор партизанскими отрядами, освободили город Петровск и этим самым закончили освобождение всего Дагестана от деникинцев. Орджоникидзе и Киров находившиеся в это время в освобожденном Красной Армией Грозном, сообщали в Москву;

„Из Дагестана только что говорили с Петровском, с нашими товарищами, которые сообщили, что еще 25 был занят Дербент красными дагестанскими частями.

Во всей Дагестанской области нет добровольческих частей. Только в горах Нури-Паша на азербайджанские деньги мутит горское население за независимость Дагестана. Думаю, что это чепуха.

Страшный недостаток в продовольствии. Имеется только в запасе на два дня. Необходимо как можно поскорее двинуть продовольствие.

Дагестанские Красные части страшно оборваны. Необходимо их одеть. Они требуют на пять тысяч—придется дать, эти части нам очень пригодятся.

Сегодня выезжаю во Владикавказ, оттуда обратно поеду в Петровск, Темир-Хан-Шуру, Грозный.

ОРДЖОНИКИДЗЕ".[1]

После нескольких лет гражданской войны трудящиеся Дагестана впервые могли вздохнуть свободно и оглянуться во что превратили их страну интервенты и белогвардейцы. Около 45 разрушенных аулов, более 60.000 семей, существовавших ранее отходным промыслом, без крова и хлеба, тысячи голодных и раздетых горцев. Таковы итоги этих тяжелых лет. Советской власти предстояло проделать огромную созидательную работу, чтобы залечить раны, нанесенные войной, чтобы удовлетворить насущные нужды и требования горцев, товарищ Орджоникидзе и Киров от имени Красной Армии специальным приказом приветствовали трудящихся Дагестана и поздравили с освобождением от гнета Деникинщины.

„От имени победоносной Красной Армии мы приветствуем вас, горные сыны славного Дагестана. Тяжелые цепи, которыми вас сковали враги трудового народа, разбиты навсегда и Советская Россия никогда не забудет той героической борьбы, которую вы в течение долгих месяцев вынесли на своих изможденных плечах.

Советская Россия всегда помнила, что в ее тяжелой борьбе с угнетателями трудящихся масс она имеет верных и твердых союзников гордого Дагестана и всего Северного Кавказа. И вот теперь мы сжимаем друг другу руку и празднуем нашу общую победу. Наши враги уничтожены, остатки их еще прячутся кое-где в глубоких ущельях и далеких аулах, но и там мы

---

[1]) Газета „Дагестанская Правда" № 250 от 28 октября 1936 г. г. Махачкала.

совместно с вами скоро найдем их. Теперь, чтобы закрепить нашу торжественную победу, нам нужно создать твердую революционную власть, как на Северном Кавказе, так и в Дагестане. Лучшие люди из вашей среды, честные борцы за дело трудового народа должны стать во главе этой власти.

Задача советской власти, прежде всего, помочь населению Дагестана, пострадавшему от деникинцев, восстановить свои родные жилища. Враги советской власти не перестают распространять о ней гнусную ложь, будто бы советская власть уничтожает религию (шариат и т. д.) Помните, дагестанцы, что советская власть и ее Красная Армия идут только за тем, чтобы освободить угнетенные народности от порабощения кем бы то ни было.

Советская власть предоставит вашим народам полную возможность самоопределяться.

Поздравляем вас, гордые сыны Дагестана, с очищением вашего края от деникинцев. Мы заявляем, что все ваше оружие должно остаться при вас, дабы мы могли окончательно сокрушить всех наших врагов, врагов трудового народа.

Свободна отныне советская Россия от всех врагов. Уничтожены враги советской власти на Северном Кавказе и в Дагестане.

Да здравствует победоносная Красная Армия!

Да здравствует свободный Дагестан и его самоотверженные борцы за дело революции.

Да здравствует Советская Россия, освобождающая угнетенные народы.

Член Револ. Воен. Совета Фронта и
Пред. Сев.-Кав. Ревкома
С. Орджоникидзе.

Член Рев. Воен. Сов. XI Армии и
член Сев.-Кав. Ревкома
С. Киров.[1]

7 апреля Совет обороны переехал в столицу Дагестана Темир-Хан-Шуру, где через несколько дней, 11 апреля было принято решение переименовать его в Дагревком. Одним из руководителей Дагревкома был избран один из испытанных революционеров Дагестана, соратник Буйнакского и Дахадаева, Сафар Дударов.

Свою деятельность Дагревком начал с выявления наиболее пострадавших от деникинцев аулов и обществ и оказания им

[1]) Газета „Правда" № 172 от 24 июня 1935 г. г. Москва.

первой помощи. На запрос Дагревкома руководство 11-й Красной Армии т. т. Киров и Орджоникидзе, по согласованию с Лениным и Сталиным, отпустили несколько миллионов рублей денег и один миллион аршин мануфактуры. Из этих средств уже 20 апреля Дагревком выделил 1 миллион Хаджал-Махинскому обществу и несколько сот аршин мануфактуры революционному аулу Дагестана—Кадар.

По решению Центрального комитета большевистской партии был создан Кавказский Краевой комитет партии большевиков в составе Кирова и Орджоникидзе.[1]) Создание Кавказского Краевого комитета большевистской партии имело большое значение для усиления партийной работы среди горцев. Для развертывания советской работы в горах не хватало умелых и знающих людей. Этой целью Дагревком запросил у Военного совета разрешения вернуть из состава 11-й армии красноармейцев-дагестанцев. Распоряжением тов. Кирова 150 человек было демобилизовано и направлено на работу в горы.

В первых числах мая по инициативе Дагревкома, по всей стране, были проведены субботники для оказания помощи наиболее пострадавшим бедняцким хозяйствам, и по благоустройству городов и селений Дагестана.

С победой Советской власти развернулась под руководством Дагестанского обкома РКП(б) и партийная работа. Нужно было учесть и соответствующе оформить все партийные организации, что и было сделано к концу 1920 года. К этому времени Дагестанская организация РКП(б), насчитывала в своем составе 2.261 человека—692 члена партии и 1569 кандидатов, объединенных в 142 ячейках.

Первыми шагами советской власти и партийных организаций Дагестана руководил тов. Орджоникидзе. Он неоднократно приезжал в Дагестан, собирал руководящих работников, выезжал в аулы, изучая нужды трудящихся горцев. Основные требования, которые предъявлял тов. Орджоникидзе местным работникам заключались в следующем:

1. Как можно быстрее сформировать органы Советской власти из людей, пользующихся доверием масс.

2. Как можно быстрее восстановить хозяйство горцев и промышленные предприятия в горах.

Осуществляя эти указания тов. Орджоникидзе, Дагестанская партийная организация и Дагревком, в течение лета, осени

---

[1]) Центральный Государственный Архив Дагестанской АССР, Фонд № 10, дело № 247. л. 1

1920 года провели огромную работу по восстановлению народного хозяйства страны и сплочению их масс вокруг советских органов. По решению Дагревкома от 28 августа значительное количество партийных и советских работников городов было направлено в горы для разъяснения решений Советской власти, для подготовки к выборам в Совет. Были проведены с этой же целью „месяц горской бедноты", партийная неделя и ряд съездов: съезд Ревкома, съезд молодежи и т. д.

8—15 июня 1920 года в Темир-Хан-Шуре проходил съезд Ревкомов Дагестана, продемонстрировавший преданность горских масс Советской власти. Почетным председателем был избран товарищ Орджоникидзе. Съезд обсудил все наиболее волнующие трудящихся горцев вопросы: о национализации земли, о восстановлении разрушенных аулов, об отношении к религии и. т д. В заключение съезд послал приветствие вождям революции Ленину и Сталину и их боевым соратникам Кирову и Орджоникидзе. В приветствии тов. Сталину съезд писал:

„Сталину по месту его нахождения.

Первый свободный съезд городских, окружных и участковых ревкомов красного советского Дагестана приветствует в Вашем лице вождя по освобождению порабощенных масс Востока от хищных лап капиталистического империализма. Вооруженная горская беднота Дагестана клянется стоять в авангарде этого освободительного движения и не выпускать винтовки до тех пор, пока народы Востока не сольются в единую всемирную пролетарскую семью ..[1]

Теплое приветствие от имени горцев было послано товарищу Орджоникидзе: „Первый свободный съезд горских окружных и участковых Ревкомов советского Дагестана приветствует в Вашем лице энергичного деятеля по восстановлению на Северном Кавказе Советской власти, внимательного защитника интересов обездоленной горской бедноты. Съезд пользуется случаем, чтобы указать на тяжелое экономическое состояние Дагестана и выражает уверенность, что Вы, как всегда, поможете бедноте Дагестана выйти из экономического кризиса. Вы же съездом избраны почетным председателем, что и просим принять"[2].

Орджоникидзе, в своем ответе дал высокую оценку роли дагестанцев в борьбе с врагами революции. Он писал:

---

[1]) Газета „Советский Дагестан" от 16 июня 1920 г. гор. Темир-Хан-Шура.
[2]) Газета „Советский Дагестан" от 16 июня 1920 г. гор. Темир-Хан-Шура.

„Прошу передать съезду Ревкомов Красного Дагестана мое братское спасибо и мои лучшие пожелания. Передайте представителям трудящихся Дагестана, что Советская власть, сокрушая силой своей непобедимой Красной Армии врагов рабочих и крестьян и, стремясь на Восток на помощь борющимся массам против угнетателей—англичан, гордится славными горцами Северного Кавказа и особенно дагестанцами, с беззаветной храбростью сражавшихся против Деникина. Будьте уверены, что все возможное для облегчения политических нужд Дагестана будет сделано нами.

Орджоникидзе."[1]

Все эти прошедшие съезды и осуществление мероприятий советской власти в горах подтвердили надежды тов. Орджоникидзе и его слова, сказанные в 1920 году, о том, что „можно сказать без всякого преувеличения, что нигде Советская власть так не популярна, как среди угнетенного горского населения Северного Кавказа".[2]

Преданность горских масс Советской власти, ярко продемонстрированная в годы борьбы, нашла свое подтверждение в преодолении трудностей первых месяцев советского строительства в Дагестане. Но, если в открытом бою силой оружия враги трудящихся горцев, интервенты и буржуазные националисты были разбиты, то это не означало, что они сложили оружие. Притаившись из-за угла, буржуазные националисты вели подлую подрывную деятельность, дезорганизуя работу органов Советской власти, дискредитируя ее мероприятия. Больше того. Их агенты, деятели бывшей, так называемой „социалистической группы" Коркмасов, Тахо-Годи и др., пробравшись на ряд руководящих постов, своей политикой также делали все, чтобы подорвать веру горцев в свою народную Советскую власть. Формально ликвидировав „социалистическую группу" и вошедши в большевистскую партию, на деле они продолжали стоять на платформе буржуазного национализма. В большевистской организации Дагестана они стали агентами тех антисоветских сил, которые с 1917 года под руководством интервентов боролись против установления Советской власти в Дагестане. В условиях недостатка квалифицированных работников и вообще преданных, знающих свое дело людей, все это приводило к тому, что в отдельных, особенно высокогорных рай-

[1] Газ. Советский Дагестан, 28 июля 1920 г. гор. Темир-Хан-Шура.
[2] Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи. Москва, 1939 г., стр. 70.

онах Дагестана, враги советской власти смогли развернуть свою подлую деятельность.

Проведенная по инициативе Дагестанского обкома РКП(б) в сентябре 1920 г. проверка партийной работы в ряде округов Дагестана показала, что там, где у руководства находились враждебные Советскому строю люди, партийная работа не велась. В докладной записке представитель Дагобкома из Гуниба писал:

„Из-за отсутствия секретаря, делопроизводство и вообще вся работа, запущена. Партийная работа среди населения Гуниба и округа из-за отсутствия организаторов, владеющих местными наречиями, не производилась, а посему комячейка Гуниба и окружная ячейка распались...

... Продовольственная политика отсутствует, мануфактура еще не роздана, среди населения недовольство. Земля, принадлежащая частным владельцам, на учет не взята и хотя бывшие казенные участки земли перешли в собственность республики, на население земли не хватает".[1]

Сигналы о подобном положении в ряде районов Дагестана достигли до Серго Орджоникидзе. Он выезжает из Баку в Дагестан с тем, чтобы исправить эти и подобные им ошибки.

Несколько месяцев работы партийных и советских органов Дагестана в 1920 году ярко иллюстрируют положение товарища Сталина о своеобразии и трудностях борьбы за власть Советов в национальных областях бывшей царской тюрьмы народов. В условиях еще незакончившейся гражданской войны, когда интервенты и белогвардейцы начали осуществлять свой третий поход Антанты на Советскую Россию, это своеобразие усугублялось особенностью положения Дагестана между Грузией, где у власти находились меньшевики, и очагом врангелевского движения на Юге—Кубанью с одной стороны, и ролью дагестанской контрреволюции в общих планах интервентов, с другой.

В третьем походе Антанты против Советской России участвовала белопанская Польша и последыш Деникина—генерал Врангель. В плане борьбы против Советской России белогвардейская армия барона Врангеля, находившаяся в Крыму, играла особую роль. Главной задачей Врангеля было не только установление единого фронта с польскими войсками, но, выйдя из Крыма, раздуть вновь пожар гражданской войны на юге Рос-

---

1 Материал Секретариата Главной Редакции „История Гражданской войны в СССР". Рукописный фонд VII тома, глава IX, дело № 1919, документ № 651 л. 58—59.

сии. И действительно! Пользуясь отвлечением основных сил Красной Армии на фронт против белополяков, Врангель вывел свои войска из Крыма, начал продвижение на север—на Украину, на Запад—для соединения с поляками. Одновременно он высадил десанты на Дону и на Кубани. Таким образом, он пытался вновь поднять против Советской власти казачьи районы Дона, Кубани и Терека. В горах Западного Кавказа находился деникинский генерал Хвостиков с бандой, ожидавший подхода десанта врангелевского генерала Улагая, высадившегося на Кубани. Отсюда врангелевские войска должны были пойти на Терек и Дагестан.

В этот момент в Дагестане вспыхивает новый антисоветский мятеж Нажмуддина Гоцинского.

События лета и осени 1920 г. в Дагестане—контрреволюционный мятеж Гоцинского—явился частью общего плана врагов Советской власти задушить молодую республику.

Генералы Врангель в Крыму и Хвостиков на Кубани возлагали большие надежды на Гоцинского и помогали готовить ему выступление против Советской власти.

Они надеялись, что восстание Гоцинского против Советской власти в Дагестане перекинется на Северный Кавказ, что банды Гоцинского на Северном Кавказе сомкнут свой фронт с бандами генерала Хвостикова, с десантами врангелевского генерала Улагая на Кубани. В этом случае Дагестан, горные районы Северного Кавказа, Терек, Кубань и Дон вновь стали бы ареной гражданской войны, а за ними и весь юг страны.

Так, как в Азербайджане установилась Советская власть, мусаватисты из страны были изгнаны, Азербайджан перестал быть плацдармом, откуда враги Советского Дагестана могли двигать силы на борьбу против трудящихся Дагестана. Наоборот, с советизацией Азербайджана, он стал важнейшим центром борьбы за власть Советов в Закавказье. Большую роль Советский Азербайджан играл и в укреплении власти Советов в Дагестане.

Центром организации всех антисоветских сил в Закавказье, в 1920 годах являлось меньшевистское правительство Грузии. В Тифлисе, где оно находилось, под крылышком меньшевиков Грузии, свили себе гнездо различные контрреволюционные организации не только Закавказья и Северного Кавказа, здесь же нашли приют изгнанные из Советской страны меньшевики и эсеры. Здесь вынашивались планы организации борьбы против власти Советов.

Понятно, что и контрреволюционеры Дагестана и Северного Кавказа, от деникинских офицеров и пресловутого Гоцин-

ского, до „меджилиса (парламента) горских народов", во главе с Ахмедом Цаликовым, нашли себе приют у меньшевиков Грузии.

Взоры дагестанской контрреволюции были обращены к грузинским меньшевикам, ставшим организаторами борьбы с властью Советов на Кавказе.

В начале июня 1920 года небезызвестный сподвижник Гоцинского в Дагестане бывший царский полковник Кайтмас Алиханов, изгнанный из Дагестана, обратился к меньшевистскому правительству Грузии, с просьбой о присоединении Аварии к Грузии. Кроме различных политических и экономических выгод, которых он сулил меньшевистским правителям Грузии, особое значение для них приобретало предложение Алиханова в связи с присоединением Аварии о расширении границ меньшевистской Грузии до Каспийского моря.[1]

Пока шла переписка Алиханова с меньшевистским правительством Грузии, на территории Грузии собирались контрреволюционные силы для нападения на Советский Дагестан.

Еще в начале августа 1920 г. на границе Дагестана с Грузией в Анцуло-Капучинском участке Гунибского округа появился отряд в 60 человек, руководимый шейхом Магомедом Эффендиевым. Это была разведка, высланная Гоцинским в Дагестан. Силами гарнизона Гуниба и Хунзаха отряд был рассеян и вытеснен из пределов Дагестана. Но неудача не остановила Гоцинского. Он рассылает своих агентов по Дагестану, сеет недовольство против Советской власти, посылает в Крым к Врангелю за помощью.

В сентябре 1920 г. из Крыма в Батум и Поти—в меньшевистскую Грузию—базу, где готовилось восстание Гоцинского, прибыли военные грузы и врангелевские офицеры. Среди последних генерал Пиковский, назначенный официальным представителем Врангеля в Грузии, полковник Кизильбаш, привезший на формирование контрреволюционных частей до 10 миллионов рублей денег.

Все эти „представители" установили связь с находившимися в Тифлисе бывшими членами кубанских, терских и иных контрреволюционных правительств разными Иванисами, Цаликовыми и другими и через них с организаторами восстаний Гоцинским и Алихановым.

В это время на политической сцене появилась новая фигура. Видимо не полагаясь на свой, давно подорванный автори-

---

[1] Архив Октябрьской революции Грузинской ССР, фонд № 13, дело № 99 л. 1—5.

тет среди горцев, руководители горской контрреволюции нашли новое имя, которое могло бы стать знаменем борьбы. Провал попытки Гоцинского стать имамом Дагестана толкнул дагестанских контрреволюционеров на еще более подлое дело. Было решено использовать великое для каждого горца имя Шамиля в интересах контрреволюции. И Нажмуддин Гоцинский, Алиханов. Джафаров и др., отцы которых изменили Шамилю, изменили делу борьбы горцев с царизмом, верно служили ему, решили поставить во главе борьбы с Советской властью на Северном Кавказе „внука" Шамиля некоего авантюриста Саид-бека.

Этот новый авантюрист—агент враждебных советской власти правительств Антанты, прикрываясь именем потомка Шамиля, должен был стать организатором и руководителем горцев Дагестана и Северного Кавказа против власти Советов и воссоздать уже не „Горскую республику", а „Горское королевство".

Вся эта камарилья, пытаясь доказать свое „право" на власть над кавказскими народами, с циничной откровенностью говорила о тех силах, которые помогут ей добиться этой власти. В одном из перехваченных войсками Красной Армии воззваний эти авантюристы, обманывая и стараясь запугать горцев, писали: „Разруха умножилась, виной этому партия большевиков, которая старается уничтожить умных, ученых и набожных людей и всех мужчин с пятнадцатилетнего возраста. В виду этого много умных и ученых людей спрятались и убежали, но некоторые остались, в числе коих находятся: шейх-Саражутдин, шейх-Гадрих, Дарвиш-Магомет и ученые, побывавшие в Турции—Гаджи-Буда и другие, которые решили снять зло большевиков с народа. Они сообщили свои планы Нажмуддину Гоцинскому и доблестному герою Кайтмасу Алиханову и новому великому Саид-беку—внуку Шамиля, находящемуся в Тифлисе.... Нажмуддин прибыл в Гоцатль и с ним многочисленное войско. Главный штаб находился в Бежита (54 вер. южнее Ботлих) и там находится оружие и патроны в неисчислимом количестве. Есть много пулеметов и орудий. Теперь подходит Кайтмас Алиханов с большим количеством военного имущества, присланного Грузией и Англией. Скоро придет внук Шамиля Саид-бек, который разрешил нашу независимость. Все великие державы признали нашу независимость, назначили Саид бека королем Дагестана, Грузии и Азербайджана. Мы очистили свои аулы от большевиков. Если Вы хотите избавится от них, то присоединяйтесь к нам!"[1]

[1] Сводка сведений о противнике на Кавказском фронте и о Закавказье Вып. 14, изд. Штаба Кавказского фронта. Ноябрь 1920 г. ст, 35.

Эту свою зависимость от иностранных государств не скрывал и Гоцинский выставляя ее как призрак своей силы. В воззвании, призывавшем горцев подняться против Советской власти, он писал:

„Знайте, что я приду и меня поддерживают семь великих государей мира. Изгоняйте большевиков и установите шариат, который гарантирует вам вашу жизнь и ваше достояние. Со мной идут грузинские, турецкие и английские войска"[1]

Правда, никаких иностранных войск с Гоцинским не шло, это был обман. но правительства указанных стран сочувственно относились к нему и помогали оружием и советами.

Уже после попытки Гоцинского ворваться в Дагестан в августе 1920 года Серго Орджоникидзе предупреждал дагестанских работников о необходимости подготовки к возможному повторению подобных вылазок врага. Он указал на внутренние и внешние особенности Дагестана, находившегося на пути к бакинской нефти, на роли дагестанских трудяшихся в деле охраны этого пути. Надо добиться доверия трудящихся, говорил Орджоникидзе, усилить продовольственную помощь населению и твердо проводить диктатуру власти Совенов. Тогда никакие враги не будут страшны.

Партийная организация Дагестана не сумела в сложных условиях продолжавшейся гражданской войны с интервентами и белогвардейцами, и внутреннего положения Дагестана, где контрреволюционные элементы готовились вновь начать борьбу против Советской власти, осуществить эти указания тов. Орджоникидзе. Дагревком недооценил также возможности и силы дагестанской контрреволюции, не подготовил на случай ее выступления соответствующие военные силы.

Перед началом восстания Гоцинского в Дагестане были очень незначительные силы Красной Армии:

1-й Дагестанский стрелковый полк.

3-й стрелковый батальон Вохра.

Резервный эскадрон областной милиции.

Караульные части крепостей.

Батальон 176 стрелкового полка.

В первых числах сентября 1920 г. в Анцухо-Капучинском участке, в смежном с Телавским уездом Грузии, Гоцинский и Алиханов формировали повстанческий отряд силой в 600 сабель и бросили его в Гунибский округ Дагестана. Сняв неболь-

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История Гражданской Войны в СССР" Рукописный фонд IV тома, дело № 1617 А. л. 21

шие охранные отряды Гунибского гарнизона, противник стал угрожать крепостям Гуниб и Хунзах.

Командование советских сил Дагестана спешно приняло меры к усилению гарнизонов, послав туда I-й Дагестанский полк.

Агенты Гоцинского смогли поднять на восстание также некоторые другие районы округов и уже с первого дня восстания оно охватило значительный фронт. Линия фронта советских войск в это время проходила:

Правый фланг—селение Ботлих.

Центральный участок—крепость Хунзах.

Левый фланг—крепость Гуниб.

В этих крепостях к этому времени были очень незначительные силы: в Ботлихе отряд в 100 человек, в Хунзахе—420 человек, и Гунибе около 200 человек.

Командование поставило перед этими отрядами задачу не только готовиться к обороне своих крепостей, но и по возможности начать наступательные действия и попытаться локализовать контрреволюционный мятеж.

С этой целью 20 сентября Ботлихский отряд вышел вверх по реке Андийская-Койсу в аул Тцитль у западного склона хребта Богос, откуда он должен был держать под наблюдением аулы в районе верховья Андийского-Койсу. Дойдя 23 сентября до аула Кварши и заняв его, отряд далее продвинуться не смог, так как хребет Богос оказался занятым противником силой в 300 штыков. Разыгравшаяся метель усложнила обстановку. И несмотря на героическое сопротивление Ботлихский отряд понес большие потери. Пути отступления были перерезаны противником, который пользуясь отсутствием гарнизона занял крепость Ботлих. Остатки отряда кругом прорвались через линию фронта и вышли на соединение с частями центрального участка.

На центральном участке 21 сентября из Хунзаха вышел отряд в составе частей I-го Дагестанского полка, Аварского караульного эскадрона, в общей сложности 250 штыков и 100 сабель. Перед ним стояла задача продвинуться вверх по Аварскому-Койсу и по Аваро-Кахетинской дороге, до так называемой Анцуховской будки, где к нему должен был присоединиться отряд Гунибского гарнизона, следовавший сюда вверх по реке Кара-Койсу.

Хунзахский отряд в районе аула Гидатль вошел в соприкосновение с противником и выяснил, что последний, силой до 200 человек занимает высоты по обе стороны Аваро-Кахетинской дороги. С боем продвигаясь, отряд дошел до Анцуховской буд-

ки, но здесь встретил значительные силы противника (1.500) и в трудных условиях, с боями, доходившими до штыковых схваток, начал отступление и постепенно отошел к исходному положению.

Узнав о неудачах Ботлихского и Хунзахского отрядов гарнизон крепости Гуниб не стал предпринимать наступление и все силы устремил на укрепление обороны.

Противник, воспользовавшись успехами, предпринял наступление и 9 октября, заняв Георгиевский мост на реке Кара Койсу, окружил Гунибский гарнизон и предприняли наступление на Хунзах, который через несколько дней так же оказался осажденным.

Окружение Гуниба и Хунзаха, взятие Ботлиха ставили командование советских частей в тяжелое положение. Большая часть нагорного Дагестана—Андийский, Аварский, Гунибский округа оказались в руках противника. Основные шоссейные дороги, связывающие горы с центрами Дагестана были перерезаны. Все это говорило о том, что перед советскими частями перед руководителями Красной Армии Дагестана стояли серьезные задачи борьбы с сильным противником, успевшим за первые недели добиться значительных успехов.

Тов. Орджоникидзе узнав обо всем этом вызвал руководителей Дагестана в Баку и предупредил их о серьезности положения. Раз не смогли предупредить восстания,—говорил он,—надо сделать все, чтобы его локализовать. Для этой цели прежде всего необходимо подтянуть силы и умело их использовать, и как можно скорее освободить гарнизоны осажденных крепостей.

Для решения последней задачи командование советских частей 8 октября отдает приказ командиру 38 стрелкового батальона Вохра выступить по направлению к Хунзаху и 176 стрелковому полку, только что прибывшему из Азербайджана, по направлению к Гунибу.

Кроме этих сил 13 октября в Темир-Хан-Шуру прибыла 95 стрелковая бригада 32 стрелковой дивизии, которая так же получила приказ двигаться в составе так называемого Гунибского отряда. Координируя свои действия с партизанскими отрядами эти силы должны были как можно скорее снять осаду Гуниба и Хунзаха.

В эти трудные для Дагестана дни, тов. Орджоникидзе, понимая какую опасность для всей Советской России представляет восстание Гоцинского, выехал в Дагестан, чтобы на месте исправить те ошибки, которые допустило военное командование советских войск и партийные руководители Дагестана.

6 октября 1920 года вместе с тов. Павловичем он выехал в Темир-Хан-Шуру. Вспоминая об этой поездке т. Павлович писал:

„По красивым ущельям, вдоль утопающих в зелени кумыкских аулов, поезд медленно поднимется к Темир-Хан-Шуре. И при виде цепи гор, красующихся за городом, невольно вспоминается одна из наиболее замечательных фигур в галлерее горских революционеров, фигура тов. Дахадаева, который на этих горах в упорной и непрерывной гражданской войне в течение пяти месяцев отстаивал в 1918 году Советскую власть в Дагестане, против контрреволюционного лжеимама Гоцинского, контрреволюционного офицерства турецких банд Нури-Паши, английского наймита Бичерахова. После разгрома советской власти соединенными усилиями отечественных и международных разбойников, тов. Дахадаев падает жертвой временно восторжествовавших беков и ханов. Спи спокойно, дорогой товарищ! Торжество твоих палачей было недолговременно. По проложенному в горах тобой и твоими соратниками пути на смену твоим побежденным отрядам пришли новые батальоны красных бойцов, поднявшихся из всех горных ущелей, чтобы снова водрузить на высотах Дагестана поднятое тобой красное знамя, символ крови твоей и миллионов других бойцов пролитой во всех углах земного шара за счастье трудовых масс“[1].

7 октября тов. Орджоникидзе собрал совещание партийных и военных руководителей Дагестана и, заслушав их сообщения о ходе борьбы с бандами Гоцинского и о мероприятиях советской власти по борьбе с разрухой в Дагестане, в своем выступлении еще раз потребовал как можно скорее разгромить контрревелюционное восстание.

По предложению тов. Орджоникидзе были мобилизованы местные коммунисты и посланы на фронт в горные районы Дагестана.

Понимая, как важно добиться политического перелома в сознании горцев, на месте исправить допущенные перегибы, тов. Орджоникидзе на следующий день выехал в аул Леваши. Проезжая мимо революционных аулов, встречаясь по пути с партизанами, Орджоникидзе видел, как велика их воля к борьбе, как величественна картина этого маленького народа, защищающего свою независимость. В Левашах весть о приезде Орджоникидзе всколыхнула весь даргинский народ. Из всех

[1] Павлович (М. Вельтман) „На высотах Красного Дагестана“. ГИЗ. 1921 г, с 5—6.

окружающих аулов стекались горцы. Скоро большая площадь аула была переполнена тысячами людей. Партизанский отряд выставил специальное охранение на случай внезапного появления противника.

Съезд даргинского народа открылся большой речью тов. Орджоникидзе. Он подробно рассказывал собравшимся об экономическом положении России и Кавказа и о внутренних и внешних трудностях, переживаемых Советской республикой.

Выступления делегатов были полны горячей веры в то, что Советская власть не даст в обиду трудящихся горцев. Указывая на отдельные перегибы местных работников, горцы просили Серго добиться ликвидации этих перегибов и провести ряд мероприятий: уничтожить таможеные рогатки между Дагестаном, Азербайджаном и Терской областью, разрешить земельный вопрос и т. д.

В своей ответной речи тов. Орджоникидзе разъяснил горцам, что центральная Советская власть не ответственна за все ошибки и преступления ее представителей на местах, что атакованная на всех фронтах бесчисленными врагами—великими и малыми державами—Англией, Францией, Польшей, Арменией Грузией, ведущим против нас явную или скрытую войну, Советская власть в этот важный переходный момент не имеет возможности отдавать все необходимое внимание мирному строительству и насущным заботам о населении. Час победы русского пролетариата и свободолюбивых горцев над международной контрреволюцией близится к концу и тогда населению заживется гораздо легче.

Товарищ Орджоникидзе заявил, что он обращается не только к собравшимся, но и ко всему нагорному Дагестану и в первую очередь к славным дагестанским партизанам, боровшимся за Советскую власть. „Несмотря на короткий срок существования Советской власти,—говорил Серго,—уже кое-что сделано для улучшения положения трудящихся. Это признали все выступавшие здесь. Во-вторых, жалоб на власть меньше, чем жалоб на нужду, на разруху. Если у власти оказались плохие и неумелые люди,-плохих можно отстранить, неумелых научить. Дело это поправимо. Власть наша—советская, мы ее с вами вместе выбирали. В-третьих, нужда еще велика, велика еще и разруха, как у вас, так и по всей России. Пять с лишним лет воевали, разрушали. За полгода все не поправишь. Вы должны понимать, что это неизбежные последствия войны империалистической и войны гражданской. Восстановим фабрики, заводы, железную дорогу, будет достаточно и сахару, и керосина, и мануфактуры. Но чтобы восстановить фабрики, заводы,

транспорт, сельское хозяйство, нужно прежде всего прекратить, кончить войну. Нужно, чтобы все народы—и даргинцы, и аварцы, и осетины, и русские и все другие народы в нашей стране спокойно и дружно взялись за работу. Без этой общей работы восстановить хозяйство нельзя. Это знаем мы, но это знают и империалисты. Это знают все наши контрреволюционеры. Знают и все усилия прилагают, чтобы сорвать нашу дружную работу. Именно это происходит сейчас на ваших глазах. Империалисты, меньшевики, имамисты стремятся поднять восстание в горах, начать снова гражданскую войну.

Пролетариат, трудовое крестьянство советских народов одержали величайшие победы над внешней и внутренней контрреволюцией. Они разгромили наступление объединенных сил контрреволюции целого мира капиталистов. Они сумеют и впредь разгромить врага там где он подымает голову. Поднятое грузинскими меньшевиками и сторонниками лже-имама Гоцинского на деньги Антанты восстание не имеет перспективы, не имеет надежды на успех. Оно неизбежно будет подавлено. Оно ничего не может принести кроме новых жертв, нового разорения. Трудящиеся Дагестана крепко заинтересованы, чтобы восстание это было как можно скорее ликвидировано, чтобы оно меньше потребовало жертв. меньше принесло бедствий.

Вы, даргинцы, даргинские партизаны, вы должны первые понять это и должны первыми выступить против повстанцев"[1].

Орджоникидзе дал делегатам ряд конкретных обещаний, а именно: о немедленном снятии таможенных рогаток между Дагестаном, Азербайджаном и Терской областью, о принятии мер в ликвидации и обнаружению виновников перегибов, возмущавших население.

В частных беседах с отдельными делегатами Орджоникидзе затронул и разрешил еще ряд разных вопросов, волнующих горцев.

Весть о выступлении Орджоникидзе с быстротой молнии разнеслась в горах Дагестана. Съезд трудящихся Даргинского округа после речи тов. Орджоникидзе единогласно принял следующую резолюцию:

„Заслушав доклад члена Реввоенсовета Кавказского фронта тов. Орджоникидзе... горская беднота во всеуслышание заявляет: „В результате трехлетней гражданской войны против представителей панисламизма, как лив-имам Гоцинский-

---

[1] Материалы Секретариата Главной Редакции „История Гражданской Войны в СССР". Рукописный фонд VII тома, дело № 5261. стр. 22-23.

против агентов пантюркизма, как представителей мифического горского правительства в лице Коцева, Джабагиева и др., против наймитов мирового империализма полковника Алиханова и генерала Халилова и атаманов добровольческих шаек дагестанская беднота освободила, наконец, совместно с Красной армией, исстрадавшийся край от ига черных и белых контрреволюционеров и восстановила Советскую власть в Красном Дагестане. Но упомянутые бандиты и злейшие враги народа, Гоцинские, Алихановы, Халиловы и др., спаслись от грозной карающей руки дагестанской бедноты, нашли гостеприимство у правительства Грузии, где эти палачи и кровопийцы на средства Врангеля, и под крылышком грузинского правительства, при прямом участии и поддержке со стороны последнего деньгами, снаряжением и людьми, организовали самозванное горское правительство, которое взяло на себя руководство разбойничьими бандами, вторглись в пределы Дагестана в Анцухо-Капучинский и Дидоевский участки.

Дагестанская беднота раздавит пресмыкающуюся гадину, снова пытающуюся захватить нашу территорию, как она уже не раз громила белые и черные банды в течение трех лет.

Доводя до вашего сведения об этом, просим вас поставить на вид грузинскому правительству недопустимость дальнейшего пребывания в Грузии руководителей и организаторов контрреволюционных шаек в лице, так называемого горского правительства и других наймитов Деникина и Врангеля и потребовать от грузинского правительства немедленно же положить конец дальнейшим преступным авантюрам против Красного Дагестана и вторжениям в Красный Дагестан разбойничьих банд, организующихся на территории Грузии"..

Доложив о результатах своей поездки в Дагестан Ленину, Сталину, тов. Орджоникидзе продолжал непосредственно руководить борьбой дагестанского народа с силами реакции. Но эта борьба принимала затяжной характер не только потому, что силы контрреволюции были значительны, но и потому, главным образом, что необходимо было провести ряд политических мероприятий для сплочения сил революции. Вопрос стоял о применении на практике в сложных условиях дагестанской действительности правильной национальной политики большевистской партии.

Тов. Сталин еще в октябре 1919 г. в статье „Октябрьский переворот и национальный вопрос" писал об этом:

---

[1] М. Павлович. „На высотах Красного Дагестана". с. 22.

„Иные изображают борьбу окраинных „правительств", как борьбу за национальное освобождение против „бездушного централизма" Советской власти. Но это неверно. Ни одна власть в мире не допускала такого широкого децентрализма, ни одно правительство в мире не представляло народам такой полноты национальной свободы, как Советская власть в России. Борьба окраинных „правительств" была и остается борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии... Разбитые наголову „национальные правительства" „вынуждены" были обратиться за помощью против „своих" рабочих и крестьян империалистам Запада, к вековым угнетателям и эксплоататорам мелких национальностей всего мира".[1]

Для того, чтобы успешно вести борьбу с буржуазными националистами внешней контрреволюцией Советское правительство принимает ряд важных решений, направленных на сплочение масс трудящихся национальных областей. И важнейшим решением является признание Советской властью автономии этих областей. Буржуазные националисты не только из лагеря открытых контрреволюционеров, но и прикрывающиеся фиговым листком преданности своим народам всячески боролись против этого исторического решения Советской власти.

Тов. Сталин в статье „Политика Советской власти по национальному вопросу в России", опубликованной в газете „Правда" 10 октября 1920 года наголову разбивает всех врагов автономии. Он писал:

„Некоторые товарищи смотрят на автономные республики в России и вообще на советскую автономию, как на временное, хотя и необходимое зло, которое нельзя было не допустить ввиду некоторых обстоятельств, но с которым нужно бороться чтобы со временем устранить его. Едва ли нужно доказывать, что взгляд этот в корне неверен и, во всяком случае, не имеет ничего общего с политикой Советской власти по национальному вопросу. Советская автономия не есть нечто абстрактное и надуманное, тем более ее нельзя считать пустым декларативным обещанием. Советская автономия есть самая реальная, самая конкретная форма объединения окраин с центральной Россией. Никто не станет отрицать,

---

[1] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат 1936 г. стр. 54-55

что Украина, Азербайджан, Туркестан, Киргизия, Башкирия, Татария и др. окраины, поскольку они стремятся к культурному и материальному процветанию народных масс, не могут обойтись без родной школы без суда, администрации, органов власти, составленных преимущественно из местных людей. Более того, действительная советизация этих областей, превращение их в советские страны, тесно связанные центральной Россией в одно государственное целое, немыслимы без широкой организации местной школы, без создания суда, администрации, органов власти и пр. из людей, знающих быт и язык населения. Но поставить школу, суд, администрацию, органы власти на родном языке—это именно и значит осуществить на деле советскую автономию, ибо советская автономия есть нечто иное, как сумма всех этих институтов, облеченных в украинскую, туркестанскую, киргизскую и т. д. формы."[1]

Товарищ Сталин резко выступает против тех, кто не желает считаться с особенностями бывших окраин России, с специфическим укладом хозяйственной и национальной жизни, и спешат, не считаясь с этими особенностями ввести в национальных районах „чистый коммунизм".

„Не менее серьезной преградой по пути к осуществлению советской автономии,—пишет далее в этой статье товарищ Сталин,—является та поспешность, переходящая нередко в грубую бестактность, которую проявляют некоторые товарищи в деле советизации окраин. Когда эти товарищи в областях, отставших от центральной России на целый исторический период, в областях с не вполне еще ликвидированным средневековым укладом, решаются брать на себя „героические усилия" по проведению „чистого коммунизма", то можно с уверенностью сказать, что от такого кавалерийского набега, от такого „коммунизма" добра не будет."[2]

Эти сталинские слова били и по небольшой группе дагестанских работников, которые спеша ввести в Дагестане „чистый коммунизм" не считаясь с его особенностями, восстанавливали горцев против Советской власти, нанося этим большой вред укреплению ее в Дагестане. Эта группа выступала против автономии национальных республик и в частности, против

---

1. И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. стр. 62. Партиздат 1935 г.
2. И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 62—63. Партиздат. 1934 г.

автономии Дагестана. Антиленинская, антисталинская позиция этой группы была на руку врагам Советской власти и против нее, под руководством товарищей Сталина и Орджоникидзе велась в Дагестане борьба.

ГЛАВА 8.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ АВТОНОМИИ ДАГЕСТАНА И РАЗГРОМ АНТИСОВЕТСКОГО МЯТЕЖА ГОЦИНСКОГО.

Осенью 1920 года товарищ Сталин приезжает на Кавказ, чтобы лично вручить народам Кавказа решение Советской власти об автономии и добить противников ее.

Весть о том, что в Дагестан приезжает товарищ Сталин и его боевой соратник тов. Орджоникидзе, всколыхнула трудящихся горцев. Уже 12 ноября 1920 г. столица Дагестана, город Темир-Хан-Шура была переполнена горцами-партизанами, прибывшими из далеких аулов встретить товарища Сталина. Созданный за несколько дней перед этим коммунистический отряд, численностью в 200 человек, перед отправкой на фронт, утром, 13 ноября вышел к вокзалу для встречи великого Сталина. И когда товарищ Сталин узнал, что отряд выступает на фронт, он тут-же на вокзале выступил с речью, посвятив ее задачам быстрейшего разгрома банд Гоцинского. Партийные и военные работники Дагестана немедленно информировали товарищей Сталина и Орджоникидзе о положении дел на фронте. Товарищу Сталину сообщили о разногласиях среди местных работников по вопросу об автономии. Он предложил собрать партийный актив и выслушать всех, кто был против автономии.

В 4 часа дня в доме Дагревкома собрался партийный актив Дагестанской партийной организации.

Выслушав местных работников и членов, так называемой оппозиции, товарищ Сталин выступил с докладом о задачах партийных и советских органов в деле проведения в жизнь автономии народов Дагестана.

Доклад товарища Сталина произвел на присутствующих очень сильное впечатление. Он дал не только новые формы организации, но и совершенно новое содержание всей работы организации. Оторванные в продолжение ряда лет от всей страны, подавляющее большинство местных работников впервые слышали одного из руководителей большевистской партии, ближайщего соратника Ленина—народного комиссара по делам национальностей. Четко ставил товарищ Сталин задачи

перед Дагестанской парторганизацией. К радостному удивлению местных работников и горькой досаде тех, кто выступал против автономии Дагестана, товарищ Сталин поставил перед местными большевиками задачу: борьбу с разрухой, восстановления хозяйства, быстрого темпа развития культурной революции. Эти очередные задачи,—говорил тов. Сталин,—вытекают из факта ликвидации интервенции и гражданской войны. В его постановке вопросов о задачах внутренней политики в Дагестане не только не было ничего, напоминающего военный коммунизм, но было очень много нового, предвосхищавшего мероприятия большевистской партии и Советской власти, принятые 10 съездом партии по его докладу „Об очередных задачах партии в национальном вопросе" весной 1921 года. Подчеркивая необходимость особой внутренней политики в Дагестане, чтобы вывести эту отсталую во всех отношениях страну на путь пролетарской диктатуры и строительства социализма, товарищ Сталин в упор оппозиции указал, что именно для этого и поэтому ЦК проводит автономию Дагестана.

„К концу доклада товарища Сталина,—говорится в газетном сообщении о выступлении т. Сталина на партактиве,—мысль подавляющего большинства актива была организована в духе решения ЦК, оппозиция в основном разбита, ряды ее заколебались. Тем не менее остались упорствующие. Выступили несколько товарищей из оппозиции. Решимости возражать, правда, ни у кого не было. Но не могли не посетовать на новизну и неожиданность постановки вопросов со стороны ЦК. Выразили свое сомнение, что автономия сможет дать ожидаемые от нее результаты. По мнению оппозиции автономия будет только стимулировать антисоветские контрреволюционные выступления вроде тех, которые имеются сейчас.

В заключительном слове товарищ Сталин легко отвел сомнения и упреки оппозиции и твердо заявил, что, тем кто не желает автономии Дагестана придется поехать работать в Якутию.

Резолюция, одобряющая решения ЦК, была принята подавляющим большинством актива"[1].

День 13 ноября 1920 года вошел в историю народов Дагестана, как исторический день признания со стороны советского правительства священного права автономии Дагестана.

После конца совещания партийного актива, около восьми

---

1 Материал Секретариата Главной Редакции „История Гражданской Войны в СССР" т. VII. гл. IX, дело № 1919. докум. № 557. л. 33.

часов вечера в Темир-Хан-Шуре в городском театре открылся Чрезвычайный Вседагестанский съезд Советов. Появление товарища Сталина было встречено делегатами бурной овацией и криками приветствий на всех языках народов Дагестана.

Несмотря на то, что значительная часть Дагестана была охвачена восстанием, на съезд собралось более 300 делегатов, представляющих почти все народы Дагестана. После выборов состава президиума съезда и принятия повестки дня работы его, слово для доклада об автономии Дагестана предоставляется товарищу Сталину.

Приветствуя представителей дагестанских народов от имени Советского правительства, товарищ Сталин заявил, что он приехал в Дагестан, чтобы от имени правительства Российской федерации поставить перед Дагестаном ряд важнейших задач.

„Советское правительство Российской Социалистической Федеративной республики, занятое до последнего времени войной против внешних врагов и на юге и на западе, в лице Польши и Врангеля, не имело возможности и времени отдать свои силы на разрешение вопроса, волнующего весь Дагестанский народ.

Теперь, когда армия Врангеля разгромлена, жалкие ее остатки бегут в Крым, с Польшей заключен мир, Советское правительство имеет возможность разрешить вопрос об автономии дагестанского народа.

В прошлом в России власть находилась в руках царей, помещиков, фабрикантов и заводчиков. В прошлом Россия была Россией царей и палачей. Россия жила тем, что угнетала народы, входившие в состав бывшей Российской империи. Правительство России жило за счет соков, за счет сил угнетаемых им народов, в том числе и народа русского.

Это было время, когда все народы проклинали Россию. Это время ушло в прошлое. Оно похоронено и ему не воскреснуть никогда.

На костях этой проклятой угнетательской царской России выросла новая Россия—Россия рабочих и крестьян.

Началась новая жизнь народностей, входивших в состав России. Началась полоса раскрепощения этих народов, страдавших под игом царей и богачей, помещиков и фабрикантов.

Новый период, начавшийся после Октябрьской революции, когда власть перешла в руки рабочих и крестьян и власть стала коммунистической, ознаменовался не только освобождением всех народов России, но выдвинул задачу освобождения

всех народов вообще, в том числе и народов Востока, страдающих от гнета западных империалистов.

Россия превратилась в рычаг освободительного движения, приводящий в движение не только народы России, но и всего мира.

Советская Россия тот факел, который освещает путь народов всего мира на пути к освобождению их от ига угнетателей.

В настоящее время правительство России, благодаря победе над врагом, получив возможность заняться внутренним развитием, нашло необходимым объявить вам, что Дагестан должен быть автономным, пользуясь внутренним самоуправлением и сохраняя братскую связь с народами России.

Дагестан должен управляться согласно своим условиям, быту, обычаям и пр.

Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги Советской власти распространяют слухи, что советская власть запрещает шариат.

Я здесь от имени правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики уполномочен заявить, что эти слухи не верны и ложны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев.

Советское правительство считает шариат таким же вполне правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию.

Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены.

Вместе с тем считаю необходимым заявить, что автономия Дагестана не есть отделение его от Советской России. Автономия—не есть независимость. Россия и Дагестан должны сохранить между собою связь, ибо только в этом случае Дагестан может сохранить свою свободу. Давая автономию Дагестану, советское правительство имеет определенную цель выделить из среды местных работников честных и преданных, любящих свой народ и вверять им органы управления Дагестаном, как хозяйственные, так и административные. Только так и таким образом можно сблизить Советскую власть в Дагестане с народом. Никакой другой цели, как поднятие его на высшую культурную ступень, путем привлечения местных работников, Советская власть не имеет.

Советская власть знает, что темнота—первый враг народа. Поэтому необходимо дать побольше школ и органы управления на местных языках.

Этим путем Советская власть надеется вытащить народы Дагестана из той трясины, темноты и невежества, куда их бросила старая Россия.

Советское правительство полагает, что установление в Дагестане автономии, подобно той, какой пользуется Туркестан, Киргизская и Татарская республики—необходимо,

Советская власть предлагает вам, представителям народов Дагестана, поручить вашему Дагестанскому Революционному Комитету избрать представителей для отправки в Москву и выработать там, совместно с представителями высшей Советской власти, план автономии для Дагестана.

Последние события на юге Дагестана, где предатель Гоцинский выступил против свободы Дагестана, являясь выполнителем воли генерала Врангеля, того самого Врангеля, который при Деникине, борясь с повстанцами, разрушил аулы горцев Северного Кавказа,—эти события говорят о многом.

Я должен заявить, что дагестанский народ в боях с Гоцинским, в лице красных партизан, защищая свою Советскую власть, доказал тем самым свою преданность Красному Знамени.

Если вы прогоните Гоцинского—врага трудящихся Дагестана, то тем самым оправдаете доверие, которое оказывает высшая советская власть, давая Дагестану автономию.

Советское правительство—первое правительство, которое добровольно дает автономию.

Мы надеемся, что народы Дагестана оправдают доверие, оказанное им.

Да здравствует союз народов Дагестана и народов России! Да здравствует советская автономия Дагестана."[1]

Речь товарища Сталина переводилась на кумыкский, даргинский, аварский и азербайджанский языки народов Дагестана. Она вызвала огромный подъем среди делегатов съезда, волнующую радость и горячую благодарность за заботу Советской власти. Историческое значение речи товарища Сталина подчеркнул в своем выступлении на съезде его боевой соратник, член военного совета Кавказского фронта тов. Орджоникидзе. Выступая вслед за товарищем Сталиным он говорит:

„Приношу съезду трудящихся Дагестана самые искренние, самые горячие приветствия в этот исторический для дагестанских народов день."

Трудящиеся дагестанских народов своей героической борь-

---

1. „Советский Дагестан". 17 ноября 1920 ор. Темир-Хан-Шура.

бой за свое освобождение завоевали глубокие симпатии трудящихся всей России.

„Когда мы сражались с Деникиным под Орлом, мы знали, что в Дагестане сражаются наши братья, наши друзья."

Разгромив деникинцев на Севере, русские рабочие и крестьяне не сомневались, что в Дагестане их встретит Красное Знамя революции.

Никогда мы не забудем той горячей встречи, которую нам устроили красные партизаны дагестанских народов при взятии Петровска. Не забудем мы и братания Красной Армии и красных партизан в Шуре. (Общий гром рукоплесканий и овации).

Разные проходимцы в Москве твердили, что Дагестану верить нельзя, что Дагестан все равно восстанет и отрежет Советскую Россию от Баку и бакинской нефти. Под влиянием этих разговоров товарищ Сталин запросил нас, мы ответили, что это вздор, ложь. Красный Дагестан стал на революционный путь в 1917 году и с тех пор ведет непримиримую гражданскую войну против контрреволюции (гром аплодисментов).

Когда с помощью грузинских меньшевиков и империалистов, Гоцинский снова вторгся в Дагестан и пытался поднять в Дагестане всеобщее восстание против Советской власти, мы тогда сказали, что это момент испытания, но мы были уверены, мы знали, что Гоцинский не найдет сторонников среди трудящихся в Дагестане. Наши ожидания оправдались. Красные партизаны—дагестанцы вместе с Красной Армией бьются против контрреволюционных банд Гоцинского и безусловно прогонят его туда, откуда он пришел.

И вот, в момент борьбы, Совет Народных Комиссаров присылает товарища Сталина проверить: верно ли мы тут проводим политику центра, все ли сделали, что в наших условиях возможно сделать, чтобы горцам жилось лучше. Это потому, что наш советский центр, несмотря на то, что французы, англичане и свои контрреволюционеры не дают покоя, желают добиться, чтобы всем народам Советской России жилось хорошо, чтобы все товарищи на местах хорошо работали.

Товарищ Сталин привез нам решение Советского правительства об автономии Дагестана. Разрешите же вас, все дагестанские народы, поздравить с автономией, с новой эрой вашей жизни и вашего развития.

Автономия Дагестана это изъявление воли русских рабочих и крестьян, их доверие Дагестану, сражавшемуся на одном фронте с русским рабочим и крестьянином против общего врага.

Автономия народам Дагестана и Терека должна облегчить восстановление хозяйства и культурное развитие, сделать так, чтобы этим народам в новой России лучше жилось.

Теперь мы с вами, со всеми трудящимися дагестанских народов, будем строить новую автономную Советскую республику.

Теперь может найтись проходимец, который скажет: — „ну, вот, опять республика, что же тут нового?"

Но пусть они помнят и знают, что Советская республика это не их, не буржуазная республика.

Агенты Чермоева, Халилова, так называемое правительство „горской республики" продавали народы Дагестана и Терека англичанам и туркам...

Советская Дагестанская, Советская Горская республики тем отличается от буржуазной республики Чермоевых и Халиловых, что она освобождает народы этих республик от власти авантюристов, от власти угнетателей, от тарковских и приглашенных им турок, от халиловых и приглашенных им англичан. Советская республика передает власть и земли бедноте, закрепляет за вами все ваши завоевания в революции, дает вам в руки все средства защищать все эти завоевания.

Советская республика не отделяет вас от новой России, не передает вас туркам или англичанам.

Советская республика связывает вас с свободными рабочими и крестьянами других народов России, как равных. Советская республика связывает вас с трудящимися Азербайджана, Грузии, откуда пришел Гоцинский и куда он снова должен уйти разбитым совместными усилиями Красной Армии и красных партизан и где, самое позднее через год, будет развеваться Красное Знамя революции так же, как победно развевается оно у вас.

Да здравствует Дагестанская Советская республика! Ура!" (Общее „ура". Овации)[1].

13 ноября 1920 года — историческая памятная дата для народов Дагестана. В разгар борьбы с бандами Гоцинского они получили из рук товарища Сталина ту желанную свободу, за которую боролись, не щадя своих сил. Чрезвычайный съезд народов Дагестана восторженно одобрил решения Советского правительства об автономии и заверил товарища Сталина в том, что народы Дагестана с такой же энергией, с какой они

---

1. Газета „Дагестанская правда" № 250, от 28 октября 1936 г.

боролись за власть Советов в годы гражданской войны завершат эту борьбу разгромом Гоцинского и приложат все силы для восстановления народного хозяйства и культуры своей страны. Делегаты съезда разъехались по районам Дагестана, разнося весть об автономии в самые глухие уголки своей горной страны. Они явились организаторами партизанских отрядов, выступивших против Гоцинского. Они донесли сталинское слово до каждого горца и горянки, и зажгли в них веру в новую лучшую жизнь.

Указания товарища Сталина и Орджоникидзе обеспечили перелом и в ходе военных действий. Правда, Красную армию и партизан Дагестана еще ждало ряд тяжелых испытаний. И первое из них произошло в дни, когда заседал чрезвычайный съезд народов Дагестана.

Как уже было сказано, Гоцинскому и Алиханову в начале октября удалось окружить крепости Гуниб и Хунзах. Особенно упорной была борьба за Хунзах. Гарнизон, который составлял всего около 300 человек. 30 дней героически выдерживали осаду красноармейцы и партизаны, терпя огромные лишения. Они не только сдерживали напор врага, они неоднократно предпринимали вылазки. Одна из таких вылазок была предпринята в аул Гонох. Противник отвел воду из канавы, питающей две мельницы, на которых осажденный гарнизон молол зерно. Под прикрытием крепостной артиллерии отряд в 80 штыков занял аул Гонох, исправил повреждения и под угрозой снести артиллерийским огнем аул, заставил жителей его не допускать больше противника к нарушению оросительной системы.

Последняя вылазка была предпринята 1 ноября с тем, чтобы разведать силы противника на предмет вступления в его тыл, когда подойдет Красная Армия, спешившая в это время к осажденному гарнизону.

4 ноября осажденным стало известно, что отряд партизан и части Красной Армии подходят к Хунзаху. Они предприняли еще одну вылазку и с боем вышли на соединение с ними. Так была снята первая осада с крепости Хунзах. В это же время был освобожден и Гуниб.

Успешные действия советских частей несколько усыпили бдительность командования, следствием чего явилось и два удара, нанесенных противником в октябре 1920 г. Первый из этих ударов вошел в историю под именем Араканской трагедии.

13 октября из Темир-Хан-Шуры по направлению селения Араканы с тем, чтобы очистить шоссе Темир-Хан-Шура—Хунзах. Во главе полка был поставлен командир 283 стрелкового полка товарищ Ганюшкин, политическим руководителем член

Дагревкома председатель областной чрезвычайной комиссии тов. Сафар Дударов.

Дойдя до так называемых Араканских ворот—глубокое ущелье перед селением Араканы, отряд встретил на высотах значительные силы противника. В течение целой недели шли бои с переменным успехом. Противник, получивший подкрепление, 28 октября перешел в наступление, но был сдержан огнем советской артиллерии. В течение нескольких дней и ночей беспрерывно шли бои. Бойцы Араканского отряда были утомлены, нервы их были взвинчены до отказа внезапными атаками противника с горных вершин. Все это привело к тому, что в ночь на 30 октября противнику удалось внезапным налетом окружить отряд. Завязался штыковой и кинжальный бой. Воодушевляемые товарищем Сафаром Дударовым, который, прижавшись к расщелине скалы, в течение нескольких часов отбивал атаки противника, бойцы отряда дорого отдавали свою жизнь. Но силы были неравны. К утру почти весь отряд во главе с командирами был уничтожен. В этом бою смертью храбрых пал один из славных сынов дагестанского народа товарищ Сафар Дударов. Ущелье, в котором произошла эта трагедия получила от народа название „Долины смерти" и всегда служит напоминанием о коварстве врагов.

Весть об Араканской трагедии тяжело отозвалась на политическом состоянии советских частей. И наоборот, подняла дух противника. Последний сделал еще одно усилие, предпринял наступление по всему фронту. 18 ноября 1920 г. произошла еще одна трагедия, которую никогда не забудет дагестанский народ

9 ноября на помощь Дагестанцам из Грозного в Ботлих вышел 1-й стрелковый образцовый, революционной дисциплины полк.

16 ноября полк без боя вступил в Ботлих и получив задание продвигаться дальше в горы, послал разведку в аул Муни и Ортакала. Не зная местных условий и коварности противника, распылив свои силы, полк попал в засаду и 18 ноября был полностью уничтожен. Смертью храбрых погибли командир полка Фурман и комиссар Аузен. Так кровь русских рабочих пролилась за общие интересы горских народов и спаяла великий народ с народами Дагестана нерушимой дружбой.

Воспользовавшись этими успехами, противник в первых числах декабря развивая наступление, снова окружил Хунзах и Гуниб. 10 декабря занял Хаджал-Махи и стал угрожать Левашам.

Необходимо было предпринять энергичные меры, чтобы по-

ложить конец успехам противника. Делегаты Чрезвычайного дагестанского съезда, основываясь на указаниях товарища Сталина и Орджоникидзе, развернули огромную работу среди трудящихся горцев. Военное командование стало подтягивать новые силы. 19 декабря в ауле Левашах была создана ударная группа, в которую кроме регулярных частей Красной Армии вошли партизанские отряды тов. Богатырева и Кара-Караева.

В это же время на поддержку 32-й стрелковой дивизии в Дагестан прибыли 52 стрелковая бригада (154-й полк направился в Дешлагар, 156 полк— в Маджалис—штаб находился в Дербенте). 2-я Московская бригада курсантов, 97-я стрелковая бригада и 40, 41, 42 стрелковые бригады 14-й дивизии.

Все это позволило командованию разработать план общего наступления и 8 декабря отдать приказ начать это наступление.

Первый удар был нанесен по аулу Ходжал-Махи, откуда после упорного боя 2 января 1921 г. противник был выбит. Развивая успех, части Красной Армии выступили к аулу Чох, откуда открывалась дорога на Гуниб.

Несмотря на неприступность аула, искусным маневром ложного наступления партизаны заняли его и заставили Гоцинского, находившегося в это время в Чохе, спешно удрать вглубь гор, позабыв в ауле свою печать имама.

Дорога на Гуниб была открыта. Весть о победе под Чохом летела молниеносно и помогала партизанам добиваться новых побед. Войска Гоцинского стали отходить и гарнизон крепости был вызволен из засады. Усилившись за счет гунибцев и их запасов, части Красной Армии и партизаны начали наступление на Хунзах через Карадах и Ругуджу.

Освободив эти аулы, советские части встали перед задачей подняться на Хунзахское плато и атаковать крепость. Решить эту задачу было очень трудно без поддержки осажденного гарнизона. Надо было установить с ним связь, что и было сделано через опытных лазутчиков.

Одновременно с подготовкой штурма Хунзахского плато через Карадах, другие части Красной Армии вели наступление через аул Гергебиль. Аул Гергебиль расположен в неприступных скалах. Еще во время борьбы Шамиля он прославился исторической осадой. И сейчас взять его было очень трудно, Более 10 дней с 8 по 19 января в неимоверных трудных условиях части Красной Армии пытались штурмовать Гергебиль лобовыми ударами.. Но это не удалось. И только 26 января, обойдя неприступный аул, советские войска освободили его и открыли путь на Хунзах. Одновременно частями, наступающими

из Карадаха и при поддержке ударившему в тыл противника гарнизона Хунзаха, снята была вторая осада крепости Хунзах, продолжавшаяся 52 дня.

В это время 25 января изо всех сил Красной Армии, оперировавшая в Дагестане, была создана так называемая Терско-Дагестанская группа, осуществлявшая окончательный разгром Гоцинского. Частями этой группы была проведена блестящая операция, так называемая артиллерийская осада неприступного аула Гимры и совместно с партизанскими отрядами остатки сил Гоцинского были прижаты к главному Кавказскому хребту —туда, откуда они начали свою преступную авантюру.

Отряд Кара Караева, освободив Кумух и другие лакские аулы, начали наступление на Анцухо-Капучинский участок с востока. Отряд Богатырева, преодолевая упорное сопротивление противника в трудных условиях высокогорной местности, неся большие потери, шаг за шагом продвигался вперед. Символом героических подвигов дагестанцев в этих последних боях является подвиг молодого горца Чирапилау, совершенный им в бою под аулом Анцух. В этом бою противник, занимая выгодные высоты, обрушил на партизан град камней. Отброшенные этим необычным ливнем, партизаны не успели вывезти орудие. Оно могло достаться врагу и усилить его. Во что бы то ни стало надо было снять замок. Выполнить эту задачу вызвался молодой горец партизан Чирапилау. Свидетель этого подвига рассказывает о нем:

Чирапилау смело, не торопясь идет по дороге. Скалы ревут и брызжут камнями. Ущелье стонет и охает. Пули свистят. Сотни глаз с напряжением и внутренней дрожью следуют за ним шаг за шагом. Вот он огибает труп убитого красноармейца. Вот он споткнулся о камень. Затаил дыхание. Вот он у пушки. Снимает затвор. Слишком медленно... Хочется крикнуть „скорее“... Но вот затвор у него в руках. Вдруг он падает. Пуля попала в живот. Грузное „Ах“! всколыхнуло воздух. Но вот он поднялся. Медленно, неуверенно берет тяжелый затвор. Идет шатаясь, останавливаясь. Но все же идет и несет затвор. Вдруг снова роняет затвор. Пуля в руку. Едва удерживается на ногах. Но снова с трудом берет затвор и идет. Чирапилау идет, как обреченный. Все взоры противника сосредоточены на нем, как и наши. Пули падают вокруг него. Их видно под поднимающимся брызгам льда и земли. Он идет. Вот еще несколько шагов и Чирапилау будет за полосой неприятельского огня.

Но он падает. Он изнемог. Минуту все ждут. Но нет, он

не шевелится. Убит... Несколько человек срывается с места и бегут к нему. Его и затвор выносят из полосы огня.

Командир батареи кидается к затвору. Товарищи окружают Чирапилау. Он потерял много крови. Рука не годится. Пуля пронзила живот. Еще несколько легких ранений. Он собирает последние силы, чтобы что-то сказать. Все наклоняются к нему. Каждый хочет услышать.

Скажите... семье...

Он закрывает глаза. Теряет сознание.

В эти дни жестокой борьбы трудящихся Дагестана с буржуазно-националистической контрреволюцией во главе с Нажмуддином Гоцинским, началась вооруженная борьба трудящихся Грузии против меньшевистского правительства.

Вспыхнувшее в феврале 1921 года, под руководством грузинских большевиков восстание, в Корчалинском уезде быстро распространилось по всей Грузии. Восставшие, создали Революционный Комитет для руководства восстанием и для организации Советской власти. От имени трудящихся Грузии Ревком обратился к Красной Армии с просьбой о помощи.

Под руководством Серго Орджоникидзе, со стороны Азербайджана, и С. М. Кирова, со стороны Осетии, через Мамисонский перевал двинулись части Красной Армии на помощь трудящимся Грузии.

Под ударами восставших и Красной Армии войска меньшевиков терпели поражение за поражением. Насильно призванные в армию грузинского меньшевистского правительства, рабочие и крестьяне Грузии с восторгом переходили на сторону восставших и Красной Армии.

Чувствуя свой конец, грузинские меньшевики, азербайджанские муссавитисты и горская контрреволюция в последние дни своего существования на грузинской территории пытались пойти на новую авантюру.

За неделю до того, как Тифлис стал советским; 17 февраля 1921 года в Тифлисе образовался „Азербайджанско-Северо-Кавказский Комитет“ для борьбы против Советской власти, в Азербайджане на Северном Кавказе и в Дагестане. Председателем этого комитета стал Гайдар Бамматов—бывший министром иностранных дел правительства „Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана“, его заместителем—Мустафа Векилов, муссаватист—бывший министр внутренних дел муссаватистского правительства Азербайджана. Вошли в „Азербайджано-Северо-Кавказский комитет“—Алихан Кантемир—бывший дипломатический представитель „Республики Союза Горцев“ при муссаватистском правительстве Азербайджана,

Ахмед Цаликов—бывший председатель Меджилиса (парламента) „Республики Союза Горцев“ и др.[1]

Немедленно этот комитет был признан меньшевистским правительством Грузии „единственным истинным выразителем воли народов Азербайджана и горской республики“[2]. „Азербайджано-Северо-Кавказский Комитет“ немедленно приступил к работе.

23 февраля он оповестил по радио в адрес: Париж, Лондон, Рим, Берлин, Варшава, Анкара, Гельсингфорс, Ревель и Рыга о том, что он создан. В тот-же день, это новоявленное „правительство“ обратилось к земским городским самоуправлениям, особоуполномоченным меньшевистского грузинского правительства в Батумской области, генерал-губернатору восточной Грузии и Комиссариату Абхазии с просьбой отдать распоряжение о немедленном призыве горцев Северного Кавказа и Дагестана и азербайджанцев в ряды армии, формируемой для борьбы с Советской Россией и Азербайджаном[3].

Министр внутренних дел меньшевистского правительства Грузии разослал, в свою очередь указания на места „о законном содействии“ в принудительном наборе горцев и азербайджанцев.[4] Так, за два дня до освобождения Тифлиса от грузинских меньшевиков и бегства меньшевистского правительства вместе с контрреволюционерами Дагестана правители Грузии, в купе с контрреволюционерами Азербайджана, Северного Кавказа и Дагестана пытались принудительным путем, сформировать вооруженные силы из горцев и азербайджанцев на помощь грузинским меньшевикам, доживавшим свои последние дни. Понятно, что из этой затеи ничего не вышло.

Двадцать пятого февраля Орджоникидзе телеграммой сообщил Ленину и Сталину:

„Над Тифлисом реет Красное Знамя Советской власти. Да здравствует Советская Грузия“.[5] Вскоре по всей Грузии установилась Советская власть. Это имело решающее значение для ликвидации антисоветского мятежа Гоцинского в Дагестане. Разгром грузинских меньшевиков ликвидировал очаг контрреволюции, питавший азербайджанских, Северо-Кавказских и дагестанских врагов Советской власти. Они были лишены плацдармов, где они формировали свои силы, откуда они

---

1 Бюллетень „Независимый Кавказ“ № 1. от 23 февраля 1921 г. гор. Тифлис
2 Там—же.
3 Там—же.
4 Там—же.
5 Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи 1911—1937. стр 9. 8. Госполитиздат 1939 г.

производили бандитские набеги на Советский Дагестан, куда они прятались после своего поражения.

В течение целого месяца шли еще бои на границе с Грузией. Только совместным ударом со стороны Андийского округа из Кахетии к 15 марта удалось сломить упорство врага и нанести ему полный и окончательный разгром.

Героическими усилиями частей Красной Армии и партизан и всего трудового Дагестанского народа последний враг Советского Дагестана—лжеимам Гоцинский был окончательно разгромлен и его банды были уничтожены.

Высокую оценку героизма воинов Красной Армии и Дагестанских партизан в борьбе с Гоцинским дал 20 марта 1921 г. в телеграмме Ревкому Автономной Советской Республики Дагестана—Серго Орджникидзе.

„Примите мой братский привет и передайте его горской бедноте Дагестана, славным красным партизанам и непобедимой героической Красной Армии—гордости Рабоче-Крестьянской России. Поздравляю вас с полным разгромом белогвардейских банд, наемников антанты и халуев международной буржуазии грузинских меньшевиков, правительство которого позорно, под прикрытием французских миноносцев, бежало в Константинополь.

Да здравствует Автономная Республика Дагестана!
Да здравствует Героическая Красная Армия!

ОРДЖОНИКИДЗЕ".[1]

Антисоветский мятеж Нажмуддина Гоцинского был разгромлен и Советский Дагестан мог вздохнуть полной грудью. Наступил долгожданный мирный период. В братской семье советских народов с помощью великого русского народа, под руководством большевиков, трудящиеся Дагестана приступили к мирному социалистическому строительству.

---

[1] Газета „Правда Грузии" № 17 от 22 марта 1921 г. гор. Тифлис.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Глава 1.	Дагестан в период февральской буржуазной революции 1917 года в России	3
„ 2.	Борьба за победу Великой Октябрьской Социалистической революции в Дагестане	9
„ 3.	Советская власть в Дагестане в 1918 году	33
„ 4.	Борьба против германо-турецких империалистов и Бичерахова	47
„ 5.	Борьба трудящихся Дагестана против Деникина	63
„ 6.	Антанта, грузинские меньшевики, азербайджанские муссаватисты—в борьбе против власти Советов в Дагестане . . .	94
„ 7.	Разгром интервентов и белогвардейцев и восстановление советской власти в Дагестане	103
„ 8.	Провозглашение автономии Дагестана и разгром антисоветского мятежа Гоцинского.	127

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

Редактор Н. Эмиров.

Подписано к печ. 6/XI-45 г. Даггиз
№ 266 С 05319 Объем 9,0 п. л.
Тираж 10000 Зак. № 1553

Махачкала, тип. Упр. Изд-ва
и Полиграфии им. С. М. Кирова

Цена 10 р.